

ISSN 2500-0217

№ 1 (51) 2018

Правовое государство: теория и практика

The rule-of-law state: theory and practice

*Модернизация политической системы –
ближайший путь к правовому государству*

Наш вывод

В номере:

- От права к правовому государству
- Информационные технологии
и международное право
- Правовой нигилизм как антипод
технологической культуры
- Развитие отечественного аграрного права

ТЕМА НОМЕРА: К новым рубежам
теории государства и права

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 1 (51) 2018 общественно-политический и научно-правовой журнал

Издаётся с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИППГ);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Заричанский Олег Анатольевич – д.ю.н., профессор (Ивано-Франковский университет права, Украина);

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (РАНХ иГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Мухаметшин Фаим Баязитович – д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ, г. Уфа);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ, г. Уфа);

Полстовалов Олег Владимирович – д.ю.н., (Башкирская академия госслужбы, г. Уфа);

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Хайруллин Владимир Ихсанович – д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Утяшев Марат Мухарович – д.п.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – д.ю.н., профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Минаков Павел Анатольевич – кандидат политических наук, доцент.

УЧРЕДИТЕЛИ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»;

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства».

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Воронин Б.А.</i>	Трудный путь становления и развития отечественного аграрного права	7
<i>Сальников В.П.</i>	От права к правовому государству	12
<i>Еникеев Р.Н.</i>	От правовой организации общественной жизни – к правовому государству	15
<i>Романовская В.Б.</i> <i>Сальников М.В.</i> <i>Горбунов М.Д.</i>	Минимальное содержания права и его связь с нравственностью в неопозитивистской концепции Герберта Харта (подходы к исследованию)	20
<i>Апольский Е.А.</i>	Учения о правовом государстве в трудах отечественных дореволюционных государствоведов начала XX вв.	27
<i>Кашапов У.А.</i>	Становление российской юридической науки и в рамках нее антропологических парадигм в XV- XVIII вв.	33
<i>Пахомова Е.А.</i> <i>Сальников М.В.</i> <i>Фомичев М.Н.</i>	Слабости современной российской либертарианской правовой концепции	43
<i>Черных А.В.</i>	Правовой нигилизм как антипод технологической культуры	48
<i>Исмагилов И.Р.</i>	Теоретические и методологические проблемы развития политико-правовой мысли на рубеже XVIII-XIX вв.: предпосылки становления философии права Г.В.Ф. Гегеля	53
<i>Кондратьева А.Н.</i>	К вопросу об истории создания «Декрета Грациана»	59
<i>Кондратьева А.Н.</i> <i>Сальников М.В.</i> <i>Цыганов В.И.</i>	Идеи евразийства в политико-правовой реальности современной России	67
<i>Петренко М.Н.</i>	О содержании, теоретических основаниях и критериях допустимости государственно-правового принуждения	75
<i>Чупрякова Т.В.</i>	Профессиональная культура юриста: теоретико-правовое осмысление	80

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Круглова Ю.Б.</i> <i>Мисякова О.В.</i>	Реализация принципов права при производстве по делам об административных правонарушениях	89
<i>Тулупова Е.О.</i> <i>Ларинбаева И.И.</i>	Особенности конституционного процесса в субъекте федерации (на примере конституционного суда земли Бранденбург)	93

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Кожина Ю.А.</i>	Некоторые последствия реализации программы суррогатного материнства в России: теория и практика	98
<i>Дзкуя Ш.В.</i>	Особенности понятий обязательства и договора в ГК Российской Федерации и ГК Франции: сравнительно-правовое исследование	102
<i>Фатихов Р.В.</i>	Особенности создания складочного капитала в хозяйственном партнерстве	107
<i>Фатихова Л.М.</i>	Особенности наследования прав, связанных с участием наследодателя в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах	112

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.**УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

<i>Баранов В.М.</i>	Правоотношения, возникающие при применении принудительной	119
<i>Спасенников Б.А.</i>	психиатрической терапии	
<i>Погодина Т.Г.</i>		

<i>Гайдай М.К.</i>	Осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов	124
	как особая социальная группа	
<i>Абрамова С.Р.</i>	Особенности возбуждения уголовных дел и типичные следственные	133
	ситуации первоначального этапа расследования незаконного усыновления	
<i>Сердюк П.Л.</i>	Обман как способ совершения имущественных	138
	и финансовых преступлений	

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

<i>Перемолотова Л.Ю.</i>	Отдельные аспекты обеспечения и защиты прав и свобод личности	143
	при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	
	в пенитенциарных учреждениях	
<i>Файзуллина А.А.</i>	Особенности образования материальных следов в результате	149
	умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества,	
	совершенного путем поджога	
<i>Алексанин А.С.</i>	О понятии и содержании оперативно-розыскного мероприятия	153
	«получение компьютерной информации»	
<i>Быкова Э.Ф.</i>	К вопросу о значении судебно-бухгалтерской экспертизы	159
<i>Семенова О.Ю.</i>	Способ совершения преступления как элемент криминалистической	164
	характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных	
	медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения	
	своих профессиональных обязанностей	

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.**БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

<i>Гуляев И.А.</i>	Неналоговые доходы бюджетов бюджетной системы: вопросы	169
	терминологии	

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

<i>Хотько О.А.</i>	Юридическая природа экологической безопасности транспортной	174
	деятельности	
<i>Коробка Л.Е.</i>	Принцип транспарентности при реализации экологических	183
	правоотношений	
<i>Мухаметгареева Н.М.</i>	Международно-правовые аспекты охраны окружающей среды	188
<i>Юсупова З.А.</i>	в странах ЕС (Часть 1)	

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.**МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

<i>Вахитова Г.В.</i>	Информационные технологии и международное право	193
<i>Шонин Н.Е.</i>		
<i>Гургулия А.А.</i>	Анализ развития правового регулирования иностранных инвестиций	199
	в России	

205

К АВТОРАМ

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.

HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE

<i>Voronin B.A.</i>	Difficult Path of Forming and Developing National Agrarian Law	7
<i>Salnikov V.P.</i>	From Law to the Rule-of-Law State	12
<i>Enikeev R.N.</i>	From Legal Organization of Social Life to the Rule-of-Law State	15
<i>Romanovskaya V.B.</i> <i>Salnikov M.V.</i> <i>Gorbunov M.D.</i>	Minimum Content of Law and Its Connection with Morality in the Neo-Positivist Concept of Herbert Hart (Approaches to the Research)	20
<i>Apolskiy E.A.</i>	The Doctrines of the Rule-of-Law State in the Works of Russian Pre-Revolutionary State Law Scientists of the Early 20th Century	27
<i>Kashapov U.A.</i>	The Development of Russian Legal Science and Anthropological Paradigms in the XV - XVIII Centuries	33
<i>Pakhomova E.A.</i> <i>Salnikov M.V.</i> <i>Fomichev M.N.</i>	Points of Weakness of the Modern Russian Libertarian Legal Concept	43
<i>Chernykh A.V.</i>	Legal Nihilism As an Antipode of Technological Culture	48
<i>Ismagilov I.R.</i>	Theoretical and Methodological Problems of the Development of Political and Legal Thought at the Turn of the XVIII–XIX Centuries: The Preconditions for the Development of the Philosophy of Right of G.W.F. Hegel	53
<i>Kondrateva A.N.</i>	To the Question of the Origin of “Decretum Gratiani”	59
<i>Kondrateva A.N.</i> <i>Salnikov M.V.</i> <i>Tsyganov V.I.</i>	Ideas of Eurasianism in the Political and Legal Reality of Modern Russia	67
<i>Petrenko M.N.</i>	On the Content, Theoretical Foundations and Admissibility Criteria of State Legal Coercion	75
<i>Chupraykova T.V.</i>	Professional Culture of the Lawyer: Theoretical and Legal Comprehension	80

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW. CONSTITUTIONAL PROCEDURE.

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES. INFORMATION LAW

<i>Kruglova J.B.</i> <i>Misyakova O.V.</i>	Implementation of Principles of Law During Administrative Proceedings	89
<i>Tulupova E.O.</i> <i>Larinbaeva I.I.</i>	Features of the Constitutional Process in a Federation Entity (On the Example of the Constitutional Court of the Land of Brandenburg)	93

CIVIL AND FAMILY LAW. BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW. CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

<i>Kozhina Yu.A.</i>	Some Implications of the Implementation of the Program of Surrogate Motherhood in Russia: Theory and Practice	98
<i>Dzkuya S.V.</i>	Peculiarities of the Concepts of Obligation and Contract in the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Code of France: A Comparative Legal Study	102
<i>Fatikhov R.V.</i>	Features of the Share Capital Creation in Economic Partnerships	107
<i>Fatikhova L.M.</i>	Features of the Inheritance of the Rights Related to the Testator's Participation in Business Partnerships, Societies and Production Cooperatives	112

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW.**CRIMINAL PROCEDURE**

<i>Baranov V.M.</i>	Legal Grounds for Compulsory Psychiatric Treatment	119
<i>Spasennikov B.A.</i>		
<i>Pogodina T.G.</i>		

<i>Gaidai M.K.</i>	Convicts - Former Court and Law Enforcement Officials As a Special Social Group	124
<i>Abramova S.R.</i>	Specificities of Instituting Criminal Proceedings and Typical Investigative Situations at the Initial Stage of Investigating Illegal Adoption	133
<i>Serdyuk P.L.</i>	Fraud As a Means of Committing Property and Financial Crimes	138

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIVE SEARCH ACTIVITY

<i>Peremolotova L.Yu.</i>	Some Aspects of Ensuring and Protecting Individual Rights and Freedoms While Carrying out Operative Search Activities in Penitentiary Institutions	143
<i>Fayzullina A.A.</i>	Peculiarities of Making Material Traces As a Result of Intentional Destruction or Damage to Property of Another, Committed by Arson	149
<i>Aleksanin A.S.</i>	On the Concept and Content of the Operative Search Activity "Obtaining Computer Information"	153
<i>Bykova E.F.</i>	To the Question of the Significance of Forensic Audit	159
<i>Semenova O.Yu.</i>	The Method of Committing a Crime As an Element of Forensic Characteristics of Crimes Against Life and Health Committed by Medical Workers in Consequence of Medical Misconduct	164

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW. BANKING AND MONETARY LAW. TAX LAW

<i>Gulyaev I.A.</i>	Non-tax Budget Revenues of the Budget System: Terminology Issues	169
---------------------	--	-----

ENVIRONMENTAL LAW

<i>Khotko O.A.</i>	Legal Nature of Environmental Safety of Transport Activity	174
<i>Korobka L.E.</i>	The Principle of Transparency in the Implementation of Environmental Legal Relations	183
<i>Mukhametgareeva N.M.</i>	International Law Aspects of Environmental Protection in the EU	188
<i>Yusupova Z.A.</i>	Countries (Part 1)	

INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY.**INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW**

<i>Vakhitova G.V.</i>	Information Technology and International Law	193
<i>Shonin N.E.</i>		
<i>Gurguliya A.A.</i>	The Analysis of the Development of Legal Regulation of Foreign Investments In Russia	199

TO THE AUTHORS		205
-----------------------	--	-----

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 340

**ТРУДНЫЙ ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
АГРАРНОГО ПРАВА**

ВОРОНИН Борис Александрович

*доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления и права Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: voroninba@yandex.ru*

**DIFFICULT PATH OF FORMING AND
DEVELOPING NATIONAL
AGRARIAN LAW**

VORONIN Boris Aleksandrovich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Management and Law, Urals State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: voro-ninba@yandex.ru*

Исторические сложности становления и развития аграрного права в нашей стране не могут оставаться вне поля зрения современных исследователей. Пристального внимания заслуживают трудности становления и развития аграрного предпринимательства, особенности правового статуса отечественного крестьянства, а также специфические аспекты земельного и аграрного законодательства. Отечественная юридическая наука прошла большой и сложный путь от колхозного права до современного аграрного права. Успешное развитие аграрного сектора страны полностью и всецело повязано с развитием Российского государства в сторону подлинного правового государства.

Ключевые слова: земельно-аграрная реформа; законодательство о земле; колхозное право; сельскохозяйственное право; аграрное право; аграрно-правовая наука.

In modern conditions, the historical difficulties of forming and developing agrarian law in our country cannot remain out of researchers' view. At the same time, serious attention is paid to the difficulties of forming and developing agrarian entrepreneurship, specific features of the legal status of the national peasantry, as well as specific aspects of the national land and agrarian legislation. National legal science has passed a long and difficult path from collective farm law to agrarian law. The successful development of the agrarian sector of our country is completely and entirely tied to the development of the Russian state towards a true rule-of-law state.

Key words: land-agrarian reform; legislation on land; collective farm law; agricultural law; agrarian law: agrarian and legal science.

Становление и развитие подлинного аграрного права в России началось со столыпинской земельно-аграрной реформы, 110 годовщину которой в нашей стране отмечали в 2016 году. Именно с именем Столыпина связано начало формирования рыночных экономических отношений в сельском хозяйстве нашей страны. Столыпиным же был дан старт и развитию аграрного предпринимательства. Однако происшедшая в октябре 1917 года революция и принятие ВЦИКом Декрета «О земле» кардинально изменили ход эволюционного развития аграрной экономики, а также формы хозяйствования на селе. В ходе советской национализации земли крестьяне вновь потеряли право собственности на землю, заодно и экономические свободы.

Новая аграрная политика Коммунистической партии была закреплена в изданном 14 февраля 1919 года «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» [1]. Это Положение поставило задачу: организовать переход от единоличных форм землепользования к товариществам. Положение о социалистиче-

ском землеустройстве всячески поощряло создание советских хозяйств и коммун, так как «на все виды единоличного землепользования следует смотреть, как на проходящие и отживающие» (ст. 3). В целях реализации, закрепленного в ст. 3 Положения вектора развития сельского хозяйства, в этом же Положении предписывалось прекратить распределение земли в единоличное пользование. Одновременно здесь же устанавливалась следующая очередность распределения земель: при дальнейшем распределении земель отводить землю в первую очередь – советским хозяйствам и коммунам, во вторую очередь трудовым артелям и товариществам, только затем, по остаточному принципу, единоличным землепользователям.

При коллективизации, начатой в 1927 году, государство превратилось в орган карательный, а вся политика коллективизации 1927–1930 годов вернула крестьян в положение крепостных, которые стали работать на государство, не распоряжаясь результатами своего труда и даже личной свободой. В результате коллективизации сложилась система государственных и огосударствленных предприятий по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Коллективизация не могла не быть насильственной, так как из независимого, процветающего крестьянства предстояло сделать, по сути дела, крепостных. Поэтому и законодательные акты периода 1926–1937 годов носят властный, административный характер и даже содержат нормы уголовного права. Нужно отметить и происходившее беззаконие в процессе проведения коллективизации, так как проводилась она не на основании законодательных актов, а по решению XV съезда ВКП(б), который вошел в историю как съезд коллективизации сельского хозяйства. Задачей правительства в сельском хозяйстве стала организация из единоличных крестьянских хозяйств – коллективных хозяйств, которые будут производить сельскохозяйственную продукцию на государственной земле, государственными орудиями труда и сдавать ее государству, согласно намеченному плану.

Кардинально изменился фактический и правовой статус крестьянина. Из свободного земледельца он стал колхозником, а фактически – работником подневольного труда, для которого даже специально оговаривалось уголовное наказание. Причем, советская власть так пыталась укреплять колхозы, что создавалось впечатление, как будто, они должны функционировать вечные времена. Между тем, колхозы, какими бы собственными особенностями не отличались, одновременно, должны были функционировать в условиях еще более важных. Но эти моменты в колхозном праве почти не учитывались. Имея в виду эти моменты, некоторые ученые еще в 80-е годы XX века писали: «Традиционное понятие «колхоз», его роль и место в структуре сельскохозяйственного производства качественно изменились. Исторически присущие особенности колхозов все заметнее устраняются, колхозы как сельскохозяйственные предприятия в настоящее время подвергаются влиянию таких же особенностей, которые характерны сельскому хозяйству в целом» [2, с. 4]. Но, несмотря на такие утверждения, сельское хозяйство, включая и колхозы, вплоть до 1990 года в нашей стране пыталось развиваться на основе исключительной государственной собственности на землю и другое имущество, включая и произведенную сельскохозяйственную продукцию. Основными организационно-правовыми формами хозяйствования были: огосударствленные колхозы, государственные совхозы, агрофирмы и объединения. Естественно, что в этих условиях, т.е. при исключительной государственной собственности на землю не могли получить развитие рыночная экономика и аграрное предпринимательство.

Особенно плачевной оказалась судьба колхозников. Отсутствие паспортов не только не позволяло гражданам выехать из деревни на другую работу или место жительства, но и морально унижало сельских жителей, делая их второсортными людьми в стране. То же самое можно сказать и по поводу полного отсутствия государственных пенсий у колхозников.

Несмотря даже на то, что эти очевидные перегибы в аграрной политике государства временами были осуждены, т.е. принимались определенные решения по этому поводу, они повторялись в более мягком варианте. В целом, сложившееся в 30-е годы XX века отношение к сельскому труженику оказало свое деструктивное воздействие на развитие всей сельской

экономики, привело к ликвидации так называемых «неперспективных» сел и деревень. Все вышеизложенные факты относятся к периоду советской власти 1917–1990 гг. Однако и в современной России имеются проблемы, требующие как теоретического переосмысления, так и законодательного решения. Возьмем в качестве примера решение проблемы земельных отношений в сельском хозяйстве. Как Земельный кодекс Российской Федерации, так и Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», настолько зарегулировали приобретение в собственность или аренду сельхозземель, что сельские жители, которые в начале девяностых годов хотели работать на своей земле, так и не смогли получить даже реальные свои земельные паи. В результате сегодня в целом по стране из 122 млн га пашни вне аграрного производства находится около 40–50 млн га пашни, которая зарастает древесно-кустарниковой растительностью, заболачивается, засоряется, то есть подвергается деградации или массовой застройке коттеджами. Между тем, хотя и с большим трудом, но, все же, встречаются и примеры решения земельного вопроса по новому, т.е. в соответствии с предпринимательскими вызовами. В частности, к числу таковых мы бы отнесли практику, которая получила название «дальневосточный гектар». Значит, надо распространить подобный опыт на все регионы страны, и решить, наконец, земельный вопрос в пользу развития сельского хозяйства. Рассматривая подробнее современное российское аграрное законодательство, можно отметить, что именно на уровне понятий имеются вопросы теоретического характера. Речь идет, например, о названии федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Если в законе от 22 ноября 1990 года акцент был сделан на словосочетании – *крестьянское хозяйство* (здесь и далее курсив мой. – Б.В.), то в законе от 11.06.2003 г. на словосочетании *фермерское хозяйство*. Этот фактор свидетельствует о принципиальной трансформации понятия в сторону фермерского хозяйства.

Действительно, фермерское хозяйство – это аграрное предпринимательство, агробизнес, и этим занимаются в основном жители сельских населенных пунктов. А что такое сегодня крестьянское хозяйство, если в современной России на конституционном уровне отсутствует понятие класса крестьян. Когда-то в России и в других республиках СССР были классы рабочих и крестьян, а также трудовой интеллигенции, но сегодня все мы живем в бесклассовом обществе и правомерно ли говорить о крестьянстве, о крестьянском хозяйстве. В экономической, юридической и других науках в настоящее время в обиходе понятия аграрная экономика, аграрный предприниматель, агробизнес, аграрное право, аграрная политика и другие родственные категории. Да и Гражданский кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ и другие важнейшие законодательные акты применяют понятия *работодатель, работник, кадры, трудовой персонал, сельскохозяйственный товаропроизводитель* и другие, но нигде нет упоминания о слове крестьянин. О крестьянстве же сегодня можно найти публикации разве что у историков. Да и переходный период в развитии фермерства уже закончился, а поэтому и из названия закона следовало бы убрать слово *крестьянское*, а оставить лишь фермерское хозяйство, и само название закона должно звучать: «О фермерском хозяйстве».

В этом же ряду стоит понятие *семейное фермерское хозяйство*. Федеральный закон № 74-ФЗ от 11.06.2003 г. определил фермерское хозяйство как организацию семейно-трудового типа. Однако в законе нет словосочетания семейное фермерское хозяйство, хотя на практике стало применяться понятие «семейное фермерское хозяйство» в правовых актах Правительства Российской Федерации, Минсельхоза РФ и других органов государственной власти.

Есть вопросы и к статусу личного подсобного хозяйства. Согласно федеральному закону № 112-ФЗ от 07.07.2003 г., ЛПХ – форма не предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Однако в научных работах, в информационных материалах органов власти часто звучат понятия придомовое хозяйство, товарное ЛПХ и т.д. Очевидно, что если личные подсобные хозяйства заняты товарным производством, то и в законе необходима дифференциация ЛПХ на товарное, а значит предпринимательское, и просто личное подсобное хозяйство, обеспечивающее жизнедеятельность сель-

ских жителей. «При этом всем предпринимателям представляется равное право доступа на рынок, к материальным, финансовым, трудовым, информационным и природным ресурсам» [3, с. 340]. Есть еще вопросы и по холдингам. В Российской Федерации нет закона «О холдингах», тем более «Об агрохолдингах». На самом деле, сегодня и в научных публикациях, и в материалах органов власти сплошь и рядом идет информация о создании и функционировании в аграрной сфере холдинговых компаний.

В целом, в современных условиях аграрный сектор экономики нашей страны, так же как и все российское общество, нуждается в переводе на рельсы устойчивого развития. Однако, к большому нашему сожалению, вся Концепция устойчивого развития в нашей стране находится лишь на стадии первоначального этапа осмысления. Еще 1 апреля 1996 года был издан Указ Президента Российской Федерации № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» и утверждена Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [4]. «Однако суть этой Концепции и возможные параметры ее восприятия в нашей стране остаются недостаточно осмысленными, а порою просто непонятыми» [5, с. 5]. Мы можем лишь присоединиться к этому мнению и сегодня.

Все приведенные здесь мысли и факты свидетельствуют о том, что успешное развитие аграрного сектора нашей страны полностью и всецело повязаны с развитием и Российского государства в сторону подлинного правового государства. То, что наше сегодняшнее Российское государство до сих пор еще не доросло до уровня подлинного правового государства, подтверждается многочисленными публикациями соответствующих специалистов по этой проблематике. Так, на страницах журнала «Правовое государство: теория и практика» читаем: «постсоветская Россия до сих пор еще не нашла новую жизнеутверждающую концепцию своей государственно-правовой жизни. В этом смысле природа государственности постсоветской России на сегодняшний день находится в состоянии даже «пугающей» неопределенности» [6, с. 10]. Нам также представляется, что в действительном правовом государстве такого вольного обращения с понятиями в законах и на практике просто не должно быть. Правовое государство должно востребовать более качественное правовое регулирование общественных отношений, а это возможно при соответствующем качестве законов и иных нормативных правовых актов. К тому же, в принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации в ст. 1 п. 1 установлено, что Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Впервые в конституции российского государства было определено, что Россия является правовым государством. Это означает, что в стране должны господствовать право и верховенство закона. Однако и тут трудно не согласиться с утверждением о том, что «подлинное правовое государство без зрелого гражданского общества просто немыслимо» [7, с. 8].

Естественно, что ученые юристы и специалисты других отраслей наук активно исследовали тему правового государства. В стране проводились научно-практические конференции, «круглые столы», научные семинары, публиковались научные статьи в журналах, сборниках и монографиях. Только в рамках отечественного аграрного права все еще не чувствуется то, что Российская Федерация позиционировала себя демократическим правовым государством. Представляется, что представители и отечественного аграрного права должны вписываться в рамки и положения, соответствующие требованиям правового государства.

Библиографические ссылки

1. Положение «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». Утверждено постановлением ВЦИК 14 февраля 1919 г. (СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43).
2. Раянов Ф.М. Предмет и система сельскохозяйственного права : учебное пособие. Уфа : изд. Башкирск. ун-та, 1980.

3. Аграрное право : учебник для вузов / С.С. Акманов, Н.Н. Веденин, В.С. Шишкина, Г.Е. Быстров, М.И. Козырь, Б.Д. Ключкин, М.И. Палладина, А.А. Погребной, Ф.М. Раянов, Н.А. Сыродоев, Г.В. Чубуков ; под ред. проф. Г.Е. Быстрова и проф. М. И. Козыря. М. : Юрист, 2000.
4. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>
5. Раянов Ф.М. Концепция устойчивого развития и российская государственно – правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12. С. 5-10.
6. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.
7. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 6-

References

1. Polozhenie «O sotsialisticheskom zemleustroistve i o merakh perekhoda k sotsialisticheskomu zemledeliyu». Utverzhdeno postanovleniem VTsIK 14 fevralya 1919 g. (SU RSFSR. 1919. No. 4. St. 43) (The Regulation “On Socialist Land Management and Measures for the Transition to Socialist Agriculture”. Approved by the decision of the Central Executive Committee on February 14, 1919 (RSFSR SU., 1919. No. 4. Article 43)).
2. Rayanov F.M. Predmet i sistema sel'skokhozyaistvennogo prava (The subject and system of agricultural law), uchebnoe posobie. Ufa, izd. Bashkirsk. un-ta, 1980.
3. Agrarnoe pravo (Agrarian Law), uchebnik dlya vuzov. S.S. Akmanov, N.N. Vedenin, V.S. Shishkina, G.E. Bystrov, M.I. Kozyr', B.D. Klyukin, M.I. Palladina, A.A. Pogrebnoi, F.M. Rayanov, N.A. Syrodov, G.V. Chubukov, pod red. prof. G.E. Bystrova i prof. M. I. Kozyrya. M., Yurist', 2000.
4. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>
5. Rayanov F.M. Kontseptsiya ustoichivogo razvitiya i rossiiskaya gosudarstvenno – pravovaya deistvitel'nost' (The concept of sustainable development and the Russian state and legal reality), *Pravo i politika*, 2004, No. 12, pp. 5-10.
6. Rayanov F.M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
7. Rayanov F.M. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-15.

Дата поступления: 28.01.2018

Received: 28.01.2018

УДК 340

**ОТ ПРАВА К ПРАВОВОМУ
ГОСУДАРСТВУ****САЛЬНИКОВ Виктор Петрович**

доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

**FROM LAW TO THE RULE-OF-LAW
STATE****SALNIKOV Viktor Petrovich**

Doctor of Law, Professor, Editor-in-chief of the journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg, Russia. E-mail: Fonduniver@bk.ru

В исследовании проблем, имеющих прямое отношение к теории и практике формирования и функционирования правового государства, большую роль играет Уфимская школа правового государства. В научных статьях, публикуемых на страницах журнала «Правовое государство: теория и практика» регулярно подчеркивается, что проблемы формирования и функционирования правового государства неразрывно связаны с проблемами становления и совершенствования гражданского общества. Исследование этих проблем, определение главных векторов дальнейшего усиления в стране позиций гражданского общества и правового государства, изучение обозначившихся в современных условиях основных тенденций государственно-правового развития Российской Федерации является одним из приоритетных направлений отечественной теории государства и права.

Ключевые слова: государство, право, гражданское общество, правовое государство, философия права, обществоведческая наука, теоретическая правовая наука, научная школа.

In the study of the problems directly related to the theory and practice of the formation and functioning of the rule-of-law state, the Ufa School of the Rule-of-Law State plays an important role. Scientific works published in the journal "The Rule-of-Law State: Theory and Practice" emphasize regularly that the problems of the formation and functioning of the rule-of-law state are inextricably related to the problems of the formation and improvement of civil society. The study of these problems, the identification of the main vectors for the further strengthening of the positions of civil society and the rule-of-law state in our country, the study of the main trends in the state and legal development of the Russian Federation that have emerged in modern conditions is one of the priority areas of national theory of state and law.

Key words: state, law, civil society, rule-of-law state, philosophy of law, social studies science, theoretical legal science, scientific school.

Не так давно мы писали, что «подлинно свободный человек относится к праву как «своему иному», воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость, задается ему какими - то более высокими основаниями, чем плоский прагматизм или страх перед государством и его силой» [1, с. 49]. Смысл этих наших утверждений стал мне больше проявляться после того, когда творческая моя судьба вывела меня на более тесную связь с представителями Уфимской научной школы правового государства. Эту школу представляют не только довольно успешно работающие, в области правового государства, специалисты, но и получивший признание в стране журнал под названием «Правовое государство: теория и практика». Именно благодаря такой тесной научной связи с Уфимской школой правового государства, мне стали больше раскрываться все нюансы, связанные с природой правового государства. На фоне моих новых постижений сути правового государства, мне даже показались излишними такие наши вышеприведенные утверждения, как «страх перед государством и его силой». Выяснилось, что

если государство является действительно правовым, то оно не только не может вызвать какой-то страх, а наоборот, именно государство становится защитником моих прав.

Таким образом, я понял, что мое право становится еще больше моим же, и лучше будет защищаться, если наше государство является правовым. Вроде бы все просто, но вот это даже не сложное положение еще не совсем четко и однозначно закрепились в широком общественном правовом сознании. Чем хорош журнал «Правовое государство: теория и практика», – это тем, что сегодня, в основном, именно на его страницах раскрываются, как пути достижения параметров подлинного правового государства, так и тех механизмов, с помощью которых действующее российское государство может стать правовым. В частности, в одном из номеров журнала утверждается: «В условиях, когда правовое государство становится основным трендом общественно-политического развития во многих странах мира, мы у себя в России до сих пор не имеем даже правильного представления о нем. В нашей стране не чувствуется даже заинтересованности соответствующих институтов общества проблемами правового государства» [2, с.18]. В то же время, при всем этом «формирование и функционирование правового государства представляет собой сложный процесс становления не только единого правового поля, главная регулятивная система в котором основана на норме права и требованиях действующего законодательства, но и своеобразного информационного пространства» [3, с. 671].

Представляется убедительными и «обнаружение» представителями Уфимской научной школы органической взаимосвязи между гражданским обществом и правовым государством. Так, профессор Ф.М. Раянов пишет: «Гражданское общество и правовое государство, их принципы формирования – все это плод Нового времени. Если ценности Нового времени где-то еще неправильно понимаются, а поэтому и остаются неосвоенными, то там и о принципах гражданского общества и правового государства нечего размышлять. Основная задача, которая стоит перед современной обществоведческой наукой в Российской Федерации, – это как можно скорее встать на подлинные основы понимания гражданского общества и правового государства» [4, с. 14]. По нашему мнению, самое главное в понимании и восприятии гражданского общества и правового государства – это право, потому что именно право объединяет их и как два научно-теоретических понятия, и как два глобальных явления в государственно-правовом развитии общества. При этом необходимо подчеркнуть то, что «интерес к праву в последнее время, как нам кажется, в научной среде возрос. Появились содержательные работы, исследующие сущность права. Иногда в них можно встретить достаточно резкую критику современного состояния соблюдения законности, а сами законы критикуются всегда и везде. При этом что приятно, вместо огульной критики появляются конкретные и осмысленные предложения по совершенствованию законов и других нормативных правовых актов. Собственно, распространение и популяризация права тоже есть один из элементов правового бытия» [5, с. 19].

Еще более убедительные аргументы, призывающие к более внимательному отношению к правильному пониманию институтов гражданского общества и правового государства, приведены в статье профессора Ф.М. Раянова, помещенной в сборнике материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». В частности, здесь он пишет: «сфера выяснения роли и значения гражданского общества и правового государства, по нашему мнению, является самым слабым местом во всей отечественной обществоведческой теории в целом, и в теоретической правовой науке, в частности. К примеру, что только у нас не понимается под гражданским обществом: здесь и общественные и коммерческие объединения граждан, участие граждан в управлении общественными делами, деятельность оппозиционных политических партий и многое другое. Хотя ни то, ни другое к гражданскому обществу, по нашему мнению, прямого отношения не имеют» [6, с. 9]. Видимо такая ситуация обусловлена тем, что «проблемы, связанные со становлением и функционированием гражданского общества, стали привлекать большое внимание отечественных исследователей, в основном, в условиях перестроечного и постперестроечного времени, и это объясняется известными причинами» [7, с. 77].

Конечно, представители Уфимской научной школы правового государства не ограничиваются публикациями лишь на страницах упомянутого журнала. Они активно публикуются в научных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов огромной нашей страны. Здесь я мог бы, в качестве примера, остановиться лишь на нескольких таких изданиях. Прежде всего, можно сослаться на монографию профессора Ф.М. Раянова «Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы».

Читатель этой монографии для себя найдет здесь очень много нового, ранее неизвестного не только о праве, но и о гражданском обществе и правовом государстве. Не останавливаясь подробно, здесь хотелось бы привести цитату из заключительной части монографии. Проводив исследование широкого спектра проблем, касающихся права и государства, Ф.М. Раянов пишет: «В целом проведенный дискурсивный анализ в сложившейся отечественной постсоветской философии права нас привел к такому общему выводу: философствование о праве с опорой лишь на гегелевскую философию права должно уступить дорогу формирования постсоветской отечественной философии права с опорой на ценности Нового времени. Только тогда отечественная философия права, а вместе с ней и вся отечественная теоретическая правовая наука выйдут на современные позиции организации общественной жизнедеятельности людей, и более адекватно современным мировым вызовам будут участвовать в обеспечении оптимального развития и нашего российского общества» [8, с. 259].

Мы уже писали о том, что «философия права – это философско-специализированная наука, предметом изучения которой являются основополагающие проблемы онтологии права, гносеологии права, аксиологии права, антропологии права, логики права, этики права, праксиологии права, правосознания, правовой культуры, других правовых явлений, правовой реальности в целом с высот философии» [9, с. 13]. Расстояние от права до правового государства невозможно пройти без той философии, которая объединяет в одно целое и проблемы государства, и проблемы права, и основными пунктами на этом пути государственно-правового развития общества, безусловно, являются гражданское общество и правовое государство.

Библиографические ссылки

1. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. 2005. № 11. С. 48-53.
2. Раянов Ф. М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая самоорганизация порядка // Право и политика. 2011. № 4 (136). С. 670-675.
4. Раянов Ф. М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. №1 (39). С. 6-15.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 14-22.
6. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2 ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.
7. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. 2011. № 4. С. 77-82.
8. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М. : Юрлитинформ. 2017.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 2 (44). С. 7-14.

References

1. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya ontologiya grazhdanskogo soznaniya (The legal ontology of civic consciousness), *Yuridicheskii mir*, 2005, No. 11, pp. 48-53.
2. Rayanov F. M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
3. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura kak pravovaya samoorganizatsiya poryadka (Legal culture as a legal self-organization of law), *Pravo i politika*, 2011, No. 4 (136), pp. 670-675.
4. Rayanov F. M. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule of law are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-15.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto takoe pravo? Voprosy ontologii i gnoseologii (What is law? Questions of ontology and gnoseology), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 2 (40), pp. 14-22.
6. Rayanov F.M. Ponimanie grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v otechestvennoi yuridicheskoi nauke i sovremennye potrebnosti v ego pereosmyslenii (Understanding of civil society and the rule-of-law state in national legal science and modern needs for its rethinking), *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, sbornik stat'ei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu zhurnala «Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika» (g. Ufa 16-17 aprelya 2015 g.), otv. red. F.Kh. Galiev. V 2 ch. Ch. 1. Ufa, RITs BashGU, 2015.
7. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura kak pravovaya real'nost' (Legal culture as a legal reality), *Politika i obshchestvo*, 2011, No. 4, pp. 77-82.
8. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyi analiz i novye vyvody (Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions). M., Yurlitin-form, 2017.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya prava: nastoyashchee i budushchee (Philosophy of law: the present and the future), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 2 (44), pp. 7-14.

Дата поступления: 28.01.2018

Received: 28.01.2018

УДК 340

ОТ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ –
К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ**ЕНИКЕЕВ Рафаэль Наилевич**

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru

FROM LEGAL ORGANIZATION OF
SOCIAL LIFE – TO THE RULE-
OF-LAW STATE**ENIKEEV Rafael Nailevich**

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE “Bashkir State University”, Ufa, Russia.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru

В процессе государственно-правового развития общества исторически складываются объективные потребности в правовой организации общественной жизнедеятельности людей. Эти потребности, в свою очередь, вызывают необходимость учреждения государ-

In the process of state law development of society, historically there are objective needs for legal organization of people's social life. These needs, in their turn, call for the establishment of special state bodies that are engaged in law making and create guarantees to

ственных органов, которые занимаются правотворческой деятельностью и созданием гарантий для обеспечения соблюдения правил поведения, закрепленных в законах. По мере развития общества и государства так же объективно появляется потребность в совершенствовании государственно-правовых институтов. Так человечество выходит на позиции правового государства.

Ключевые слова: правовая организация общественной жизнедеятельности; правовое регулирование общественных отношений; происхождение государства и его законов; потребности в совершенствовании государственно-правовых механизмов; объективные потребности в правовом государстве; понятие и признаки правового государства.

ensure compliance with the rules of conduct enshrined in laws. As the society and its states develop, there is also an objective need for improving state law institutions. Thus, humankind comes to the positions of the rule-of-law state.

Key words: legal organization of social life; legal regulation of public relations; origin of the state and its laws; needs for improving state law mechanisms; objective needs for a rule-of-law state; concept and signs of the rule-of-law state.

Любому сообществу людей, соответственно его природе, объективно присуща определенная степень организованности и упорядоченности. Отсюда любая общность людей, в первую очередь, нуждается в определенных правилах поведения, скрепляющих разных людей, и даже с разными интересами и возможностями, в единое целое. Без этого никакое общество людей, большое оно или маленькое, уже государственно-организованное или еще нет, просто не может называться обществом и, тем более, успешно функционировать. Поэтому совокупность этих правил поведения, которая естественно и органически взаимно связывает людей в определенное единство, и которая неотделима от этих же людей с момента их появления на свет (рождения), принято обозначать естественным правом.

Конечно, нам, жившим долгое время представлениями о наличии некоей общественно-экономической формации, которая, якобы, объективно преобразовывает одни общества другими и, соответственно, каждая пришедшая новая общественно-экономическая формация порождает соответствующие государственно-правовые институты, поворот в сторону естественно – правовых основ организации общества, является каким – то новым и неизведанным. В таких условиях влияния общественно-экономической формации в нашей стране больше обращалось внимание на нормы позитивного права: общественно-экономическая формация могла порождать лишь нормы позитивного права. Однако подобное понимание роли и значения общественно-экономической формации в обществе были присущи преимущественно в нашей стране, где нам довольно длительное время пришлось жить и творить в соответствии с марксистским учением об обществе, о социалистическом и коммунистическом строительстве. Более того, если строго следовать марксистскому учению об обществе, то при коммунистическом обществе (конечная цель этого учения) такие явления, как государство и его законы вообще должны были отмереть.

Однако марксистское учение об обществе было воспринято меньшей частью человечества на Земле. Значительная часть (больше двух третей) человечества организовала свою общественную жизнедеятельность, опираясь не на учение об общественно-экономической формации, а на естественно-правовые основы жизнедеятельности людей, т.е. на основе уважительного отношения к естественным, прирожденным правам и свободам человека. Поэтому лишь после распада, так называемого социалистического лагеря и его гегемона – СССР, и наша страна приняла новую постсоветскую Конституцию, которая, как нам представляется, полностью освободилась от марксистского учения об обществе. Более того, в постсоветской

Конституция России позиционировала себя демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления (ст. 3 Конституции Российской Федерации). Новая Конституция Российской Федерации 1993 года также ориентирует нас организовать общественную жизнь россиян на основании естественных, прирожденных прав и свобод человека (ст.ст. 17-18). Вот в этих условиях как раз и приобретает большую актуальность проблема организации общественной жизнедеятельности россиян на основе новых подходов. Вместо категории «общественно-экономическая формация» нам сегодня также необходимо освоить такие категории, как «гражданское общество», «правовое государство» и некоторые другие.

Благо, что освоение этих новых государственно-правовых институтов мы начинаем не на пустом месте. Тем не менее, правовое государство как научное понятие и особая организация политической власти стало привлекать «особое внимание исследователей, вернувшись после долгого перерыва в российское поле научно-теоретических исследований непосредственно в связи с наступлением перестроечного и постперестроечного времени. Однако сравнительно быстро оно заняло свое место не только в научно-теоретических разработках, но и в конкретизации и официальном обозначении формы и элементов формы отечественного государства в Конституции Российской Федерации» [1, с. 21]. Не только в зарубежных странах, но и в нашей постсоветской Российской Федерации уже имеется немало научных публикаций, посвященных гражданскому обществу и правовому государству.

Так, профессор Ф.М. Раянов еще в 2013 году выступил со статьей «Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России». Здесь он впервые в отечественной юридической науке заявил: «Правовое государство – самостоятельный тип государства. Оно не наслаивается на какой – то другой тип государства. Правовое государство формируется из новых общественных институтов, отсутствующих у государств, не достигших до уровня правового государства. К их числу относятся такие институты, как государство образующий народ (гражданское общество), который является источником власти и носителем суверенитета; гражданское общество, которое формирует государственную власть, определяет направление ее деятельности и осуществляет парламентский (законодательный и бюджетный) контроль за деятельностью исполнительной власти» [2, с. 13-14]. Как пишут Р.Ф. Исмагилов и В.П. Сальников, «в простейшем практическом выражении смысл государства состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности, заменяя хаотическое и истребительное столкновение частных элементов природного человечества правильным порядком их существования, причем принуждение допускается лишь как средство крайней необходимости, заранее определенное, закономерное и оправданное, постольку оно исходит от общей и беспристрастной власти» [3, с. 282].

В другой своей работе профессор Ф.М. Раянов пришел к выводу о том, что «Гражданское общество и правовое государство – это тренд всего современного общественного развития. Именно те страны мира, которые встали на путь гражданского общества и правового государства, на сегодня являются самыми развитыми во всех сферах общественной жизни. Отечественная наука «Теория государства и права» сегодня должна быть фундаментально и всесторонне переосмыслена с позиций классического научного понимания гражданского общества и правового государства» [4, с. 14].

Проблемы гражданского общества и правового государства нашли еще более подробное отражение и в последующей статье того же профессора Ф.М. Раянова, которая была помещена в сборнике статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». Здесь он пишет: «подлинное правовое государство это отнюдь не абстрактное подчинение государства праву, не связывание государства собственными законами, а, прежде всего, представляет собой учение о структуре и функционировании такой власти, которая учреждается гражданским обществом и им же эффективно контролируется» [5, с. 10]. Действительно, несмотря на то, что функционирование гражданского общества невозможно без государства, «только правовое государ-

ство может обеспечить невмешательство государства и его должностных лиц в частную жизнь граждан, гарантировать и предоставлять им надежный механизм реализации свободы выбора соответствующей модели поведения, соблюдения обозначенных в конституции страны гражданских прав...» [6, с. 30].

В целом, Уфимская школа правового государства, организованная после принятия новой Конституции 1993 года, совершенно по новому подходит к пониманию гражданского общества и правового государства. По нашему мнению, именно этот новый подход к пониманию гражданского общества и правового государства способен вывести эти же институты из аморфного состояния, при котором, к сожалению, они пребывают сегодня в отечественной теоретической правовой науке. И, действительно, лишь при новом подходе к пониманию и соотношению гражданского общества и правового государства, эти институты приобретают реальные черты и признаки, которые и могут привести их и к практическому функционированию и в нашей стране.

К тому же, Уфимская школа правового государства вовсе не замыкается лишь границами Республики Башкортостан, а получает распространение по всей Российской Федерации. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации представителей Уфимской школы правового государства в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в других городах. Так, например, недавно в Москве 3 тысячным тиражом опубликована монография научного руководителя Уфимской школы правового государства проф. Ф.М. Раянова под названием «Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы». В этой монографии, впервые в отечественной теоретической правовой науке, всесторонне осмыслены пути становления и развития подлинных институтов гражданского общества и правового государства и сделаны совершенно новые выводы. В заключительной части этой монографии читаем: «нам и в нашей стране уже пора понять, что теория правового государства, в научном плане, – это не часть существующей научной и учебной дисциплины «Теория государства и права», которая возникла и до сих пор функционирует только в нашей стране. Правовое государство и в нашей стране достойно быть самостоятельным объектом и предметом теоретической части современной юриспруденции. Только такой подход к теоретической части отечественной юридической науки может отвечать современным мировым вызовам» [7, с. 254].

Бесспорно, путь от правовой организации общественной жизни к правовому государству не может быть простым и коротким. Определение нашего государства правовым государством в Конституции Российской Федерации 1993 года говорит о том, что государственно-правовое развитие российского общества уже идет по этому пути. При этом как утверждают современные исследователи, «сегодняшняя общественно-политическая ситуация, во многом продиктованная кардинальной трансформацией всех сфер жизнедеятельности российского общества, не только вносит свои коррективы в функциональную и управленческую специфику государства, но и сказывается на мышлении и образе жизни наших современников» [8, с. 8-9], что свидетельствует о том, что правовое государство в нашей стране уже функционирует. Очевидность того, что многие моменты, связанные с правовой организацией общественной жизни, отражаются в образе жизни и правовой культуре наших сограждан, многие из которых объясняют свое поведение и поступки реализуемым ныне правовым принципом «разрешено все, что напрямую не запрещено законом», на наш взгляд, не требует доказательства.

Библиографические ссылки

1. Галиев Ф.Х. Понятия «правовое государство» и «гражданское общество» в социокультурном измерении // Правовое государство. 2012. № 4 (30). С. 20-25.
2. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.

3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
4. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 6-15.
5. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2 ч. Ч. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
6. Галиев Ф.Х. Правовая культура в информационном пространстве гражданского общества и правового государства // Юридическая мысль. 2011. № 3 (65). С. 25-31.
7. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М. : Юрлитинформ, 2017.
8. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 4 (18). С. 8-9.

References

1. Galiev F.Kh. Ponyatiya «pravovoe gosudarstvo» i «grazhdanskoe obshchestvo» v sotsiokul'turnom izmerenii (The concepts of “rule-of-law state” and “civil society” in the socio-cultural dimension), *Pravovoe gosudarstvo*, 2012, No. 4 (30), pp. 20-25.
2. Rayanov F.M. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
3. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship of the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries)), monografiya. SPb., Fond «Universitet», 2017.
4. Rayanov F.M. Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-15.
5. Rayanov F.M. Ponimanie grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v otechestvennoi yuridicheskoi nauke i sovremennye potrebnosti v ego pereosmyslenii (Understanding of civil society and the rule-of-law state in national legal science and modern needs for its rethinking), *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu zhurnala «Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika» (g. Ufa 16-17 aprelya 2015 g.), отв. ред. F.Kh. Galiev. V 2 ch. Ch. 1. Ufa, RITs BashGU, 2015.
6. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura v informatsionnom prostranstve grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (Legal culture in the information space of civil society and the rule-of-law state), *Yuridicheskaya mysl'*, 2011, No. 3 (65), pp. 25-31.
7. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyi analiz i novye vyvody (Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions). M., Yurlitin-form, 2017.
8. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura i kul'turnye traditsii: sushchnostno-soderzhatel'noe vzaimodeistvie (Legal culture and cultural traditions: essence-content interaction), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2009, No. 4 (18), pp. 8-9.

УДК 340

**МИНИМАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ПРАВА И ЕГО СВЯЗЬ
С ПРАВСТВЕННОСТЬЮ
В НЕОПОЗИТИВИСТСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ГЕРБЕРТА ХАРТА
(ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ)**

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна

*доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: vera_borisovna@mail.ru*

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович

доктор юридических наук, профессор, Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич

*ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: maxandgor@gmail.com*

Проблема соотношения права и морали была и остается одним из вечных вопросов юридической теории. Будучи нормативным регулятором общественных отношений, право само по себе, так или иначе, связано с иными социальными регуляторами и, в первую очередь, с нравственностью. Этим обусловлено то, что вопрос их соотношения и взаимосвязи стал не просто принципиальным, но и определяющим моментом при формировании самого понятия права. Более трех десятилетий в российской юридической науке идет дискуссия, связанная с интегративным подходом к пониманию права, в которой участвуют авторитетные ученые. Их мнения сходятся на том, что при интегрировании (объединении) концепций берется лишь то лучшее и прогрессивное, что в них

**MINIMUM CONTENT OF LAW AND ITS
CONNECTION WITH MORALITY IN
THE NEO-POSITIVIST CONCEPT OF
HERBERT HART (APPROACHES TO
THE RESEARCH)**

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod (National Research University), Nizhniy Novgorod, Russia.
E-mail: vera_borisovna@mail.ru*

SALNIKOV Mikhail Viktorovich

*Doctor of Law, Professor, President of the Foundation for the Support of Science and Education in Law Enforcement Activities "University", St. Petersburg, Russia.
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru*

GORBUNOV Maksim Dmitrievich

*Teaching Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod (National Research University), Nizhniy Novgorod, Russia.
E-mail: maxandgor@gmail.com*

The problem of the relation of law and morality has been and remains one of the eternal questions of juridical theory. Being a standard regulator of social relations, the law itself, in one way or another, is connected with other social regulators and, first of all, with morality. This is due to the fact that the issue of their correlation and interrelationship has become not only principled, but also the defining moment when forming the very concept of law. More than three decades in Russian legal science there has been a discussion connected with an integrative approach to understanding the law, in which authoritative national scientists participate. Their opinions converge on the fact that while integrating (combining) concepts, only the best and progressive that they contain is taken from

имеется. Определить это лучшее и прогрессивное вряд ли возможно без нравственного подхода к их оценке. В правовой концепции Герберта Харта сделана попытка компромиссного ответа на данную проблему.

Ключевые слова: правопонимание; нравственность; право; справедливость; дискуссии; интегральное правопонимание; комплексная теория.

them. It is hardly possible to determine this best and progressive without a moral approach to their evaluation. In the legal concept of Herbert Hart, an attempt is made to give a compromise answer to this problem.

Key words: legal understanding; morality; law; justice; discussions; integral legal understanding; comprehensive theory.

Одним из вечных вопросов юридической теории является проблема соотношения права и морали. Право само по себе, будучи нормативным регулятором общественных отношений, так или иначе, связано с иными социальными регуляторами и в первую очередь с нравственностью. Вопрос их соотношения и взаимосвязи стал не просто принципиальным, но сущностно определяющим при формировании самого понятия права. Вот уже где-то лет тридцать пять в российской юридической науке высказываются предложения об интегративном подходе к пониманию права. При этом в дискуссии участвуют очень авторитетные отечественные ученые (В.Г. Графский, В.В. Ершов, В.Н. Карташов, И.Ю. Козлихин, В.Н. Корнев, В.В. Лазарев, В.В. Лапаева, М.В. Немытина, А.В. Поляков, Р.А. Ромашов, В.М. Шафиров и др.). Представители указанного направления понимания права, при всех особенностях подхода каждого, сходятся на том, что при интегрировании (объединении) концепций из них берется лишь то лучшее и прогрессивное, что в них имеется. Определить это лучшее и прогрессивное вряд ли возможно без нравственного подхода к их оценке. Другими словами, представители интегративного подхода к пониманию права не обходятся без нравственного императива.

Остроту этой дискуссии можно было наблюдать на заседании круглого стола, проведенного 13 февраля 2017 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации под руководством вице-президента Российской академии наук, академика Т.Я. Хабриевой и классика теории права, профессора В.В. Лазарева. Круглый стол был посвящен именно проблемам интегративного правопонимания и сформулирован следующим образом: «Интегративное понимание права». В его работе приняли участие как сторонники, так и противники обсуждаемого подхода. В основу обсуждения были положены по существу две противоположные статьи: Лазарев В.В. «Интегративное восприятие права» [18] и А.Ф. Черданцева «Интегративное недопонимание права» [23]. Звучали не только слова поддержки (Ю.Г. Арзамасов, С.Н. Бабурин, Н.В. Варламова, В.Г. Графский, М.Л. Давыдова, В.В. Ершов, В.Б. Исаков, Н.А. Колоколов, А.В. Корнев, С.В. Липень, О.Ю. Рыбаков, В.В. Сорокин, Н.Н. Черногор, В.М. Шафиров и др.), но и критики (В.М. Сырых), а также альтернативные взгляды (В.П. Сальников, В.В. Крусс, С.И. Захарцев). Все выступающие в той или иной степени затрагивали нравственный аспект [21].

Кроме указанного, в крайние годы предложены и другие подходы к правопониманию. Интересно то, что все они без морали не обходятся. Показательна в этом направлении позиция доктора юридических наук Ф.Х. Галиева. Он рекомендует подходить к пониманию права через синкретизм современной правовой культуры [2; 3; 4]. Философия синкретизма вообще предполагает тесное взаимодействие в обществе не только права и морали, но и всех без исключения социальных норм. Именно в этом и проявляется синкретизм. Определяя понятие синкретизма правовой культуры современного общества, Ф.Х. Галиев понимает под ним естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и спра-

ведливости» [5, с. 12]. Как видим, в синкретизме идет речь не только о единении всех социальных регуляторов, но и об оценке их с позиции нравственности (добра и справедливости).

Профессор В.М. Шафиров, известный сторонник интегративного подхода, в то же время придя к выводу о бинарности действующей Российской Конституции, видит в ней основу понимания всего права. В частности, он пишет: «Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2) [24, с. 2]. А раз так, то здесь наблюдается интеграция и естественно-правовой, и нормативистской концепций. Конституция уже возвышается над законом, это не Основной закон, а правило, стоящее над ним. «Конституция олицетворяет собой, – по выражению В.М. Шафирова, – акт народоправия (референдума), воплощающий в себе достижения отечественной и мировой цивилизации и культуры. Если сказать образно, то она представляет собой светскую «правовую Библию» свободы и справедливости в обществе» [24, с. 2]. В данном случае наблюдается ситуация, когда исследователь, не отходя от прежней своей позиции, усиливает ее путем дополнительной аргументации, связанной с наращиванием оснований и переходя к концепции большего методологического уровня.

В крайние годы наблюдается активизация юристов к использованию возможностей юридической герменевтики. На это обратил внимание Ю.П. Боруленков и сформулировал свой подход к пониманию права [1]. Понятно, что и В.М. Шафиров, и Ю.П. Боруленков в своих интерпретациях не абстрагируются от моральных ценностей, а берут их на вооружение для усиления своих аргументов. И, пожалуй, весьма показательной в эволюции правопонимания является позиция философов права, профессоров В.П. Сальникова и С.И. Захарцева. Примерно три года назад они выдвинули компрехендную (всеохватывающую) доктрину понимания права, посвятив этому несколько монографий [6; 13] и более десятка научных статей [7; 9; 12]. Их позицию поддержали основоположник философии права в нашем Отечестве, член-корреспондент Академии наук СССР и Российской Академии наук, профессор Д.А. Керимов и другие авторитетные исследователи (Р.Ф. Исмагилов, Т.В. Керимова, А.А. Корольков, Д.В. Масленников, И.Ф. Покровский, С.В. Степашин, А.Г. Хабибулин и др.) [15; 16; 17; 19; 20]. В.П. Сальников и С.И. Захарцев сравнивают право с бриллиантом и полагают, что право, как и бриллиант, имеет не менее 57 граней. И каждую из этих граней необходимо видеть и осознавать. Лишь познав все грани права, можно увидеть его сущность и социальную ценность. В частности, они пишут: «Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта. Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для нас всех.

Отсюда вопрос: если мы объединим все, что нам известно сейчас о праве, мы получим нечто большее и всех устраивающее? Судя по всему – нет. Пока мы лишь дошли до понимания того, что нельзя останавливаться только на одной концепции права, пытаться «делать» ее господствующей, главной. Надо стремиться объять право целиком, изучать право всеохватывающе. Такой компрехендный подход (от латинского *Comprehendo* – всеохватывающий) к изучению права в данном случае является наиболее подходящим» [8, с. 12]. Интересно и то, что В.П. Сальников и С.И. Захарцев не ограничивают право только лишь его положительными свойствами, не идеализируют. Более того, доказывают, что оно бывает не только ценностью для общества и конкретного человека, но и наоборот – абсурдным, глупым и даже вредным [11]. Но в нем всегда присутствует нравственная окраска, без нее право немыслимо. Нрав-

ственные, эстетические критерии имманентны праву. На данное обстоятельство ученые обращают внимание во многих своих работах [10; 14]. На противоположных полюсах этой проблемы стояли и продолжают стоять две антагонистические правовые теории юснатурализма и позитивизма. Аргументы данных концепций концентрируются вокруг следующих тем:

1. Нормативность и универсальность нравственных императивов;
2. Наличие концептуальной связи права и морали;
3. Допустимость нравственной оценки права.

От содержания каждой из этих тем без преувеличения зависит само понимание права, основания и закономерности его действия. При этом, не смотря на, казалось бы, определенность вопросов, при ответе на которые может быть решена проблема соотношения права и морали, современное правопонимание излишне концентрируется на полемике вокруг крайних и соответственно чрезмерно категоричных положениях позитивистской и естественно правовой доктрины. Довольно банальное выражение, что истина лежит где-то посередине, в данном случае представляется как никогда актуальным. Такая попытка компромиссного ответа на проблему определения соотношения права и нравственности дана в правовой концепции Герберта Харта. Являясь по сути позитивистской, данная теория, тем не менее, стремится дать максимально объективную оценку названному вопросу, стремясь избежать грубых методологических ошибок естественно правовой и собственно классической позитивистской доктрины. Об успешности выбранной Хартом аргументации свидетельствует помимо прочего и то, что его теория стала знаковой для правовой науки в целом.

Объектом рассмотрения и критики Харта стало простое утверждение о том, что между правом и моралью явно прослеживается связь, являющаяся необходимой и естественной и которую потому необходимо учитывать как определяющий фактор при формулировании понятия права и определении специфики его функционирования [22, с. 153]. Принятие данного утверждения не является чем-то простым и имеет колоссальные последствия хотя бы потому, что ставит под сомнение правовой характер существующих нормативных систем, которые, так или иначе, могут не отвечать базовым принципам морали и справедливости.

Немаловажным является также, что такая связь не является достаточно ясной и может объяснять с точки зрения различных подходов и интерпретаций. Попытка максимального глубокого рассмотрения утверждения о необходимой связи права и морали, по утверждению Харта, способна увести глубоко в сферу философии морали [26; 27, chap. 12; 28, chap. 6]. Принципиальными же и разумно достаточными Харт считает выводы из следующих вопросов:

- 1) наличие в сфере морали особого нравственного императива идеи справедливости, объясняющей ее тесную связь с правом;
- 2) характеристика моральных правил как нормативного регулятора;
- 3) связь нравственных и правовых норм.

Было бы заблуждением, что в отношении действующих законов или правоприменительных актов в правовой системе не делаются, по крайней мере, неофициальные оценки их соответствия нравственным. В подобных случаях таким критерием выступает справедливость, подразумевая под собой и другие нравственные идеалы. Харт соглашается с тем, что справедливость составляет важный критерий оценки правовых норм, однако, подмечает, что не следует подменять ею другие нравственные императивы и не принимать во внимание возможность оценки права с позиции других критериев. Оценка права не ограничивается категорией справедливости, поскольку плохой закон не обязательно несправедливый [25, 31, 32].

Библиографические ссылки

1. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 189-199.

2. Галиев Ф.Х. Социальные нормы и правовая культура в призме исторического развития // История государства и права. 2010. № 2. С. 5-9.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
4. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. 2014. Том 19. № 1. С. 336-341.
5. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014.
6. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под общ. ред. В.П. Сальникова. М., 2014.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 17-30.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 19-24.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 166-179.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 17-22.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 170-183.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015.
14. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012. (Серия: «Наука и общество»).
15. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 68-75.
16. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168-172.
17. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 12. С. 177-183.
18. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20-29.
19. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177-179.
20. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196-200.

21. Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э., Залоило М.В. Интегративное понимание права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 3. С. 43-58.
22. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. ; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб. : СПбГУ, 2007.
23. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 30-38.
24. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 2-5.
25. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 13-23.
26. Del Vecchio G. Justice: An Historical and Philosophical Essay (Edinburgh University Press, 1952).
27. Ross A. On Law and Justice (University of California Press, 1959).
28. Sidgwick G. The Method of Ethics (Thoemmes Press, 1874).

References

1. Borulenkov Yu.P. Metodologicheskii status germeneytiki v yuridicheskom poznanii (Methodological status of hermeneutics in legal cognition), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp. 189-199.
2. Galiev F.Kh. Sotsial'nye normy i pravovaya kul'tura v prizme istoricheskogo razvitiya (Social norms and legal culture in the prism of historical development), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, No. 2, pp. 5-9.
3. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskie problemy (Legal culture: Socio-philosophical problems), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016, No. 7, pp. 182-190.
4. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury i optimizatsiya obshchestvennykh otnoshenii (Syncretism of legal culture and optimization of public relations), *Vestnik Bashkirskogo un-ta*, 2014, Tom 19, No. 1, pp. 336-341.
5. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie (Syncretism of legal culture of modern Russia: theoretical and methodological and historico-applied research), *avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M.*, Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2014.
6. Zakhartsev S.I. Nekotorye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. M., 2014.
7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Kak poznat' pravo? My predлагаем komprekhendnyi podkhod (How to cognize the law? We offer a comprehensive approach), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 17-30.
8. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya prava: otvety na voprosy (Comprehensive theory of law: Answers to questions), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 9, pp. 19-24.
10. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Konvergenziya v prave, russkaya mental'nost' i psikhologiya nishchenstva: filosofskaya i filosofsko-pravovaya problema (Convergence in law, Russian mentality and psychology of begging: philosophical and philosophical-legal problem), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 1, pp. 166-179.
11. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Pravo: razumnost' i bessmyslennost' (Law: reasonableness and meaninglessness), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 9, pp. 17-22.
12. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Predлагаем Vashemu vnimaniyu komprekhendnuyu teoriyu poznaniya prava (We bring to your attention a comprehensive epistemology of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 3, pp. 170-183.

13. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka* (Philosophy. Philosophy of law. Juridical science), M., Yurlitinform, 2015.
14. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law), nauchnoe izdanie, R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., Fond «Universitet», 2012. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
15. Kerimov D.A. V razvitiye diskussii o filosofii i prave. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (In the development of the discussion on philosophy and law. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Sal'nikov "Philosophy. Philosophy of law. Juridical science"). M., Yurlitinform, 2015. 264 s. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 1, pp. 68-75.
16. Kerimova T.V. Klassicheskaya monografiya o filosofii i prave. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (Classical monograph on philosophy and law. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Sal'nikov "Philosophy. Philosophy of law. Juridical science"). M., Yurlitinform, 2015. 264 s. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 168-172.
17. Kolesnikov A.S., Maslennikov D.V., Guk A.I. Razmyshleniya o filosofsko-pravovykh rabotakh S.I. Zakhartseva i svoeobrazii ego filosofii (Reflections on the philosophical and legal works of S.I. Zakhartsev and the originality of his philosophy), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 12, pp. 177-183.
18. Lazarev V.V. Integrativnoe vospriyatie prava (Integrative perception of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 20-29.
19. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. Filosofiya prava i komprekhendnaya teoriya prava. Retsenziya na monografiyu S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (Philosophy of law and comprehensive theory of law. Review of the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Sal'nikov "Philosophy. Philosophy of law. Juridical science"), *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 6, pp. 177-179.
20. Pokrovskii I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. Deistvitel'no, filosofiya i pravo snova vmeste v issledovanii sovremennykh nauchnykh myslitelei. Nekotorye idei po povodu retsenzii D.A. Kerimova i monografii S.I. Zakhartseva i V.P. Sal'nikova «Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka» (Indeed, philosophy and law are again together in the study of modern scientific thinkers. Some ideas on the review of D.A. Kerimov and the monograph of S.I. Zakhartsev and V.P. Sal'nikov "Philosophy. Philosophy of law. Juridical science"). M., Yurlitinform, 2015. 264 s. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 9, pp. 196-200.
21. Sidorenko A.I., Ibragimova Yu.E., Zaloilo M.V. Integrativnoe ponimanie prava (Integrative understanding of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 3, pp. 43-58.
22. Khart G.L.A. Ponyatie prava (The concept of law), per. s angl., pod obshch. red. E.V. Afonasina i S.V. Moiseeva. SPb., SPbGU, 2007.
23. Cherdantsev A.F. Integrativnoe nedoponimanie prava (Integrative misunderstanding of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 30-38.
24. Shafirov V.M. Konstitutsiya, otraslevoe pravo, pravoprimenenie (Constitution, branch law, law enforcement), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2016, No. 3, pp. 2-5.
25. Ekimov A.I. Aksioma sootnosheniya spravedlivosti i prava (The axiom of the correlation of justice and law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 1, pp. 13-23.
26. Del Vecchio G. *Justice: An Historical and Philosophical Essay* (Edinburgh University Press, 1952).
27. Ross A. *On Law and Justice* (University of California Press, 1959).
29. Sidgwick G. *The Method of Ethics* (Thoemmes Press, 1874).

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК 340.12

**УЧЕНИЯ О ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ГОСУДАРСТВОВЕДОВ НАЧАЛА XX ВВ.**

АПОЛЬСКИЙ Евгений Александрович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: apolski@mail.ru

**THE DOCTRINES OF THE RULE-OF-LAW STATE IN THE WORKS OF
RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY
STATE LAW SCIENTISTS OF THE
EARLY 20TH CENTURY**

APOLSKIY Evgeniy Aleksandrovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov branch (institute) of the All-Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: apolski@mail.ru

Учения отечественных дореволюционных государствоведов о правовом государстве, получившие внешнее выражение в монографиях, диссертационных исследованиях и публикациях в периодической юридической научной печати начала XX столетия и в наши дни не теряют своей актуальности. Особый интерес представляют результаты исследований этих ученых в области теоретической разработки различных аспектов правового государства. В хронологическом плане это период с начала XX века по 1917 год, поскольку в последующем учение о правовом государстве отечественными государствоведами не разрабатывалось. При всем этом научные выводы, сформулированные в дореволюционных исследованиях, представляют собой теоретическую основу понимания сущности правового государства в отечественной теории государства и права в начале XX века.

Ключевые слова: учение, правовое государство, монография, диссертация, Российская империя, парламентаризм, конституционализм, разделение властей.

The doctrines of Russian pre-revolutionary state scientists on the rule-of-law state, which received external manifestation in monographs, dissertations and publications in the periodical legal scientific press of the early twentieth century, hold sway nowadays. The results of the research undertaken by these scientists in the theoretical development of various aspects of the rule-of-law state are of particular interest. In chronological terms, this is the period from the beginning of the twentieth century up to 1917, because later, national state law scientists did not develop the doctrine of the rule-of-law state. At the same time, scientific conclusions formulated in pre-revolutionary researches represent a theoretical basis for understanding the essence of the rule-of-law state in national theory of state and law at the beginning of the twentieth century.

Key words: doctrine, rule-of-law state, monograph, dissertation, Russian empire, parliamentarism, constitutionalism, separation of powers.

Учение о правовом государстве представляет собой одну из важнейших и актуальных сфер научного познания, представляющих интерес для исследователя в любой период развития общества и государства. При этом это именно тот случай, когда будущее развитие правового государства, эволюция гражданского общества во многом зависят от учета исторических основ, истоков разработки тех или иных проблемных вопросов. Не является исключением и отечественная государственно-правовая мысль, наиболее яркие представители которой начали обстоятельно заниматься изучением явления “правового государства” лишь к началу XX

столетия. Этим и обусловлены хронологические (весьма узкие) рамки настоящей статьи: до первого десятилетия XX в. в российской юридической науке практически отсутствовали серьезные научные труды по проблемам генезиса и эволюции правового государства.

Следует отметить, что уже в постсоветский период в отечественном правоведении интерес к изучению правового государства и гражданского общества, их сущностных характеристик возобновился с новой силой. Флагманом здесь, на наш взгляд, можно считать направление, возглавляемое профессором Ф.М. Раяновым, а также многочисленные публикации в журнале «Правовое государство: теория и практика» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Возвращаясь же к вопросу о систематизации дореволюционных учений о правовом государстве, следует сказать, что с этой целью нами были изучены монографические и диссертационные исследования по государственному праву, а также наиболее известные научные статьи в периодической печати, и с учетом критериев фундаментальности, системности и логической завершенности выявлены следующие труды в рамках дореволюционного учения о правовом государстве: докторская диссертация С.А. Котляревского «Правовое государство и внешняя политика» (защищена в Московском университете в 1910 г.), его же монография «Власть и право. Проблема правового государства» 1915 г., а также научные статьи В.М. Гессена («Теория правового государства», 1905 г., «О правовом государстве» 1906 г.), Н.И. Палиенко («Правовое государство и конституционализм» 1906 г.).

Рассмотрение указанных работ с помощью приемов и правил толкования правовых текстов в сочетании с формально-логическим инструментарием позволит определить особенности содержания учений и их результативность. С.А. Котляревский косвенно касался проблем правового государства в магистерской диссертации («Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора». СПб., 1907), однако более подробно разработал их в докторском труде «Правовое государство и внешняя политика», защищенном в Московском университете в 1910 г. Работа посвящена актуальной и сегодня проблематике: выяснению соотношения международных факторов, внешнего давления на государство и построения правового государства, ограничения узурпации власти. Цель исследования – ответ на вопрос о том, «как примиряются правовая основа современного государства и задача его самосохранения во вне» [12, с. 1-2]. Следует отметить основательный подход к проведению исследования, а также его актуальность, которую особо отмечали современники [14, с. 92-97]. Основная мысль С.А. Котляревского, обосновываемая им в работе, это «оправдание парламентаризма, широко понимаемого, и в порядке исторической закономерности и в порядке долженствования» [14, с. 95], а также тот факт, что «современное государство не может быть сильным без права» [14, с. 97]. Первое подтверждение этому встречается в результате анализа внешнеполитических задач современного государства, когда С.А. Котляревский заявляет о том, что не видит, чтобы та «демократизация, которой подвергается современное правовое государство с силой исторической закономерности, сколько-нибудь лишала ее свойств, необходимых, чтобы в современной борьбе народов удержать свое место под солнцем» [12, с. 336]. Основная черта правового государства, по мнению ученого, заключается в том, что носителями власти являются лишь государственные органы, устроенные и действующие по установленным нормам; власть есть лишь государственная и в то же время общественная функция; количественно ее полномочия могут чрезвычайно возрастать, но качественно она никогда не будет характеризоваться тем, на чем зиждется деспотизм – признаками самодовлеющего существования и безответственности [12, с. 426]. Как видно, это утверждение, применительно к современной оценке правового государства, уже давно не рассматривается в качестве признака правового государства, а, например, в Конституции РФ 1993 года прямо указывается, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

Вместе с тем, несмотря на столь категоричную оценку Котляревским сущности государственной власти, сквозь все исследование проводится идея эволюции современного государства, когда с ростом демократии и общим подъемом культуры государственный строй

“склоняется” в сторону развития парламентаризма, отличительной чертой которого выступает возрастающее участие общества в деле организации власти. Особо отмечается та гармония, «которая устанавливается между этим процессом, совершающимся внутри самого государства, и общим характером международного оборота. Последний также благоприятствует образованию правительства достаточно сильного, пользующегося свободой действия, и в то же время получающего эту силу на почве народного доверия» [12, с. 427]. С.А. Котляревский в диссертации однозначно отвечает на поставленный им в начале исследования вопрос: правовая основа государства и развитие парламентаризма не входят в противоречие с целью формирования сильной государственной власти и самосохранения государства на международной арене, а гармонично сочетаются.

Анализ проблем, связанных с реализацией идеи правового государства, продолжен в монографии С.А. Котляревского “Власть и право. Проблема правового государства” 1915 г. Первая глава работы (“Два элемента в государстве”) содержит размышления автора о подходах к сущности государства и государственной власти, результаты рассмотрения классических и новейших достижений государственно-правовой мысли, по результатам которых раскрыто содержание авторского *понятия* власти: «...Власть, как система юридических норм, на коих держатся и по коим действуют государственные учреждения, есть нечто отличное от власти, как обозначения своеобразных переживаний, но если бы не существовало этих последних, то не было бы и мотивов создавать систему» [13, с. 11].

Поддерживая психологический подход Н.М. Коркунова, Котляревский соглашается с тем, что природа государственного властвования может быть понята только на фоне гораздо более широком, чем тот, который в состоянии дать изолированная наука о государстве [13, с. 14]. Ключевой же вопрос данной главы работы о соотношении властвования и подчинения в государстве автор экстраполирует на правовое государство и заявляет, что постановка и значение проблемы определения смысла понятия правового государства устанавливают и довольно длительный путь к ее решению. Вместе с тем, им сделано предположение, что «правовое государство есть понятие по существу метаюридическое, что в нем заключаются элементы пребывающие и изменчивые» [13, с. 22], а коренная предпосылка самого принципа правового государства формулируется как относительно взаимная независимость права и государства [13, с. 23]. Данная позиция не выдерживает критики сегодня, когда даже с учетом имеющихся разнополярных представлений правоведов (отечественных и зарубежных) о сущности права и государства, подходов к правопониманию, не ставится под сомнение вопрос о теснейшей взаимозависимости права и государства, их взаимном влиянии друг на друга.

От истории попыток реализации идеи правового государства Котляревский переходит к анализу конституционного государства, как воплощения правового, где четко определяет свою позицию: «Для нашего времени правовое государство осуществимо в тех пределах, в каких оно осуществимо вообще, только через конституционный строй» [13, с. 234]. В то же время Котляревский решительно отвергает отождествление правового государства и конституционного: «Первое есть понятие метаюридическое; второе совершенно уместится в рамках юридического анализа, который устанавливает отчетливую грань между государством конституционным и абсолютным» [13, с. 234] и раскрывает *понятие* конституционного государства: «Юридически конституционным нужно признать всякое государство, где народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти, т.е. где законом в формальном смысле признается лишь акт, изданный с согласия народного представительства» [13, с. 234]. Итогом рассмотрения воплощения принципа правового государства в рамках современного конституционализма стало его убеждение в невозможности отождествить принцип правового государства с каким-нибудь из воплощений конституционализма, то есть поставить знак равенства между ним и государством конституционным. Обратим внимание на неоднозначность подобной оценки соотношения правового и конституционного государства С.А. Котляревским, весьма спорный характер подобного разграничения (о чем еще будет

указано в статье). В заключительной части работы автор погружается в сверхправовые основы, или (как он сам пишет) метаюридический смысл правового государства. Основные тезисы, раскрывающие сущность вопроса, таковы: а) правовое государство – это преддверие общезначимости, в возможной степени гармонирующего с духовными запросами человека; б) нельзя миновать... абстрактного правового формализма, который в своей исключительности кажется столь ограниченным. Нельзя, ибо не существует другого пути восхождения, хотя бы через благодетельный деспотизм или через анархическую вольность; государство глубокими корнями связано со стихией насилия и эгоизма; лишь в известных пределах может в нем воплотиться верховенство права, в меньших – господство справедливости, а в еще меньших – справедливости высшей, расширенной до благости [13, с. 403-404.].

Обращаясь к периодической печати, отметим, что в объект исследования нами включены не все публикации (такой цели, в принципе, и не ставилось), но лишь те статьи, которые представляли собой законченное, логически завершенное фундаментальное исследование. В частности, в сборнике “Политический строй современных государств” помещена интересная и информативная статья В.М. Гессена “Теория правового государства”. Статья структурно разбита на три элемента, где последовательно анализируется начало обособления властей, конституционная монархия, как правовое государство, два типа правового государства. Выводы из первой части открываются формулировкой *понятия* (курсив мой. – Е.А.) правового государства, которое, по мнению В.М. Гессена, представляет собой «государство, в котором правительственная и судебная власти подчинены законодательной, – государство, которое признает обязательным для себя, как правительства и суда, создаваемые им же, как законодателем, юридические нормы» [15, с. 145]. Принцип обособления или, в современном варианте – разделения, властей (“отделение правительственной власти от законодательной и судебной от той и другой”) должен быть положен в основу юридической конструкции правового государства, при этом, по словам автора, «без организованной системы конституционных гарантий правовое государство немыслимо и невозможно» [15, с. 145]. Самым сложным вопросом Гессен считает объяснение того, каким образом принцип разделения властей осуществляется в конституционной монархии, при этом, не ставя под сомнение тезис о том, что «конституционная монархия является правовым государством». Представляется, что в этом утверждении заключается принципиальное противоречие с позицией С.А. Котляревского (упомянутой выше) в оценке соотношения категорий «правовое государство» и «конституционное государство». Без сомнений, следует признать справедливость концепции В.М. Гессена: категорическое неприятие возможности объединения (или даже поглощения) этих двух понятий Котляревским, с одной стороны, лишено методологического обоснования, а с другой – ставит под сомнение сущностные характеристики искомых объектов. Учение В.М. Гессена дополняется еще одной статьей по той же проблематике – “О правовом государстве”, опубликованной в сборнике “Правовое государство и народное голосование” в 1906 г. Там автор формулирует *идею* (курсив мой. – Е.А.) о дальнейшем развитии парламентаризма («...парламент явится действительным выразителем народной воли, воли народного большинства» [16, с. 59-60]), которая полностью реализована в государственно-правовой жизни большинства стран в настоящее время.

Сущность правового государства раскрывается и в статье Н.И. Палиенко 1906 г., опубликованной в “Вестнике права” Исследование приурочено к тому историческому моменту, который переживала Россия после принятия Манифеста 17-го октября 1905 г., и вылившемуся в государственный кризис, выход из которого автор видел «в скорейшем преобразовании государственного строя России на началах свободного правового государства» [17, с. 133]. Автор довольно подробно освещает развитие идеи правового государства и приходит к выводу, что возможность осуществления указанной идеи в сфере публично-правовых отношений напрямую зависит от реализации конституционного принципа в политической жизни культурных народов, а сущность конституционного принципа, или конституционализма, должна выражаться «в утверждении государственного властвования на основах законности и граж-

данской свободы» [17, с. 149]. Правовое государство, – продолжает ученый, – «по своей идее есть государство, осуществляющее высшие задачи права, а не только формально определяющееся в своей организации и деятельности правом. Высшее же назначение права быть не только нормами, отрицающими произвол в общественных отношениях и обеспечивающими необходимую формальную свободу личности, но и нормами социальной справедливости» [17, с. 161]. Очевидно, что эта позиция автора полностью соответствует современным взглядам на сущность правового государства. А.И. Палиенко настаивал на том, что «государство, обладающее всеми конституционными гарантиями формальной законности, формальной свободы и формального равенства, но в тоже время санкционирующее и допускающее в этих формальных правовых границах тяжкое неравенство в жизненных условиях существования различных классов населения, и политическую эксплуатацию одной группы населения другой, такое государство может быть названо правовым в формальном смысле этого слова, но не со стороны соответствия содержания его правовых норм тем высшим принципам и задачам права, которые выяснены культурным правосознанием нашего времени» [17, с. 161].

Как видно из вышеизложенного, основная проблема, стоявшая перед государствоведом, – понимание сущности правового государства. Не сложно заметить, что от первоначальных суждений и мнений, приводимых в дореволюционном дискурсе начала XX столетия в России, современная постсоветская наука пришла к более обоснованному осмыслению проблемы сущности правового государства. Так, Ф.М. Раянов сущность правового государства предлагает определять исходя из единства и взаимодействия правового государства и гражданского общества, что в свою очередь элиминирует возможные сложности с расстановкой оценочных приоритетов в процессе осмысления этой сложной и «вечно» актуальной категории [7, с. 15]. Гносеологически к сущности государства подходит Ф.Х. Галиев, который видит специфику государственно-правового развития страны в информационном поле в рамках социокультурного измерения, что детерминирует необходимость формирования мировоззренческих представлений о гражданском обществе и правовом государстве в контексте развития правовой культуры общества [10, с. 24-25]. А основной трудностью в реализации идеи правового государства в современной России Ф.М. Раянов справедливо отмечает недопонимание его сути и типологического содержания [8, с. 5].

В заключение отметим, что учение о правовом государстве довольно редко выступало предметом собственно дореволюционных государственно-правовых научных исследований, составлявших общее учение о правовом государстве в отечественной юридической науке. Это, возможно, объясняется слишком коротким промежутком времени от провозглашения Манифеста 17 октября 1905 года до революционных событий 1917 г.: начавшаяся дискуссия в широкой научной общественности не успела перерасти в полноценные фундаментальные труды, будучи остановленной сменой режима и коренным изменением вектора научных изысканий. Вместе с тем, нельзя не отметить и специфические результаты, полученные авторами, и выражавшиеся в формах научного знания (преимущественно теоретического плана). Так, выдвигая и обосновывая оригинальные (полученные впервые) тезисы (*понятие* правового государства, власти, конституционного государства; *закономерность* смены постановки вопроса о правовом государстве в связи с последовательностью политических эпох; *идею* (курсив мой. – Е.А.) о дальнейшем развитии парламентаризма), государствоведы ограничивались поиском сущностных основ правового государства, никоим образом не предлагая законодателю тех или иных правовых конструкций, способных приблизить государство к соответствующему идеалу. Таким образом, дореволюционные учения о правовом государстве являлись исключительно фундаментальными и не носили прикладного характера.

Несомненно, представленные в статье результаты носят дискуссионный характер и подлежат дальнейшему обсуждению, однако, они могут быть использованы для проведения сравнительного анализа советских и постсоветских отечественных учений о правовом государстве, к чему мы и призываем всех заинтересованных в этом теоретиков и историков права.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы : монография М. : Юрлитинформ, 2016.
2. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. №1. С. 6-14.
3. Раянов Ф.М. Научные подходы к пониманию правового государства и отечественная юридическая наука // Правовое государство: теория и практика. 2015. №2. С. 6-8.
4. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. №2. С. 10-19.
5. Раянов Ф.М. О сущности правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2011. №1. С. 4-6.
6. Раянов Ф.М. Правовое государство в системе лексики обществоведческих наук // Правовое государство: теория и практика. 2013. №4. С. 4-5.
7. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. №4. С. 8-16.
8. Раянов Ф.М. Основная трудность в построении правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2011. №. 2 (24). С. 4-7.
9. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. 2014. №2. С. 52-57.
10. Галиев Ф.Х. Понятия «правовое государство» и «гражданское общество» в социокультурном измерении // Правовое государство: теория и практика. 2012. №4. С. 20-25.
11. Утяшев М.М. Правовое государство, гражданское общество, права человека – триединый путь к цивилизации // Правовое государство: теория и практика. 2013. №2. С. 31-37.
12. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909.
13. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М. : тип. "Мысль" Н.П. Меснянкин и К°, 1915.
14. Трубецкой Г.Н. Политический строй и внешнее могущество. С.А. Котляревский. «Правовое государство и внешняя политика». Москва, 1909 г., 428 стр. / Г. Трубецкой // Русская мысль. М., 1910. Год тридцать первый, кн. III. С. 92-97.
15. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств : сб. статей. СПб. : «Слово», 1905. С. 117-187.
16. Гессен В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. СПб. : Н. Глаголев, 1906 . С. 9-62.
17. Палиенко Н.И. Правовое государство и конституционализм // Вестник права. 1906. [Книга первая; Книга вторая]. С. 127-163.

References

1. Rayanov F.M. *Filosofiya prava: diskursivnyi analiz i novye vyvody* (Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions), monografiya. M., Yurlitinform, 2016.
2. Rayanov F.M. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo – sut' vsei sovremennoi teorii obshchestvennogo razvitiya* (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1, pp. 6-14.
3. Rayanov F.M. *Nauchnye podkhody k ponimaniyu pravovogo gosudarstva i otechestvennaya yuridicheskaya nauka* (Scientific approaches to the understanding of the rule-of-law state and national legal science), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 2, pp. 6-8.
4. Rayanov F.M. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii* (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2, pp. 10-19.
5. Rayanov F.M. *O sushchnosti pravovogo gosudarstva* (On the essence of the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2011, No. 1, pp. 4-6.
6. Rayanov F.M. *Pravovoe gosudarstvo v sisteme leksiki obshchestvovedcheskikh nauk* (The rule-of-law state in the system of vocabulary of social sciences), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 4, pp. 4-5.

7. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyi podkhod (The essence of the rule-of-law: historical and civilizational approach), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4, pp. 8-16.
8. Rayanov F.M. Osnovnaya trudnost' v postroenii pravovogo gosudarstva v Rossii (The main difficulty in the construction of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2011, No. 2 (24), pp. 4-7.
9. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura i pravovoe gosudarstvo (Legal culture and the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 2, pp. 52-57.
10. Galiev F.Kh. Ponyatiya «pravovoe gosudarstvo» i «grazhdanskoe obshchestvo» v sotsio-kul'turnom izmerenii (Concepts "rule-of-law state" and "civil society" in the socio-cultural dimension), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4, pp. 20-25.
11. Utyashev M.M. Pravovoe gosudarstvo, grazhdanskoe obshchestvo, prava cheloveka – tri-edinyi put' k tsivilizatsii (The rule-of-law state, civil society, human rights - a triadic path to civilization), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2, pp. 31-37.
12. Kotlyarevskii S.A. Pravovoe gosudarstvo i vneshnyaya politika (The rule-of-law state and foreign policy). M., 1909.
13. Kotlyarevskii S.A. Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva (Power and law. The problem of the rule-of-law state). M., tip. "Mysl" N.P. Mesnyankin i K°, 1915.
14. Trubetskoi G.N. Politicheskii stroi i vneshnee mogushchestvo. S.A. Kotlyarevskii. «Pravovoe gosudarstvo i vneshnyaya politika» (Political system and external power. S.A. Kotlyarevsky. "The rule-of-law state and foreign policy"). M., 1909 g., 428 str. G. Trubetskoi. *Russkaya mysl'*. M., 1910. God tridtsat' pervyi, kn. III, pp. 92-97.
15. Gessen V.M. Teoriya pravovogo gosudarstva (Theory of the rule-of-law state), *Politicheskii stroi sovremennykh gosudarstv*, sb. statei. SPb., «Slovo», 1905, pp. 117-187.
16. Gessen V.M. O pravovom gosudarstve (On the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo i narodnoe golosovanie*. St. Petersburg. N. Glagolev, 1906, pp. 9-62.
17. Palienko N.I. Pravovoe gosudarstvo i konstitutsionalizm (The rule-of-law state and constitutionalism), *Vestnik prava*, 1906, Kniga pervaya; Kniga vtoraya, pp. 127-163.

Дата поступления: 21.01.2018

Received: 21.01.2018

УДК 340

**СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И В РАМКАХ НЕЕ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ
В XV-XVIII ВВ.**

КАШАПОВ Урал Абубакирович

кандидат исторических наук, преподаватель-организатор ОБЖ МБОУ «Школа № 27 с углубленным изучением отдельных предметов» городского округа город Уфа, Россия.
E-mail: ural.kashapov.2014@mail.ru

Процесс становления и развития отечественной юридической науки в XV-XVIII вв. проходил сложно и неоднозначно. Тем не менее, важную роль в нем сыграли видные русские правоведы и философы права, внесшие значительный вклад не только в российскую, но

**THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN
LEGAL SCIENCE AND
ANTHROPOLOGICAL PARADIGMS
IN THE XV - XVIII CENTURIES**

KASHAPOV Ural Abubakirovich

Candidate of Historical Sciences, Teacher-organizer of FHS of the MBEI "School № 27 with intensified instruction in some subjects" of Ufa, Russia.
E-mail: ural.kashapov.2014@mail.ru

The process of the formation and development of national legal science in the XV-XVIII centuries was difficult and ambiguous. However, an important role was played by prominent Russian law scholars and philosophers of law who made a significant contribution not only to

и мировую сокровищницу правовой мысли. Юридическая наука того времени только начала получать свое оформление. Не появилось отличного от воли монарха правового текста, который нужно было толковать, сохранять усилиями профессиональных юристов. В связи с тем, что не было источников права, которые бы исходили не от государственной власти, рассмотрение споров о праве не отделялось от административного управления. Восприняв византийскую идею права, Россия не сформировала сословие, профессионально ее культивирующее. Это была добровольная, односторонняя рецепция византийского права на религиозной основе, что определило приоритет позитивного права над естественным и субъективным правом.

Ключевые слова: юриспруденция, право, государство, личность, антропологические основания, человек.

Russian but also the world treasury of legal thought. The legal science of that time was at the first stage of its formation. There was no legal text that was different from the monarch's will and needed to be interpreted and preserved by the efforts of professional lawyers. Due to the fact that there were no sources of law that would not come from the state power, disputes over the law were not separated from administration. Assuming the Byzantine notion of law, Russia did not form a class, professionally cultivating it. It was a voluntary, unilateral reception of Byzantine law on the basis of religion, which determined the priority of positive law over natural law and subjective law.

Key words: jurisprudence, law, state, personality, anthropological grounds, man.

В процессе своего становления философско-правовые взгляды в России были заложены еще на этапе возникновения раннего феодализма в устном народном творчестве, эпосе, летописях, памятниках права и литературы. В то время мировоззрение русского человека развивалось в системе традиционного права. Но необходимо все же отметить, что менталитету русского народа всегда было чуждо чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, которое присуще народам протестантской и католической ветвей христианства. Например, еще в XI веке митрополит Киевский Иларион в работе «Слово о Законе и Благодати» [11] указал на огромную пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью (истиной), приданной отзывчивой и просветленной душе человека [21, с. 6], что уже явилось одним из первых показателей обращения к экзистенции человека.

В конце XV в. происходит резкое повышение роли писанных источников права, значительное увеличение объема законодательного материала. Это явилось отражением тенденции к упрочению государственной власти, усилению централизации русской общественной жизни. В 1497 г. был подготовлен единый для всего русского государства Судебник. Чуть позднее появились и другие правовые сборники – Судебник 1550 г., Стоглав 1551 г., Судебник 1589 г., Уложение 1649 г. Эти документы отразили процесс создания общероссийской правовой системы. Следует отметить, что изгнанная из этих законов идея справедливости и подменившая ее идея права как таковая, прочно вошла в философию жизни россиян на общинном уровне и на уровне межличностных отношений.

Характеризуя процесс эволюции русского права в XV–XVI вв., А. Станиславский писал, что «при таком состоянии источников права задача законоведцев стала гораздо труднее: частью потому, что материал, подлежащий их изучению, был теперь гораздо обильнее прежнего; частью и в особенности потому, что в практике приходилось часто сличать разнородные постановления законодательной власти как между собою, так и с льготными грамотами и обычаями местными; частью, наконец, потому, что обнародование законов, состоявшее преимущественно в прокликании их на торгах, было весьма недостаточно для доставления знакомства с их содержанием» [25, с. 22]. В этих условиях появилась необходимость специального преподавания и изучения законов. В одном из своих указов царь Иван IV (Гроз-

ный) предписал «завести священникам в своих домах училища закона божия и гражданско-го». Ф. Морошкин заметил по поводу этого указа, что здесь открывается «первый признак школьной юриспруденции в России» [13, с. 111]. Этот указ послужил началом процессу правовой аккультурации и правовой социализации русского человека. «Факты показывают, однако, – отмечает современный исследователь российской юриспруденции, – что специальное изучение и преподавание права вплоть до XVIII в. сколько-нибудь заметного развития в русском обществе не получило» [26, с. 45-46]. В целом, на протяжении XV-XVII вв. юриспруденция носила сугубо прикладной характер. Не иначе как в самом процессе практического осуществления правосудия или при составлении различного рода деловых бумаг приобреталось знание законов и умение с ними обращаться. «Русская первоначальная юриспруденция есть собственно юриспруденция *дьяческая*, – писал Ф. Морошкин. – Дьяк или клерк – сие таинственное, дивное существо в истории законодательства, с успехами единодержавия растет и с течением времени из карла делается великаном» [14, с. 214]. Участие дьяков в процессе осуществления правосудия специально предусматривали Судебники 1497 и 1550 гг. По словам И.И. Смирнова, «именно приказы, в частности казначеи, фактически держали в своих руках московское законодательство как в подготовительной стадии – разрабатывая проекты законов (представляемые в виде «докладов» на рассмотрение царя), так и в заключительных этапах законодательного процесса, где именно в руках казначеев находилось формирование и редактирование текста законов на основе норм царского приговора» [23, с. 352].

Что касается Запада, то важнейшим фактором ускоренного формирования юриспруденции западноевропейских стран и специализированного категориального аппарата в нем была рецепция римского права. Подобное влияние оказывал на развитие русской юриспруденции византийский вариант римского права. В России в силу того, что язык права не расходился в большей степени с народным языком, процесс институализации и эволюции юриспруденции не был связан с развитием юридического образования [26, с. 47-48]. Учебных учреждений как таковых в России до XVII в., по словам М.Ф. Владимирского-Буданова, не было, так как «самое образование не признавалось за государственную потребность до конца XVII в.» [4, с. 222]. Официальная церковь занималась подготовкой церковнослужителей, приходского духовенства, дьяков и подьячих. Такое образование можно было получить в приходской общине, где обучались чтению, письму, счету и «закону Божию» (по богослужебным книгам); к этому присоединялось сообщение всех сведений, которыми располагали тогдашние грамотеи: в азбуковниках того времени содержатся основные пункты вероучения, жития святых, извлечения из творений святых отцов, краткие словари, основные начала грамматики, иногда география [4, с. 222-223].

В XVII в. в Российском государстве происходят определенные изменения – учреждается ряд учебных заведений; в них должен был изучаться целый комплекс дисциплин, выходящих за рамки области богословских наук (например, философия, иностранные языки, риторика и др.) [22]. В Москве открываются такие заведения как Андреевское братство (1649 г.), патриаршее Чудовское училище, Иоанно-Богословское училище (1666 г.). Пребывавший в середине XVII в. в России немецкий ученый Адам Олеарий с неподдельным изумлением замечает: «В настоящее время они (русские – С.М.), – что довольно удивительно, – по заключению патриарха и великого князя, хотят заставить свою молодежь изучать греческий и латинский языки» [16, с. 404]. Подлинными же центрами просвещения и культуры православного населения российского государства были Киево-Могилянская коллегия и Славяно-греко-латинская академии. Киево-Могилянская коллегия (с 1701 г. – академия) была основана в 1632 г. митрополитом Петром Могилой. Она являлась столпом православной культуры на границе с католическим миром. Академия готовила не только богословов и церковных деятелей. Академический курс также включал ряд светских дисциплин, имевших целью осуществлять подготовку необходимых для государства специалистов в области правоведения – дипломатов, политических деятелей, государственных чиновников, правоведов и т.п. [27].

Примечательно, что прогрессивные преподаватели академии были знакомы с трудами Гуго Гроция и Самуила Пуфендорфа, придерживались естественно-правовых взглядов и на первый план выдвигали антропологические аспекты: монастику – учение о нравственности; экономику – знания о ведении хозяйства; политику – учение о государстве и праве. Преподавали в академии в разное время известные государственные и церковные деятели, ученые и философы – И. Гизель, Г. Конисский, Ф. Лопатинский, С. Яворский, Ф. Прокопович, Г. Бужинский и другие. Вторая академия – Московская славяно-греко-латинская – была основана в 1687 г. Симеоном Полоцким. Приглашенные из Константинополя католики братья Лихуды – Иоанникий и Софроний – были первыми педагогами (отстранены по настоянию патриарха в 1694 г.). Учебные курсы читали многие преподаватели Киево-Могилянской академии, постепенно перебиравшиеся в Москву: Ф. Прокопович, С. Яворский, Г. Бужинский и другие [1]. Но все же вплоть до начала XVIII в. в русской юриспруденции господствовало религиозное мировоззрение. Церковники имели монополию на область познания и превратили все науки, находящиеся за пределами богословской догматики, во вспомогательные дисциплины, в служанок одной госпожи – теологии. Роль служанки выполняла и юриспруденция, развитие которой проходило в основном за счет ассимиляции русского обычного права с христианскими концепциями и привнесения иностранных элементов в русскую юриспруденцию. «До времени Петра I, – как отмечал А. Благовещенский, – познание законов состояло только в случайном знакомстве с существующими законами, в наружном искусстве прилагать их к встречающимся случаям и в наблюдении судебных форм и обрядов делопроизводства» [3, с. 438].

Коренной перелом наступил в эпоху Петра I, когда его преобразования положили начало становления светской науки и образованию. Это, в свою очередь, подорвало идеологическое влияние церкви на юридическую мысль. Помимо этого, обучение русских людей за границей, путешествия дворянской молодежи с целью повышения образования значительно расширили культурные горизонты русского общества, способствовали быстрому проникновению в круг ученых гуманистических и рационалистических взглядов раннебуржуазных мыслителей Западной Европы: Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа и других. У истоков светской юриспруденции России стояли сам Петр I и его ближайший сподвижник Феофан Прокопович. Весьма оригинальную альтернативу дальнейшей преобразовательной деятельности императора предлагал Иван Посошков. В октябре 1724 г. Петр писал в Синод: «Посылаю при сем книгу Пуфендорфа, в которой два трактата: первый – о должности человека и гражданина, другой – о вере христианской, но требую, чтоб первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужда быть» [24, с. 484]. Трактат С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному» был переведен на русский язык архимандритом Троице-Сергиева монастыря Гавриилом и опубликован в 1726 г., уже после смерти Петра. Произведения Самуила Пуфендорфа (1632-1694) содержали основные естественно-правовые положения и элементы теории общественного договора.

Русские мыслители конца XVII–начала XVIII вв. Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков попытались в условиях оформления абсолютной монархии путем сочетания доктрины естественного права и положений священного писания идейно обосновать теорию «просвещенного абсолютизма», что уже предполагало учитывать интересы отдельного человека. При Петре I происходит существенное изменение в организационных формах процесса обучения. В 1724 г. была основана Академия наук, а при ней – первый в истории русского государства университет (философским, медицинским и юридическим факультетами), первыми профессорами которого являлись в основном иностранцы, читавшие курс права в соответствии с постулатами немецкой юриспруденции. В «Проекте учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов», утвержденного именным указом Петра от 28 января 1724 г. (первом масштабном нормативном акте в деле создания университетов), юриспруденция называлась «искусством права» [17]. Все науки в Академии согласно документу были разделены на три класса: 1) математический, 2) физический, 3) гуманитарный – история

и право. Проведение занятий на юридическом факультете поручалось академикам третьего класса. Из «юридических» дисциплин предусматривалось преподавание «права природы» (естественного права), права публичного, политики и этики (нравоучения). Поскольку прибывшие по приглашению официальной власти для работы в Академии наук иностранные ученые представляли своими трудами в основном цикл естественнонаучного знания, а организованных форм университетского образования в первые годы функционирования Академии не было, возникла необходимость «оживить», исправить положение, в том числе и в отношении преподавания «искусства права». С этой целью был создан Регламент Академии наук и художеств 1747 г. [18]. Данным законодательным актом университет несколько обособлялся в системе Академии наук, проводилось различие между академиками, освобожденными от преподавания, и профессорами, читавшими лекции. Из двенадцати наименований наук, предписанных Регламентом для университета, к «юридическим» относились права натуральные и философия практическая и нравоучительная (ст. 45). Среди первых 16 зарубежных ученых – членов Санкт-Петербургской Академии наук, прибывших в 1725 г. в Петербург, были правовед Иоган Бекенштейн и специалист по моральной философии Христофор Гросс. Бекенштейн с 1726 г. стал академиком кафедры правоведения Петербургской академии наук. Он вернулся в Кенигсберг в 1735 г., оставшись почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук. Большинство отечественных исследователей отводили академическому университету весьма незавидную роль в деле становления университетского (и юридического в том числе) образования. И тем не менее общий прогресс науки и культуры, упорядочение государственного управления создали благоприятную среду для поиска новых основ укрепления правового статуса личности.

В теоретическом плане вторая половина XVIII в. ознаменовалась значительными успехами в развитии русской политико-правовой мысли. Проявились и глубокие последствия петровских преобразований, и сближение с Европой, и влияние идейных течений, которые шли с Запада. Но в основе этих успехов лежали, бесспорно, те социально-экономические сдвиги, которые происходили в русской жизни.

Юридическая мысль в это время развивается бурно и плодотворно, происходит дифференциация правосознания. Наряду с консервативной идеологией выделяется в особое направление антикрепостническая просветительская мысль, открыто заявившая о себе на конкурсе Вольного экономического общества (1766 г.) и в ходе работы Уложенной комиссии (1767-1768 гг.). Указом императрицы Екатерины II от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» был утвержден «Проект об учреждении Московского университета» [20], который в литературе иногда называют первым университетским уставом. В состав университета предполагалось включить три факультета: подготовительный (философский) и специальные (медицинский и юридический). Необходимость создания юридического факультета объяснялась тем, что «...наука о правах по природе есть как бы основание всех прав и законов». Перечень предметов, изучавшихся на факультете, был определен М.В. Ломоносовым [15, с. 27]. Начало пятого параграфа Устава Московского университета было изложено в следующей редакции: «Профессоров в университете будет в трех факультетах десять. В юридическом: 1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи; 2) Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеописанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права; 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время» [15, с. 32]. На юридическом факультете читались следующие курсы лекций: естественное право, народное право, всеобщее положительное право, римское право, история римского права, политика, общая энциклопедия, история русского права, практическое законодательство российское, философия. Эпизодически читалось морское и военное право. Государству, имевшему обширное еще не системати-

зированное законодательство, требовались грамотные специалисты, знатоки национального права. Манифестом 15 декабря 1764 г. предписывалось создать на юридическом факультете Московского университета и в Кадетском корпусе "классы российской юриспруденции"; тем самым отменялась система подготовки гражданских чиновников при Сенате и коллегиях [18].

Однако правовое образование шло с трудом. Так, в 1765 г. на правовом отделении обучался только один студент. В 1779 г. при Московском университете по инициативе ректора созданы дворянские классы. Изучение права стало обязательным элементом дворянского образования. В 1783 г. дворянские классы были преобразованы в Благородный пансион. Первым профессором юридического факультета Московского университета стал австриец Филипп Генрих Дильтей, «заклучавший в себе одном долгое время весь факультет правоведения и читавший лекции почти на всех европейских языках, кроме русского. Ему обязана Россия первыми образованными юристами» [14, с. 225]. Ф.Г. Дильтей (1727-1781) – доктор прав Венского университета, с 1756 г. в Московском университете читал курс естественного права, вел курс истории русского права, а также права военного, морского и уголовного. Профессор Ф.Г. Дильтей пользовался заслуженным авторитетом и популярностью в Москве. Его лекции посещали не только студенты, но и многие жители Москвы. По свидетельству современников, на москвичей большое впечатление произвела прочитанная профессором публичная лекция о роли права в жизни общества. Будучи не готовым к преподаванию внутреннего русского права, Дильтей принялся за изучение законодательства. В 1764 г. по поручению профессорской конференции он составил план преподавания на юридическом факультете. По его мнению, юридическая наука могла преподаваться лишь после законченного гуманитарного (философского) образования, в противном случае изучение права могло бы растянуться на 10-12 лет. Дильтей учитывал, что на факультете только один профессор (он сам), а потому предлагал следующий порядок преподавания дисциплин: 1) всеобщее или естественное право и право народное (как основа и фундамент всех прав); 2) установления римского права (здесь автор предлагал рассматривать российские законы с целью демонстрации их согласованности и, наоборот, противоречия с римским правом, т.е. отследить рецепцию); 3) право уголовное, право вексельное (как теория, так и российское законодательство); 4) право российское, обращенное в законоведение; 5) государственное право. Дильтей настаивал «на обязательной регулярной присылке» всех русских законов и просил передать ему двух студентов, уже занимавшихся изучением права, для оказания помощи в ознакомлении с российским законодательством и проведения его частной инкорпорации [7]. Основные сочинения Дильтея: «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологию в пользу обучающегося российского дворянства» В 3-х ч. (М., 1762); «Начальные основания вексельного права, а особливо российского со шведским» (М., 1768); «Диссертация о наследованиях юридических или о дедукциях судебных дел» (М., 1781); «Собрание нужных вещей для сочинения новой географии Российской Империи» (М., 1781). В 1777 г. Дильтей издал учебник по истории русского права, а в 1779 г. – учебник по русскому праву и процессу для судей, который в соответствии с традициями того времени имел подробное название: «Исследование юридическое о принадлежности для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном». Дильтей одним из первых поставил вопрос о необходимости публикации законов и указов и об ознакомлении с действующим законодательством широких масс населения. «Скрывать законы..., – писал он, – есть обыкновение канцелярий российских, не говорю всех, но некоторых, как я уже и сам довольно опытом узнал» [6, с. 2].

В 1767 г. юридический факультет Московского университета, состоявший из двух профессоров (Дильтея и Лангера), пополнился русскими учеными – С.Е. Десницким и И.А. Третьяковым, направленными в свое время для получения образования и подготовки к профессорскому званию в Англию в университет Глазго. По прибытии они были проэкзаменованы по всеобщей юриспруденции при участии Обер-секретаря III Департамента Сената и прочитали пробные лекции, заслужив одобрительные оценки профессорской коллегии [8].

Решением конференции профессоров Десницкому было поручено преподавание римского права «с применением к русскому праву отдельных законов», а Третьякову – истории права, сначала естественного, а затем – римского с древностями [9]. Иван Андреевич Третьяков (1736-1776), защитив докторскую диссертацию в 1767 г. в Глазго (Шотландия), вернулся в Россию и с 1768 г. до конца жизни работал профессором права в Московском университете, преподавая юридическую науку русским студентам. Третьяков в своих произведениях пытался решать государственно-правовые проблемы своего времени в духе идеалов Просвещения и гуманизма. Научное творчество Третьякова оказало большое влияние на духовную жизнь мыслящих людей России второй половины XVIII в. Перу ученого принадлежат: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных изживениях» (1768 г.); «Слово о римском правлении и о разных оног переменах» (1769 г.); «Рассуждения о причинах изобилия и подлинного обогащения государств как у древних, так и нынешних народов» (1772 г.).

Большую роль в становлении университетской правовой науки сыграли также русские правоведы: В.Т. Золотницкий, З.А. Горюшкин, А.П. Куницын. По существу, они выполняли миссию просветителей и сыграли большую роль в становлении и развитии правоведения в России. Излагая достижения западной юриспруденции, русские юристы не могли не чувствовать внутреннюю потребность излагать собственные идеи, отражавшие особенности теории и практики отечественного правоведения. «Удивительно, – писал Десницкий, – что в России до сих времен никакого почти особливого старания к отечественной юриспруденции прилагаемо не было» [5, с. 24].

С конца 60-х гг. XVIII столетия, когда юридический факультет обогатился преподавательскими кадрами из россиян, удалось обратить особое внимание на изучение российского законодательства. В частности, в предписании куратора университета Адодурова директору университета от 29 ноября 1767 г. прямо указывалось на необходимость следить за тем, чтобы на лекциях юридического факультета показывалось и «употребление российского права» [10]. Приверженцем естественно-правовых взглядов был В.Т. Золотницкий. Его работа «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества» (СПб., 1764) была поистине первенцем русской юридической литературы и имела огромное значение для формирования системы теоретических юридических категорий. Одним из способных учеников С.Е. Десницкого был В. Новиков. Он стал первым русским автором, издавшим в 1790 г. учебное пособие по праву: «Театр судоведения, или чтение для судей и всех любителей юриспруденции, содержащее достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и ставить полезное и приятное времяпрепровождение». В яркой публицистической манере В. Новиков утверждал, что право должно играть в жизни людей и общества такую же социально-инструментальную и дидактическую роль, как и литература. Преподавание русского права в Московском университете в тот период ограничивалось военными и морскими артикулами, а первые примитивные учебники по праву компилятивного характера были изданы только в последнем десятилетии XVIII в., что позволило сделать вывод об отсутствии в России того времени самостоятельной национальной юридической науки западного уровня [2, с. 259]. Это было вполне естественным, ибо по объективным причинам к описываемому моменту не могло сложиться национальное правоведение «западного уровня», университетское образование находилось в стадии становления, российская правовая наука носила «рецептивный» характер, заимствуя у Западной Европы основные правовые идеи с доминантой доктрины естественного права.

В начале XIX столетия идеи Десницкого о праве были восприняты видным представителем русского правоведения – Захаром Аникеевичем Горюшкиным. Долгое время (с конца 80-х гг. XVIII в. до своей смерти в 1821 г.) он пользовался большой популярностью в Москве, сначала как чиновник, готовый помочь правильно составить и направить куда следует проше-

ние или челобитную, а потом как один из самых любимых профессоров Московского университета, где с 1786 г. по 1811 г. преподавал курс практического законоведения и истории русского законодательства. Горюшкин не получил никакого систематизированного образования, был «самоучкой». Право он изучал, служа в канцелярии Московского губернатора, а затем чиновником юстиц-коллегии. Как и Десницкий, Горюшкин доказывал, что недостаточно одного практического знания, и для России вредно преувеличивать значение иностранного законодательства. «Убеждение его состояло в том, что теоретическое познание о законах отечественных необходимо оплодотворять изучением истории и древностей» [25, с. 37]. Итогом практической, научной, преподавательской деятельности Горюшкина стало издание им четырехтомного труда «Руководство к познанию Российского законоискусства» (СПб., 1811-1816), длительное время бывшего главным пособием для всех изучавших российское право. Впервые в России Горюшкиным были составлены образцы юридических документов. Он уделял большое внимание не только форме, но и содержанию юридического документа, языку, стилю его написания, что способствовало развитию юридической техники, общей и правовой культуры. Главной целью преподавания правовых дисциплин Горюшкин считал необходимость формирования у обучаемых профессиональной этики, понимания роли и места юриста в обществе как неподкупного слуги закона. Эти традиции сыграли большую роль в становлении русских правоведов, которые подготовили и провели в России реформы 60-х годов XIX в.

Библиографические ссылки

1. Абрамов А.И. Философия в духовных академиях (традиции платонизма в русском духовно-академическом философствовании) // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 138–155.
2. Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.) / Ин-т Европы. М. : Наука, 1994.
3. Благовещенский А. История метод законоведения в XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. VI. С. 375-441; Ч. VII. С. 42-52.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995.
5. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции, в публичном собрании императорского московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года. М., 1768.
6. Дильтей Ф.Г. Начальные основания вексельного права, а особливо российского купно и швецкого. С прибавлением разных российских указов и с двумя диссертациями, к сему принадлежащими, для употребления в московском юридическом факультете / сост. Ф.Г. Дилтей. Владимир : Тип. Губ. правл., 1801.
7. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756-1764). М., 1960. Т. 1. № 292.
8. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756-1764). М., 1960. Документы и материалы... Т. 3. (1767-1786). М., 1963. № 33, 37-40, 43, 46, 47.
9. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756-1764). М., 1960. Т. 3. (1767-1786). М., 1963. № 42.
10. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. (1756-1764). М., 1960. Т. 3. (1767-1786). М., 1963. № 72.
11. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева) ; сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина ; реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской ; коммент. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
12. Морошкин Ф. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции // Ученые записки Императорского Московского университета. 1834. №VIII. Февраль. С. 205-255.

13. Рейнц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. Ф. Морошкина. М. : Изд. Ф. Морошкин, 1836.
14. Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917) : сборник / сост. Ю.Н. Емельянов. М. : Современник, 1989.
15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV-VII вв. глазами иностранцев.
16. ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 7. № 4443.
17. ПСЗ. Т. 12. № 39425.
18. ПСЗ. Т. 16. № 11989.
19. ПСЗ. Т.14. № 10346.
20. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / сост. А.П. Альбов и др. СПб. : Алетейя, 1997.
21. Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX вв. Л. : «Библиотека АН СССР», 1983.
22. Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. 1947. Т. 24. С. 267-352.
23. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17-18. М., 1993.
24. Станиславский А. О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления. СПб. : Тип. Ун-та, 1853.
25. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / В.В. Ермошин, Н.Н. Ефремова, И.А. Исаев, В.И. Карпец, и др.; отв. ред. В.С. Нерсисянц ; Редкол.: В.С. Нерсисянц, А.А. Преображенский, С.И. Штамм. М. : Наука, 1986.
26. Хижняк З.И. Киево-Могилянская академия. Киев : Выща шк. Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1988.

References

1. Abramov A.I. Filosofiya v dukhovnykh akademiyakh (traditsii platonizma v russkom dukhovno-akademicheskom filosofstvovanii) (Philosophy in theological academies (traditions of Platonism in Russian spiritual and academic philosophizing)), *Voprosy filosofii*, 1997, No. 9, pp. 138–155.
2. Annars E. Istoriya evropeiskogo prava (per. so shved.) (History of European Law (Translated from Sweden)). In-t Evropy. M., Nauka, 1994.
3. Blagoveshchenskii A. Istoriya metod zakonovedeniya v XVIII v. (History of the method of jurisprudence in the XVIII century), *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1835, Ch. VI, pp. 375-441, Ch. VII, pp. 42-52.
4. Vladimirskii-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava (Overview of the history of Russian law). Rostov-na-Donu, Feniks, 1995.
5. Desnitskii S.E. Slovo o pryamom i blizhaishem sposobe k izucheniyu yurisprudentsii (The word about the direct and nearest way to study jurisprudence), v publichnom sobranii imperatorskogo moskovskogo universiteta... govorennoe... iyunya 30 dnya 1768 goda. M., 1768.
6. Dil'tei F.G. Nachal'nye osnovaniya vekselnogo prava, a osoblivo rossiiskogo kupno i shvetskogo. S pribavleniem raznykh rossiiskikh ukazov i s dvumya dissertatsiyami, k semu prinadlezhachimi, dlya upotrebleniya v moskovskom yuridicheskom fakul'tete (The initial basis of law of exchange, and especially Russian and Swedish. With the addition of various Russian decrees and two dissertations, which are appropriate, for using at the Moscow Law Faculty), sost. F.G. Diltei. Vladimir, Tip. Gub. prav., 1801.
7. Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII v. (1756-1764) (Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century (1756-1764)). M., 1960, T. 1, No. 292.
8. Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII v. (1756-1764) (Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century (1756-1764)). M., 1960. Dokumenty i materialy. T. 3. (1767-1786) (Documents and materials. T. 3. (1767-1786)). M., 1963, No. 33, 37-40, 43, 46, 47.

9. Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII v. (1756-1764) (Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century (1756-1764)). M., 1960, T. 3. (1767-1786). M., 1963, No. 42.
10. Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroi poloviny XVIII v. (1756-1764) (Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century (1756-1764)). M., 1960, T. 3. (1767-1786). Moscow, 1963, No. 72.
11. Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati, predisl. mitropolita Ioanna (Snycheva) (Metropolitan Hilarion. The word about the Law and Grace, preface of Metropolitan John (Snychev)), sost., vstup. st., per. V.Ya. Deryagina, rekonstr. drevnerus. teksta L.P. Zhukovskoi, komment. V.Ya. Deryagina, A.K. Svetozerskogo, otv. red. O.A. Platonov. M., Institut russkoi tsivilizatsii, 2011.
12. Moroshkin F. Ob uchastii Moskovskogo universiteta v obrazovanii otechestvennoi yurisprudentsii (On the participation of Moscow University in the formation of national jurisprudence), *Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta*, 1834, No. VIII. Fevral', pp. 205-255.
13. Reints A. Opyt istorii rossiiskikh gosudarstvennykh i grazhdanskikh zakonov (Experience of the history of Russian state and civil laws), per. F. Moroshkina. M., Izd. F. Moroshkin, 1836.
14. Moskovskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov (1755-1917) (Moscow University in the memoirs of contemporaries (1755-1917)), *sbornik*, sost. Yu.N. Emel'yanov. M., Sovremennik, 1989.
15. Olearii A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu (Description of the journey to Muscovy), *Rossiya XV-VII vv. glazami inostrantsev*.
16. PSZ (Omnibus edition). Sobr. 1-e. SPb., 1830. T. 7. No. 4443.
17. PSZ. T. 12 (Omnibus edition. V. 12). No. 39425.
18. PSZ. T. 16 (Omnibus edition. V. 16). No. 11989.
19. PSZ. T.14 (Omnibus edition. V. 14). No. 10346.
20. Russkaya filosofiya prava: filosofiya very i npravstvennosti: Antologiya (Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality: Anthology), sost. A.P. Al'bov i dr. SPb, Aleteiya, 1997.
21. Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoi polovine XIX vv. (Russian books and libraries in the 16th - first half of the 19th centuries). L., «Biblioteka AN SSSR», 1983.
22. Smirnov I.I. Sudebnik 1550 g. (The Code of Justice of 1550), *Istoricheskie zapisi*, 1947, T. 24, pp. 267-352.
23. Solov'ev S.M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. IX. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 17-18 (Compositions. In 18 books. Book. IX. History of Russia since ancient times. V. 17-18). M., 1993.
24. Stanislavskii A. O khode zakonovedeniya v Rossii i o rezul'tatakh sovremennogo ego napravleniya (On the course of jurisprudence in Russia and the results of its modern direction). SPb., Tip. Univ-ta, 1853.
25. Razvitie russkogo prava v XV – pervoi polovine XVII v. (The development of Russian law in the XV - first half of the XVII century). V.V. Ermoshin, N.N. Efremova, I.A. Isaev, V.I. Karpets, i dr., otv. red. V.S. Nersesyants, Red-kol. V.S. Nersesyants, A.A. Preobrazhenskii, S.I. Shtamm. M., Nauka, 1986.
26. Khizhnyak Z.I. Kievo-Mogilyanskaya akademiya (Kiev-Mohyla Academy). Kiev, Vyshcha shk. Izd-vo pri Kiev. gos. un-te, 1988.

Дата поступления: 22.01.2018

Received: 22.01.2018

УДК 328: 342

**СЛАБОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ
ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ**

ПАХОМОВА Елизавета Александровна
*кандидат исторических наук, доцент, до-
цент кафедры философии и социально-
правовых наук ФГБОУ ВО «Волжский госу-
дарственный университет водного транс-
порта», г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: pahomova-e@inbox.ru*

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович
*доктор юридических наук, профессор, Прези-
дент Фонда поддержки науки и образования
в области правоохранительной деятельно-
сти «Университет», г. Санкт-Петербург,
Россия. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru*

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич
*кандидат юридических наук, доцент кафед-
ры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ
ВО «Волжский государственный универси-
тет водного транспорта», г. Нижний Нов-
город, Россия. E-mail: region52@inbox.ru*

Актуальной проблемой в настоящее время является развитие идеологии, отвечающей запросам российского государства и общества. Отсутствие государственной идеологии, закреплённой в Конституции, скорее свидетельствует о приверженности либерализму, нежели иным доктринам. Крайней формой либерализма является либертарианство. Статья посвящена проблеме либертарной идейно-политической доктрины. Обозначены две основные ветви таковой в современном мире. В качестве доминирующей среди них в современной России указан минархизм. На примере творчества двух наиболее известных российских адептов минархизма определены слабые стороны либертарианского видения развития права.

Ключевые слова: либертарианство, минархизм, право, развитие, слабость

**POINTS OF WEAKNESS OF THE
MODERN RUSSIAN LIBERTARIAN
LEGAL CONCEPT**

PAKHOMOVA Elizaveta Aleksandrovna
*Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Assistant Professor of the Depart-
ment of Philosophy and Social Law Sciences of
the FSBEI HE "Volga State University of Wa-
ter Transport", Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: pahomova-e@inbox.ru*

SALNIKOV Mikhail Viktorovich
*Doctor of Law, Professor, President of the
Foundation for the Support of Science and Ed-
ucation in Law Enforcement Activities "Univer-
sity", St. Petersburg, Russia.
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru*

FOMICHEV Maksim Nikolaevich
*Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-
sor of the Department of Civil Law Disciplines
of the FSBEI HE "Volga State University of
Water Transport", Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: region52@inbox.ru*

The urgent problem today is the development of the ideology that meets the needs of the Russian state and society. The lack of state ideology enshrined in the Constitution demonstrates rather the commitment to liberalism, than to other doctrines. The extreme form of liberalism is libertarianism. The article is devoted to the problem of the libertarian ideological and political doctrine. The authors indicate its two main branches in the world. Minarchism is determined as the dominant among them in modern Russia. On the example of the work of the two most famous Russian adherents of minarchism, the weak points of the libertarian view of the development of law are identified.

Key words: libertarianism, minarchism, law, development, weakness.

Одной из идейных доктрин, получивших пусть и относительную, но всё-таки популярность в среде городского среднего класса в последние годы, является либертарианство. Последнее является рыночно-ориентированной политической философией, в которой едва ли

не единственной задачей государства является охрана индивидуальной свободы. «На социально-философском уровне рефлексии основным вопросом для либертарианства является обоснование возможности существования общества, устроенного на началах полной свободы индивида от всякого внешнего вмешательства. В общем смысле либертарианство (или либертариизм) можно понимать как философскую доктрину и основанную на ней идеологическую систему, утверждающую приоритет индивидуальной свободы в социальной жизни» [7, с. 70]. Едва ли не в наиболее полном виде либертарианские идеалы изложены в работах Д. Боуза [2] и М. Ротбарда [13]. Своим «духовным отцом» сторонники либертарианства считают Д. Локка, кроме того, они весьма почитают Декларацию Независимости США. «Защита института частной собственности и неограниченного права распоряжения частной собственностью стала центральной идеей в либертарианской политической философии, поскольку только частная собственность гарантирует свободу от любого внешнего принуждения» [6, с. 25]. Не случайно, что многие трактуют сторонников либертарианства именно как радикальных либералов [23, с. 31]. Укажем также, что «в основе либертарианской теории лежат представления о спонтанной самоорганизации социального порядка по аналогии с нерегулируемым рынком, о минимальном государстве и базовом праве самопринадлежности» [5, с. 23].

Важно также подчеркнуть, что в настоящее время либертарианство не едино – оно разделилось на два течения. Первое – это минархизм, сформировавшийся на основе трудов Р. Нозика (его книга именовалась «Анархия, государство и утопия» [9, с. 30]). Второе же – анархо-капитализм, основоположником которого признаётся М. Ротбард [11, с. 116]. Основные различия между означенными течениями заключаются, что нисколько не удивительно, в отношении к государству как совокупности институтов. Адепты первого из упомянутых нами течений придерживаются мнения о необходимости свести вмешательство государства в жизнь граждан к минимуму (минархизм, представленный в трудах Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, М. Фридмана, книге А. Рэнда и др.). Сторонники же второго течения вообще готовы отказаться от государства как такового (анархо-капитализм М. Ротбарда, Р. Лонга, Д. Фридмана, Г. де Молилари) [24, с. 57].

Следует признать, что в Российской Федерации большее распространение получил пока именно минархизм. Пожалуй, наиболее известными сегодняшними отечественными последователями той доктрины являются Ю.Л. Латынина и А.П. Никонов. Их пример весьма наглядно свидетельствует о наличии «слабых мест» в минархизме (да и в либертарианстве в целом, пожалуй, тоже). Речь идёт о слабости правовой составляющей этой идейной доктрины. Признаем при этом же, что любая идеология должна содержать в себе развитые политическую, экономическую, философскую, культурную и правовую составляющие. Слабость любой из таковых является проявлением слабости идейной доктрины в целом.

Относительно государства как совокупности институтов идеи российских либертарианцев-минархистов в целом ясны. Государство должно быть минимальным, оно обязано охранять собственность, права собственника и содействовать инновационному развитию. По сути, государство есть сервис, что наглядно выразила, например, Ю.Л. Латынина: «... очень во многих странах мира считается, что государство, бюрократия – это главное, и бюрократия делает так, как ей удобно, а человек должен туда ползать на коленях. А в Грузии была другая философия, которая заключалась в том, что государство оказывает человеку такую же услугу, как он приходит, скажем, покупая на рынке помидор. И дело государства – обеспечить очень высокий уровень оказания этой услуги» [25].

Впрочем, даже в вопросе о государстве либертарианцы иногда демонстрировали весьма своеобразное понимание роли государства. Та же Ю.Л. Латынина утверждала в частности, что «... значительная часть того, что сейчас делает государство, это просто контроль над базами данных. И, вот, с помощью технологии Блокчейн мы можем сделать так, что этот контроль над базами данных уйдет из-под власти государства» [25]. Нам же представляется такая позиция, как минимум, спорной, поскольку количество функций государства относительно велико, при-

чём это касается отнюдь не только государств с тоталитарным или авторитарным режимом. Относительно правовых норм, воззрения российских минархистов-либертарииев скорее туманны. С одной стороны, их идеи понятны – необходимо ослабить контроль со стороны государства и содействовать замене его или рыночными механизмами регулирования или же механизмами саморегулирования. Наиболее ярко выражено у российских либертарииев, судя по всему, стремление ликвидировать Ростехнадзор за наиболее активное вмешательство в дела бизнеса. В остальном же наличествует преклонение перед западными правовыми нормами прошлого. Это касается не только панегириков в адрес римского права [8, с. 11], но также и идей о пагубности всеобщего избирательного права и желательности введения ограниченного избирательного права как в странах Запада в позапрошлом веке, и идей о необходимости разрешения права граждан на оружие, и упразднение социального государства [10]. Ценности, культивируемые в США и Западной Европе, далеко не все и не всегда приемлемы в России [1; 3; 4; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22]. При этом же нельзя не упомянуть, что либертариии, будучи поклонниками технических новаций, отчасти пытаются предложить часть нововведений в праве благодаря использованию новых технологий. Впрочем, и тут они пока скорее лишь заявляют о необходимости новаций, но не выносят на суд общественности конкретных рецептов (по нашему мнению, было бы интересным прочесть обоснование идеального правосудия по образу и подобию того, что описал советский фантаст З. Юрьев в повести «Полная переделка» [26], однако пока такие идеи не развиты). Нельзя также игнорировать, что наряду с этим для минархистов-либертарииев из России нередко характерно даже обоснование колониализма как некоего блага для человечества. А.П. Никонов писал, например: «...не была колонизация в привычном нам "грабительско-эксплуататорском" смысле слова! Это была великая цивилизаторская миссия. Это было освоение. Логика освоения проста: если ты хозяин территории, ты ее обустроиваешь, как для себя. Даже без «как»... Просто для себя» [8, с. 245]. Противопоставляется колониализм политкорректности, которую либертариии обвиняют в нарушении принципов конкурентной борьбы, социалистическом происхождении и т.п.

Таким образом, можно признать, что идеи о желательном развитии права российскими либертарииями развиты слабо. Это обстоятельство серьёзно усложняет возможности для усиления влияния либертарииев, поскольку для существенной части их потенциальных адептов право является весьма значимой ценностью.

Библиографические ссылки

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 86-91.
2. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика / пер. с англ. М. Кислова, А.В. Куряева ; общ. ред. А. Куряев. Челябинск : Социум, 2004.
3. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 90-98.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23-40.
5. Кулагина Е.Г., Максимец С.В. Идеологические основания экологической культуры (На примере либертарианства) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 5 (49).
6. Лимаренко А.П. Атлант на коленях: Кризис неконсервативного социального проекта и монетаристской политики // Социология. 2013. № 3.
7. Максимец С.В. Концепции либертарианства в социальной философии // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45).
8. Никонов А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй. М. : Изд-во НЦ ЭНАС, 2006.
9. Павкин Л.М. Либертарианство: Принципы, теория, оценка // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1.

10. Пахомова Е.А., Фоменков А.А. Государства должно быть «мало»: О публично-правовых взглядах современных либертарианцев // *Юридическая мысль*. 2014. № 2 (82). С. 23-27.
11. Раквиашвили А.А. Методологический индивидуализм: К апологии современного либерализма // *Вопросы политической экономии*. 2016. № 1.
12. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // *Правовое поле современной экономики*. 2015. № 7. С. 44-50.
13. Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест / пер. с англ. Борис Пинскер. М. : Фонд "Либеральная миссия", 2009.
14. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // *Мир политики и социологии*. 2015. № 8. С. 11-22.
15. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // *Мир политики и социологии*. 2015. № 7. С. 11-18.
16. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // *Правовое поле современной экономики*. 2015. № 9. С. 58-68.
17. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // *Юридическая наука: история и современность*. 2015. № 7. С. 173-179.
18. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // *Ученые записки юридического факультета*. 2015 № 38 (48). С. 192-198.
19. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // *Мир политики и социологии*. 2015. № 9. С. 193-202.
20. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // *Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 3 (41). С. 16-22.
21. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // *Мир политики и социологии*. 2013. № 10. С. 170-191.
22. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России*. 2004. № 4 (24). С. 29-31.
23. Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (Взгляд политолога) // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3.
24. Философов И.Ю. Исландия эпохи народовластия в современном либертарианском дискурсе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. № 4.
25. Юлия Латынина. Код доступа // [Электронный ресурс] URL: <http://echo.msk.ru/programs/code/1752700-echo/> (дата обращения: 30.07.2017).
26. Юрьев З.Ю. Полная переделка: Фантастический роман. М. : Молодая гвардия, 1979.

References

1. Ananskikh I.A., Mikheev A.A., Kiryushina N.Yu. Sovremennoe rossiiskoe gosudarstvo i dukhovno-nravstvennoe sostoyanie obshchestva (The Modern Russian state and the spiritual and moral form of society), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 1. Pp. 86-91.
2. Bouz D. Libertarianstvo: Istoriya, printsipy, politika (Libertarianism: History, principles, politics), per. s angl. M. Kislova, A.V. Kuryaeva. Obshch. red. A. Kuryaev. Chelyabinsk. Sotsium, 2004.
3. Zhdanov P.S., Sal'nikov S.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I. Ot gumanizma k immoralizmu, ot prav estestvennykh k pravam protivostestvennym: smena tsennostnykh osnovanii zapadnogo prava (From humanism to immorality, from natural rights to unnatural rights: the replacement of value bases of Western law), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 11. Pp. 90-98.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto otlichaet cheloveka russkoi kul'tury ot lyubogo drugogo: filosofsko-pravovoi vzglyad (What distinguishes a person of Russian culture from any other: philosophical and legal view), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2016. No. 1. Pp. 23-40.

5. Kulagina E.G., Maksimets S.V. Ideologicheskie osnovaniya ekologicheskoi kul'tury (Na primere libertarianstva) (Ideological bases of ecological culture (On the example of libertarianism)), *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*. 2015. No. 5 (49).
6. Limarenko A.P. Atlant na kolenyakh: Krizis nekonserватivnogo sotsial'nogo proekta i monetaristskoi politiki (Atlant on his knees: The crisis of a non-conservative social project and monetarist policy), *Sotsiologiya*. 2013. No. 3.
7. Maksimets S.V. Kontseptsii libertarianstva v sotsial'noi filosofii (Concepts of libertarianism in social philosophy), *Rossiiskii nauchnyi zhurnal*. 2015. No. 2 (45).
8. Nikonov A.P. Sud'ba tsivilizatora. Teoriya i praktika gibeli imperii (The fate of the civilizer. The theory and practice of the death of empires). Moskva. Izd-vo NTS ENAS, 2006.
9. Pavkin L.M. Libertarianstvo: Printsipy, teoriya, otsenka (Libertarianism: Principles, theory, assessment), *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*. 2014. No. 1.
10. Pakhomova E.A., Fomenkov A.A. Gosudarstva dolzhno byt' «malo»: O publichno-pravovykh vzglyadakh sovremennykh libertariiev (The state should be "little": On public-legal views of modern libertarians), *Yuridicheskaya mysl'*. 2014. No. 2 (82). Pp. 23-27.
11. Rakviashvili A.A. Metodologicheskii individualizm: K apologii sovremennogo liberalizma (Methodological individualism: Towards the apology of modern liberalism), *Voprosy politicheskoi ekonomii*. 2016. No. 1.
12. Romanovskaya V.B., Sal'nikov V.P. Poisk natsional'noi idei v mnogopolyarnom mire (Search for a national idea in a multipolar world), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2015. No. 7. Pp. 44-50.
13. Rotbard M. K novoi svobode. Libertarianskii manifest (To a new freedom. The Libertarian Manifesto), per. s angl. Boris Pinsker. M., Fond "Liberal'naya missiya", 2009.
14. Sal'nikov V.P., Gruzdeva M.L. Preodolenie Evropy: filosofsko-pravovoe esse (Overcoming Europe: philosophical and legal essay), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 8. Pp. 11-22.
15. Sal'nikov V.P., Zhdanov P.S., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B. Russkaya religioznaya filosofiya prava kak zashchita natsional'nykh tsennostei ot inokul'turnoi ekspansii (Russian religious philosophy of law as protection of national values from foreign culture expansion), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 7. Pp. 11-18.
16. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Pochemu na Vo-stok: povорот Rossii v sovremennom politiko-pravovom prostranstve (Why towards the East: the turn of Russia in the modern political and legal space), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2015. No. 9. Pp. 58-68.
17. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Religioznye i inye dukhovnye traditsii kak zashchita ot ugrozy degradatsii obshchestva (Religious and other spiritual traditions as protection against the threat of degradation of society), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2015. No. 7. Pp. 173-179.
18. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. «Russkii povo-rot» v politiko-pravovom diskurse ("Russian turn" in political and legal discourse), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 2015. No. 38 (48). Pp. 192-198.
19. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Tsyganov V.I. Zapadnaya tsivilizatsiya i ugroza голу-bogo internatsionala: politiko-pravovaya agressiya perioda postmoderna (Western civilization and the threat of the blue international: political and legal aggression of the postmodern period), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 9. Pp. 193-202.
20. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. Natsional'naya ideya ili pravovoe gosudarstvo cherez prizmu natsional'nykh interesov (National idea or the rule-of-law state through the prism of national interests), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2015. No. 3 (41). Pp. 16-22.
21. Sal'nikov M.V. Zapadnaya traditsiya prava: politiko-pravovye tsennosti i ideally (Western tradition of law: political and legal values and ideals), *Mir politiki i sotsiologii*. 2013. No. 10. Pp. 170-191.
22. Sal'nikov M.V., Velezhev S.I., Tishchenko A.G. Otechestvennaya i zapadnaya politiko-pravovye traditsii: sravnitel'no-pravovoi aksiologicheskii analiz (National and Western political and legal traditions: comparative legal axiological analysis), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii*. 2004. No. 4 (24). Hh. 29-31.
23. Urnov M.Yu. Sotsial'nyi liberalizm v Rossii (Vzglyad politologa) (Social liberalism in Russia (The view of a political scientist)), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2013. No. 3.

24. Filosofov I.Yu. Islandiya epokhi narodovlastiya v sovremennom libertarianskom diskurse (Iceland in the era of grass-roots democracy in modern libertarian discourse), *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014. T. 14. No. 4.
25. Yuliya Latynina. Kod dostupa (Access code). [Elektronnyi resurs] URL: <http://echo.msk.ru/programs/code/1752700-echo/> (accessed date: 30.07.2017).
26. Yur'ev Z.Yu. Polnaya peredelka: Fantasticheskii roman (Complete rework: Fantastic novel). M., Molodaya gvardiya, 1979.

Дата поступления: 25.01.2018

Received: 25.01.2018

УДК 34.09

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК АНТИПОД ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЧЕРНЫХ Алексей Викторович

*кандидат юридических наук, первый проректор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московская государственная академия хореографии», г. Москва, Россия.
E-mail: balletacademy-press@yandex.ru*

LEGAL NIHILISM AS AN ANTIPODE OF TECHNOLOGICAL CULTURE

CHERNYKH Alexey Victorovich

*Candidate of Sciences (Law), First Vice-rector of the Bolshoi Ballet Academy, Moscow, Russia.
E-mail: balletacademy-press@yandex.ru*

В отличие от права термин «технологическая культура» появился в научном обороте сравнительно недавно, тем не менее, ныне уже сформировалось понимание того, что в её основе лежит преобразовательная деятельность, в которой проявляются его знания, умения и творческие способности человека. Должной технологической культуре противостоит правовой нигилизм как отрицательное правосознание. Преодоление же правового нигилизма возможно только при комплексном подходе к реализации соответствующих мероприятий по цепочке «культура» – «образованность» – «профессиональная компетентность» – «менталитет».

Ключевые слова: техническая культура, право, правовой нигилизм, культура, образование, профессиональная компетенция, менталитет.

In contrast to the law, the term "technological culture" has appeared in scientific turn relatively recently, however it is now understood that it is based on transformative activities of man, in which his knowledge, skills and creative abilities are manifested. The due technological culture is opposed by legal nihilism as a negative legal consciousness. Overcoming legal nihilism is possible only with a comprehensive approach to the implementation of relevant measures along the chain "culture" – "amount of education" – "professional competence" – "mentality".

Key words: technical culture, law, legal nihilism, culture, education, professional competence, mentality.

В отличие от права термин «технологическая культура» появился в научном обороте сравнительно недавно, и тем не менее, ныне уже сформировалось понимание того, что в её основе лежит преобразовательная деятельность человека, в которой проявляются его знания, умения и творческие способности [1]. Дополняя мнение ряда специалистов, считающих, что особенности технологической культуры обусловлены во многом тем, что она складывается из трех основных компонентов – техники, науки и инженерии, полагаем, эту триаду необходимо

дополнить еще и компонентами культура и таким ее важнейшим составляющим как право. Ведь любое применение технологий и технологических процессов, взаимодействие человека с природой, обществом и иными его членами будет плодотворным, если оно осуществляется в рамках законных отношений и, желательно, в благоприятной юридической среде, создающей условия для свободной и ответственной деятельности субъектов правового оборота в рамках осознанной ими необходимости его легального ограничения. Понятно, что сознательная деятельность человека не всегда обуславливается только его непосредственным восприятием конкретной ситуации, которая для него является внешней, а зачастую связана с более глубокими и стоящими за ней внутренними процессами психофизического свойства. И это влечет за собой предъявление еще более жестких требований к уровню его позитивного правосознания и добавляет аргументов в пользу утверждения о том, что должной технологической культуре противостоит правовой нигилизм как отрицательное правосознание, субъективно негативное восприятие юридических явлений и отношение людей к праву, основанное на знании или незнании о нем и чувствах, переживаниях и идеях членов общества или их групп.

1. Переходя в свете отмеченного выше с обобщающего уровня, характерного для такого неотъемлемого элемента любого производственного процесса как понятие «трудовые ресурсы», на индивидуальный уровень, свойственный понятию «работник», мы незамедлительно сталкиваемся с термином дисциплина труда, то есть с обязательным для всех работников подчинением правилам поведения, определенным в соответствии с Трудовым кодексом РФ, иными федеральными законами, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором – ст. 189 ТК РФ.

И если в части производственных отношений, подпадающих в сферу действия трудового права, действуют однозначные правовые предписания, то есть работодатель имеет право требовать от работников исполнения ими трудовых обязанностей (ч. 1 ст. 22 ТК РФ), а работник обязан добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка и трудовую дисциплину (ч. 2 ст. 21 ТК РФ), то юридическая регламентация производственной дисциплины, а также технологической дисциплины не однозначна. Так, полагаем правомерным и утверждение о том, что хотя дисциплина труда взаимосвязана с производственной и технологической дисциплиной, но вряд ли может быть признана синонимом данных терминов.

Обобщая сказанное выше можно констатировать, используя для этого редкий и к сожалению только ведомственный нормативный акт, что «Производственная дисциплина – исполнение указаний и распоряжений, связанных с производственной деятельностью, соблюдение производственных связей в процессе труда, сроков их исполнения». (См.: "Пособие по охране труда дорожному мастеру" (утв. Распоряжением Минтранса РФ от 29.01.2003 N ОС-37-р). Здесь необходимо отметить важность основанного на справедливости подхода к оценке тех элементов, которые с точки зрения составителей данного документа формируют понятие «производственная дисциплина». Таким образом, применительно к вопросам производственной дисциплины целесообразно сформулировать нормы, регулирующие правоотношения субъектов производственных правоотношений, с соблюдением принципа справедливости, то есть исходя из взаимной ответственности работника и работодателя, например, «Производственная дисциплина – точное исполнение работником предусмотренных локальными нормативными актами предприятия и связанных с его производственной и иной уставной деятельностью указаний, приказов и распоряжений лиц, уполномоченных на это работодателем». При этом руководствуемся тем, что само понятие «производственная деятельность» как совокупность действий работников с применением средств труда, необходимых для превращения ресурсов в готовую продукцию, включающих в себя производство и переработку различных видов сырья, строительство, оказание различных видов услуг, закреплено в ст. 209 ТК РФ. «Технологическая дисциплина – выполнение работ или изготовление продукции в полном соответствии с установленной технологией и в срок; последовательность трудовых процес-

сов, соблюдение режимов работы» (См.: "Пособие по охране труда дорожному мастеру" (утв. Распоряжением Минтранса РФ от 29.01.2003 N ОС-37-р). Иными словами, технологическая дисциплина заключается в соблюдении тех правил, которые закреплены в государственном стандарте и определяют технологический процесс, как часть производственного процесса, содержащий целенаправленные действия по изменению и (или) определению состояния предмета труда, необходимые на данном предприятии для изготовления и ремонта продукции (см.: ГОСТ 3.1109-82 ЕСТД. Термины и определения основных понятий (с Изменением N 1).

Отметим, что отсутствие законодательного определения «технологической дисциплины» и «производственной дисциплины» не мешает судебной практике идти своим путем, то есть фактически заниматься формально не относящимся в РФ к компетенции судов «созданием права». При этом суды годами привычно используют термины, не раскрывая их содержания, например: «нарушение технологической дисциплины», «полное соблюдение технологической дисциплины» «соблюдение трудовой и производственной дисциплины», «несоблюдение производственной дисциплины» и т.д.

Между тем, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31.03. 2015 г. N 6-П, говоря об использовании какого-либо понятия в условиях его полной неопределенности, констатирует, что это способно породить противоречивую правоприменительную практику, которая, добавим, может коснуться каждого гражданина. Так, в ходе реформирования законодательства об охране здоровья, предусматривающего использование стандартов оказания медицинской помощи и клинические рекомендации, могут формироваться целевые блок-схемы лечения, которые будут базироваться на обязательных к исполнению нормативно-правовых актах, в том числе клинических руководствах, стандартах, протоколах, и т. д. Последствия небрежного отношения к дисциплине в этой сфере, организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности понятны.

2. При этом вряд ли можно оспаривать то, что залогом эффективного производства является соблюдение технологии. «Технологии – это порядок. Это закон, который надо соблюдать, а не совершенствовать в процессе исполнения» [2].

К сожалению, в силу различных причин отечественная практика весьма своеобразна. Так, в отличие от моноактивных, например, японцев, полиактивные россияне не очень озабочены расписаниями и пунктуальностью. И это все имеет место на фоне таких разнообразных и порой противоречивых качеств, свойственных нашим соотечественникам, как коллективизм; привычка к неравномерным темпам работы; упорство, порой самозабвенное; пессимизм и пассивность (апатия); привычная коррупция; пренебрежительное отношение к праву [3]. И в связи этим не можем без дополнительных оговорок согласиться с тем, что «противопоставление индивидуальности порядку есть разрушение порядка» [4]. Так, если такое противопоставление осуществляется в форме правонарушения, то это нежелательное для общества деяние. Но если это легальный способ проявления творчества, индивидуальности человека даже в детально урегулированной законом сфере деятельности, в которой применяются различные промышленные и иные технологии, то это не есть нарушение правил, одобряемых обществом. Иначе, в принципе трудно представить себе саму возможность развития такой области интеллектуальной деятельности как инженерное дело.

3. Все сказанное выше свидетельствует о дефиците современного правового регулирования в сфере производственных отношений. И в не последнюю очередь это относится к вопросам, связанным с производственной и технологической дисциплиной. Данная проблема в многом обусловлена не слишком высоким качеством технологической культуры в всех областях отечественной социальной практики и, одновременно с этим, значительным уровнем правового нигилизма и граждан, и государства. Действительно, трудно серьезно говорить об эффективном управлении и организации современного производства, стабильном обеспечении качества продукции в условиях, когда государство с помощью жесткой и зачастую мелочной регламентации, обилия ситуативных, излишне политически мотивированных, порой

«сырых» законов и дробных ведомственных нормативных актов пытается фрагментарно контролировать те или иные процессы в обществе, поведение его членов. В то же время и многие граждане прагматично, если не сказать цинично, относятся к правовым ценностям, провозглашаемым в качестве базовых для нашего общества. При этом можно констатировать, что негативное отношение значительной части россиян к правовым нормам ментально обусловлено, так как на протяжении веков правовой нигилизм формировался как реакция на несправедливый и/или неискренний характер устройства общественно-экономической системы. Причем дефицит справедливости в обществе ощущается и ныне, хотя это современная проблема, характерная не только для нашей страны [5]. Нельзя забывать в рассматриваемом контексте и длительные циклы существования и последующего забвения незыблемых в каждый отдельно взятый исторический период ценностей общества, однако быстро сметенных за исторический горизонт в ходе очередного общественного катаклизма, что влекло за собой неизбежную трансформацию правовой системы. Необходимо добавить к этим плюсам и минусам отечественного бытия еще и незыблемую веру наших соотечественников в патернализм государства. Понятно, что можно дойти до абсурда и рассматривать государственный патернализм только как эффективное средство подавления творческой инициативы и деловой активности. В действительности, сопутствующий ему эгоизм, как, впрочем, и альтруизм, относится к числу неотъемлемых черт любого человека. В интересах же общества, чтобы эгоистические и потребительские устремления индивида, соотносясь с изживенческим стилем жизни, не выходили за рамки рационального мышления, основывающегося, в частности, на принципах адекватности и разумной достаточности. Сами по себе действия должностных лиц органов власти, направленные на принятие осмысленных и сбалансированных решений в пользу других людей, которые в свою очередь в результате этого в некоторой степени утрачивают способность брать на себя ответственность за свою жизнь, не есть абсолютное зло, особенно когда такие решения имеют особый профессиональный характер. В целом, можно констатировать, что в нынешний период очевидный и примитивный уход государства от выполнения сплачивающей функции и ценностный конфликт с большинством населения, разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику». Это – фундаментальная угроза для России [6].

В связи отмеченным выше, представляет интерес комплексный подход к планированию новых, нацеленных на конкретный результат видов деятельности, проектов и инвестиционных объектов, а так же управления ими с помощью экономико-финансовых, организационных и правовых средств и методов. При этом в понятие результат все в большей мере включаются человеческий фактор, творческие способности, развитое мышление, развитие организации, самоуправление, укрепление межличностных контактов, и, что особенно важно, не игнорируются вопросы получения социального результата запланированной деятельности. Эта концепция управления (часто условно называемая финской) предусматривает создание условий для свободного развития «человеческого капитала», повышение уровня организации социальной системы, качества жизни и стимулирования труда не распоряжениями и инструкциями, а трудом как таковым, его творческим содержанием, материальными и моральными средствами. Причем камертоном для настройки такой системы являются общечеловеческие ценности, в определенной мере сглаживающие противоречия, свойственные направленной на получение прибыли экономической деятельности.

4. Понятно, что просто констатация наличия проблемы дефицита правового регулирования производственных правоотношений как одного из проявлений правового нигилизма, сама по себе не может способствовать её разрешению. В данном контексте следует особое внимание уделить таким видам общей культуры как технологическая, правовая культура и т.п. В связи с тем, что их связанные непосредственно с человеком составляющие непосредственно влияют на процесс производства жизненных благ, материальных и нематериальных ценностей, то вне их и без них правовой нигилизм не может быть сведен до минимально тер-

пимого обществом уровня. Наиболее же значимым компонентом общей культуры является технологическая культура или инженерия, которая в отличие от творчества, искусства, представляет собою прагматический аспект культуры. В свою очередь образование – это практически единственный и естественный способ постижения ценностей культуры. Уровень образования, в том числе целенаправленного, опыт и индивидуальные способности человека, степень мотивированного стремления к постоянному самообразованию и самосовершенствованию, определяют его «профессиональную компетентность», которая является основой его «человеческого капитала». В иерархии данных понятий высшую ступень занимает «менталитет», ибо он, как отражение преобладающих у россиян установок, стереотипов и шаблонов мышления, проявляемых в сознании и в практической деятельности людей, и есть квинтэссенция культуры и финальная цель образования, а также и часть правосознания [7]. Связь же правовой ментальной сущности, влияющей на правосознание, а значит и способной воздействовать на правовой нигилизм в нужном для общества направлении, полагаем, не нуждается в дополнительном обосновании.

5. В этой связи отметим, что авторы одного из исследований Департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» констатируют, что менталитет старшего поколения россиян во многом сформировался на основе лагерной заповеди «Не верь, не бойся, не проси». А болезненный опыт, связанный с отечественной историей XX века передавался и детям, родители которых учили их не слишком доверять государству. Однако ныне современные матери дают детям более оптимистичные напутствия, чем в свое время их собственные родители. Примечательно и то, что ответы респондентов существенно различаются в номинации «верность принципам и честность». В предписаниях, полученных от предков, их почти нет. Зато в ответах среднего поколения они выражены отчетливо [8].

Библиографические ссылки

1. Основы технологической культуры. URL: <http://otk.wmsite.ru/lekciya-2/vopros-1/>.
2. Байбанов Р.Х. Влияние человеческого капитала в создании устойчивой конкурентноспособной позиции предприятия. URL: http://mospolytech.ru/science/aai77/scientific/article/s11/s11_03.pdf
3. Национальный менталитет и его влияние на поведение работника. URL: <http://works.doklad.ru/view/QGfovRC979s/3.html>.
4. Организационная культура и стратегическая устойчивость бизнеса: пути капитализации «человеческого потенциала». URL: <http://www.classs.ru/stati/uchet/kultura/>.
5. Стиглиц Дж. Нынешняя молодежь чувствует дефицит справедливости, и у неё есть право на гнев. URL: <http://www.dialog.tj/news/nyneshnyaya-molodezh-chuvstvuet-defitsit-spravedlivosti-i-u-nejo-est-pravo-na-gnev-dzh-stiglits-laureat-nobelevskoj-premii-poekonomike>.
6. Кара-Мурза С. Государственный патернализм – цивилизационное измерение. URL: <http://polinka.gorod.tomsk.ru/index-1290586614.php>.
7. Рыбаков В.А. Правосознание и правовой менталитет // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 6-11.
8. Ментальность выживальщиков. URL: <https://iq.hse.ru/news/214598976.html>.

References

1. Osnovy tekhnologicheskoy kul'tury (Fundamentals of technological culture). URL: <http://otk.wmsite.ru/lekciya-2/vopros-1/>.
2. Bajbanov R.H. Vliyanie chelovecheskogo kapitala v sozdanii ustojchivoj konkurentnosposobnoj pozicii predpriyatiya (Influence of human capital in creating sustainable competitive position of the company). URL: http://mospolytech.ru/science/aai77/scientific/article/s11/s11_03.pdf

3. Nacional'nyj mentalitet i ego vliyanie na povedenie rabotnika (National mentality and its influence on employee behavior). URL: <http://works.doklad.ru/view/QGfovRC979s/3.html>.
4. Organizacionnaya kul'tura i strategicheskaya ustojchivost' biznesa: puti kapitalizacii «chelovecheskogo potentsiala» (Organizational culture and strategic stability of business: ways of capitalization of "human potential"). URL: <http://www.classs.ru/stati/uchet/kultura/>.
5. Stiglitz J. Nyneshnjaja molodezh' chuvstvuet deficit spravedlivosti, i u nejo est' pravo na gnev. (Today's young people feel a lack of justice and they have their right to anger). URL: <http://www.dialog.tj/news/nyneshnyaya-molodezh-chuvstvuet-defitsit-spravedlivosti-i-u-nejo-est-pravo-na-gnev-dzh-stiglits-laureat-nobelevskoj-premii-po-ekonomike>.
6. Kara-Murza S. Gosudarstvennyj paternalizm – civilizacionnoe izmerenie (State paternalism-the civilizational dimension). URL: <http://polinka.gorod.tomsk.ru/index-1290586614.php>.
7. Rybakov V.A. Pravosoznanie i pravovoj mentalitet (Legal conscience and legal mentality), *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2017, No. 3 (52), pp. 6-11.
8. Mental'nost' vyzhival'shchikov (The mentality of survivalists). URL: <https://iq.hse.ru/news/214598976.html>.

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК 340

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.:
ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

**THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF
THE DEVELOPMENT OF POLITICAL
AND LEGAL THOUGHT AT THE TURN
OF THE XVIII–XIX CENTURIES: THE
PRECONDITIONS FOR THE
DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY
OF RIGHT OF G.W.F. HEGEL**

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович

*юрист по корпоративному праву компании
Eurasian Resources Group (Люксембург),
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

ISMAGILOV Igor Rashidovich

*Corporate Lawyer of Eurasian Resources
Group (Luxembourg), Saint Petersburg, Russia.
E-mail: ismagilovir @ gmail.com*

К началу XIX в. стало очевидным, что эмпирический метод, легший в основу теории общественного договора, не в состоянии раскрыть самой сущности права и определить тенденции его развития на новом витке общественного прогресса. В свою очередь, рационалистическая методологии новоевропейской редакции теории естественного права не могла дать никакой альтернативы эмпиризму, кроме рассудочного дедуцирования общих положений политико-правовой науки из «врожденных идей разума», которые к концу XVIII в. представлялись чем-то произвольным и совершенно архаичным.

By the beginning of the XIX century, it became evident that the empirical method, which had formed the basis of the theory of social contract, was not able to disclose the very essence of right and determine the trends of its development on a new round of social progress. In its turn, the rationalistic methodology of the new European edition of the theory of natural law could not provide any alternative to empiricism, except rational deducing general provisions of political and legal science from "innate ideas of mind", which by the end of the 18th century seemed to be something arbitrary and completely archaic.

Ключевые слова: право, закон, государство, **Key words:** right, law, state, Spinoza, Kant, Спиноза, Кант, Гегель.

Политико-правовая концепция Г.В.Ф. Гегеля складывалась под непосредственным влиянием творчества его предшественников в немецкой классической философии: И. Канта и И.Г. Фихте [1; 22], идей французского и немецкого Просвещения XVIII в., особенно Ш.-Л. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо [5, с. 17-18], в несколько меньшей степени – И.Г. Гердера, а также под прямым влиянием античного наследия, прежде всего, конечно, Платона и Аристотеля [3; 7; 20]. Труды Т. Гоббса и Дж. Локка [9, с. 36-50], продолжавшие оставаться востребованными и во времена Гегеля, были объектом постоянной критики немецкого классика, порвавшего с традициями. Учение Платона и Аристотеля о всеобщем начале законов и принципов справедливости стало теоретической основой для развития представлений о естественном праве. Именно теория естественного права стала основной парадигмой правовой мысли вплоть до эпохи Нового времени [19, с. 40-41]. Теория естественного права получает свое классическое оформление в работах Фомы Аквинского. Фома Аквинский трактовал естественное право как особого рода субстанцию. Таким образом, можно говорить об окончательном оформлении субстанционалистской модели естественного права как основной исторической парадигмы правовой мысли: «У Аквината естественное право мыслится только в единстве с познающим разумом, с субъектом. Но это единство (в отличие от позднейшей, кантовской) трактовки не касается самой сущности естественного права, которое, таким образом, понимается как всего лишь некоторая вечная субстанция» [19, с. 42].

Гегелю было близко установленное Фомой обязательное соотношение естественного права с разумом, что предвосхищало будущий рефлексивный подход, ставший основной доминантой методологии классического немецкого идеализма. Вместе с тем чисто объективный субстанционализм теории естественного права в его томистской редакции не устраивал философа, учившего, что всеобщее нужно понимать не только как субстанцию, но и как субъект [4, с. 431]. Для Гегеля ограниченность теории естественного права состояла именно в том, что тема субъекта не играла в ней достаточно значимой роли. Однако чтобы достичь уровня диалектики субъекта и объекта в праве, юридическая мысль должна была пройти путь, намеченный философией Нового времени (XVII – XVIII вв.), которая, начиная с Р. Декарта и Дж. Локка, делает проблему отношения субъекта и объекта центральной проблемой познания [17].

Ориентируясь, соответственно, на эмпирическую или рационалистическую методологическую модель соотношения субъекта и объекта познания, правовая теория в эпоху Нового времени также развивалась как рационалистическая или эмпирическая теория. Последняя была представлена концепцией общественного договора, выводившей основы государства, права и морали из эмпирически фиксируемых фактов общественного состояния человека. В рамках общественного договора, согласно Т. Гоббсу, права каждого отчуждаются в пользу общего суверена – государства, а также устанавливается система первоначальных естественных законов, объединяющих в себе начала как права, так и нравственности [8]. Гегель последовательно критиковал доминировавшую в его время теорию общественного договора за ее эмпирические предпосылки [23, с. 75-78]. Он считал, что такого рода трактовка не может быть ни чисто теоретической моделью, поскольку не раскрывает сущностных характеристик права и государства, и не может претендовать на историческую адекватность [24, с. 257]. Выдвинутое эмпиризмом в качестве предпосылки правового состояния «естественное состояние» человека и общества является, по мысли Гегеля, не более чем теоретической фикцией [23, с. 72-75]. В противоположность установкам эмпиризма, рационалистическая линия в праве формировалась на основе понимания естественного права как «врожденной идеи разума». Такого рода идею нельзя ни эмпирически обнаружить в чувственном мире, ни произвольно обосновать. Она обладает авторитетом божественной мудрости, будучи чисто рациональной и, по сути своей, секулярной мыслью.

Первый образец рационалистического мышления в праве был представлен в труде Гуго Гроция «О праве войны и мира». Гроций вводит различие права естественного и права волеустановленного [14; 21]. Из числа мыслителей рационалистического направления очень значительное влияние на формирование политико-правовой концепции Гегеля оказал Б. Спиноза. Это влияние специально исследуется в монографии Б. Гюнгерена «Значение Спинозы для Гегеля – Чтения по его теории государства и права» [23]. В ней подчеркивается исключительное значение, которое имеет понятие природы человека в учении о государстве того и другого мыслителя. Для Спинозы определяющим началом практической деятельности человека в политико-правовой сфере является его «непосредственный порыв». Для Гегеля – понятие свободной воли. Важно, что Гегель не просто критикует Спинозу за его «субстанционализм», но то, что он раскрывает заключающийся в этом субстанционализме потенциал субъективности, которую голландский мыслитель стремился реализовать также и в учении о праве и государстве. Центральное значение в учении Спинозы о субстанции как основе единства свободы и необходимости имело для Гегеля понимание субстанции как «причины самой себя», *causa sui*. Если бы автор «Этики» раскрыл содержание этого понятия, он пришел бы к конкретной диалектике свободы и необходимости. Но для этого требовалось то движение мысли, второе придал ей трансцендентализм философии права Канта. В любом случае, был важен и продуктивен потенциал, заключающийся в том векторе развития политико-правовой мысли, который был задан ей Спинозой.

В конце XVII в. одним из наиболее известных теоретиков права рационалистического направления считался немецкий юрист Самуэль Пуфендорф. Из учения Гроция Пуфендорф берет понимание естественного закона как проявления воли Бога, вложившего в человека стремление к общению [15; 16]. Окончательное оформление рационалистической модели естественного права получает в идеях Г.В. Лейбница и в трудах систематизатора его учения Х. Вольфа. Вольфианская метафизика покоилась на некритическом оперировании понятиями как внутренними характеристиками самих по себе вещей. Ей было присуще отрицание идеи развития права, поскольку все законы можно было дедуцировать из неизменной же природы человеческого разума. Рационалистическая методология XVII–XVIII вв. была направлена на анализ общих понятий, которые при этом воспринимались некритически, когда с определениями мышления, по выражению Фихте, обращались как с определениями вещей самих по себе. В итоге науки, ориентированные на рационалистические парадигмы (как науки о природе, так и науки об обществе), все более углублялись в утонченные дифференциации понятий и их классификацию и все более отрывались от реальных проблем опыта. В свою очередь ученые-эмпирики, вслед за Гоббсом и Локком, все более отказывались от каких-либо масштабных обобщений и все более углублялись в чисто внешнее описание и классификацию явлений природы и общественной жизни. Правовая действительность в таком случае оставалась без надлежащего теоретического обоснования, а потому выводы правоведов-эмпириков производили впечатление произвольных суждений. Преодолевая ограниченность как рационализма, так и эмпиризма, «классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы» [18, с. 171].

Новая социальная реальность, заявившая о себе в практике Великой французской революции, в идеях гуманизма, просвещения, республиканизма и прав человека, положенных в основу эпохальных правовых документов (американской Декларации прав человека 1776 г. и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.), требовала своего осмысления на принципиально новой теоретической и методологической базе. Ее основой стало трансцендентальное истолкование сущности свободы как основы права, осуществленное Кантом и переосмысленное Гегелем в соответствии с принципами системности и историзма.

Библиографические ссылки

1. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Клименко О.А. Государственный суверенитет как конституционная ценность (сравнительный анализ трактовки понятия суверенитета Кантом и Гегелем) // Ученые записки юридического факультета. 2017. № 44-45 (54-55).
2. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Лежнева О.Ю. Понятие суда как элемента гражданского общества и государства в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4 (50). С. 121-126.
3. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 201-208.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 1959.
5. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева ; под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 176-184.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 38-44.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155-164.
11. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 138-144.
12. История философии права : монография / А.П. Альбов, В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, А.И. Пешков, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Н.Н. Сотникова, Л.А. Чеговадзе; отв. редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
13. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 17-23.
14. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 120-122.
15. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 36(46). С. 111-114.
16. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социальности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. 2015. № 4 (90). С. 42-47.

17. Лежнева О.Ю., Пономарев А.А., Пылева О.В. Учение И. Канта о конституционных правах и свободах личности и традиция Просвещения // Ученые записки юридического факультета. 2017. № 44-45 (54-55).
18. Масленников Д.В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 167-172.
19. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // Юридическая мысль. 2016. № 42. С. 40-46.
20. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 97-108.
21. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. 2014. № 10. С. 11-19.
22. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 173-179.
23. Gungoren B. Die Bedeutung von Hegels Spinoza – Lektüre für seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin: Logos Verlag, 2011.
24. Przylebski A. Hegel und die Idee des internationalen Rechts // Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates. Herausgegeben von Wischke M., Przylebski. Würzburg: Königshausen-Neumann, 2010.

References

- Abubakarov A.A., Ismagilov I.R., Klimenko O.A. Gosudarstvennyi suverenitet kak konstitutsionnaya tsennost' (sravnitel'nyi analiz traktovki ponyatiya suvereniteta Kantom i Gegelem) (State sovereignty as a constitutional value (a comparative analysis of the interpretation of the concept of sovereignty by Kant and Hegel)), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2017, No. 44-45 (54-55).
2. Abubakarov A.A., Ismagilov I.R., Lezhneva O.Yu. Ponyatie suda kak elementa grazhdan-skogo obshchestva i gosudarstva v «Filosofii prava» G.V.F. Gegelya (The concept of the court as an element of civil society and state in the "Philosophy of Law" of G.W.F. Hegel), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 4 (50), pp. 121-126.
3. Verkhovodov E.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. «Estestvennoe pravo» i «dobrodetel'» v trudakh Aristotelya ("Natural Law" and "Virtue" in Aristotle's Works), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No 8, pp. 201-208.
4. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha (Phenomenology of the spirit). M., 1959.
5. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava: nauchnoe izdanie (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law: a scientific publication). R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
6. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Konvergentsiya v filosofii i bogoslovii v tvorchestve Fomy Akvinskogo kak obespechenie ustoichivosti kontseptsii estestvennogo prava (Convergence in philosophy and theology in the work of Thomas Aquinas as ensuring the sustainability of the concept of natural law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 10, pp. 176-184.
7. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Platon, Aristotel', Foma Akvinskii i ideya spravedlivosti v estestvenno-pravovoi traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural-legal tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No 9, pp. 19-26.
8. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Poisk empiricheskikh osnovanii spravedlivosti i prava v tvorchestve Tomasa Gobbssa, Dzhona Lokka, Sharlya Montesk'e i Zhana-Zhaka Russo (The search for empirical grounds for justice and law in the works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 38-44.

9. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the twentieth and twenty-first centuries)), monografiya. SPb., Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
10. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Filosofiya I. Kanta i G.V.F. Gegelya: refleksiya nachal spravedlivosti i prava (Philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: reflection on the origin of justice and law), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 155-164.
11. Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Gegel' o suverenitete kak konstitutsionnoi tsennosti (Hegel on sovereignty as a constitutional value), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po konstitutsionnomu pravu, SPb., 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. SPb., Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2017, pp. 138-144.
12. Istoriya filosofii prava (History of Philosophy of Law), monografiya. A.P. Al'bov, V.M. Baranov, Z.Sh. Idrisov, D.V. Maslennikov, A.I. Peshkov, M.B. Revnova, V.P. Sal'nikov, M.V. Sal'nikov, N.N. Sotnikova, L.A. Chegovadze, otv. redaktyor: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskii institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskii un-t MVD Rossii, 1998.
13. Kalinina E.V., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V. Spetsifika gosudarstvennoi kontseptsii Fomy Akvinskogo (Specificity of the state concept of Thomas Aquinas), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 4, pp. 17-23.
14. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P. Idei estestvennogo prava v trudakh Gugo Grotsiya (Ideas of natural law in the works of Hugo Grotius), *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, No. 12 (79), pp. 120-122.
15. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Osobennosti metodologii nauchnogo tvorchestva Samuelya Pufendorfa (Peculiarities of Samuel Pufendorf's methodology of scientific creativity), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 36 (46), pp. 111-114.
16. Kurzenin E.B., Sal'nikov V.P., Fomichev M.N. Printsip «sotsiabil'nosti» v tvorchestve Samuila Pufendorfa (The principle of "sociability" in the work of Samuel Pufendorf), *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 4 (90), pp. 42-47.
17. Lezhneva O.Yu., Ponomarev A.A., Pyleva O.V. Uchenie I. Kanta o konstitutsionnykh pravakh i svobodakh lichnosti i traditsiya Prosveshcheniya (Teaching of I. Kant on constitutional rights and freedoms of the individual and the tradition of the Enlightenment), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2017, No. 44-45 (54-55).
18. Maslennikov D.V. Bogochelovek i ideya prava (God-man and the idea of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 167-172.
19. Maslennikov D.V., Ponomarev A.V. Kantovskaya filosofiya prava v sisteme paradigm pravovoi mysli (Kant's philosophy of law in the system of paradigms of legal thought), *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 42, pp. 40-46.
20. Musaev M.A. Epokha antichnosti i nachalo stanovleniya idei o pravakh cheloveka: rol' pravovogo gumanizma (The epoch of antiquity and the beginning of the formation of the idea of human rights: the role of legal humanism), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 10, pp. 97-108.
21. Sal'nikov V.P., Kurzenin E.B., Sal'nikov M.V. Razvitie politiko-pravovoi mysli ot Gugo Grotsiya k predstavatelyam germanskoi gosudarstvenno-pravovoi nauki (Development of political and legal thought from Hugo Grotius to the representatives of the German state law science), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2014, No. 10, pp. 11-19.
22. Sal'nikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tret'yakov I.L. Zhan-Zhak Russo i Dzhon Lokk: nekotorye idei o suverenitete i estestvennom prave (Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some Ideas on Sovereignty and Natural Law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 173-179.

23. Gungoren B. Die Bedeutung von Hegels Spinoza – Lektüre für seine Staats- und Rechtstheorie. Berlin, Logos Verlag, 2011
24. Przylebski A. Hegel und die Idee des internationalen Rechts. *Recht ohne Gerechtigkeit? Hegel und die Grundlinien des Rechtsstaates*. Herausgegeben von Wischke M., Przylebski. Würzburg, Königshausen-Neumann, 2010.

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК 340

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ
«ДЕКРЕТА ГРАЦИАНА»**

КОНДРАТЬЕВА Анна Николаевна
преподаватель кафедры общеобразовательных и юридических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия. E-mail: annaalyakina@yandex.ru

**TO THE QUESTION OF THE ORIGIN
OF «DECRETUM GRATIANI»**

KONDRATEVA Anna Nikolaevna
Instructor of the Department of General Education and Legal Disciplines of the Mid-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia. E-mail: annaalyakina@yandex.ru

«Декрет Грациана», без преувеличения, является первым источником, который привел в соответствие и устранил противоречия между нормами средневекового канонического права Западной Европы. Особый интерес западных и российских специалистов к труду болонского монаха Грациана вызван рядом причин, к числу которых следует отнести: отсутствие единого взгляда на процесс создания данного «Декрета», рассуждения о его источниковой базе, а также споры о личности самого автора. В связи со сказанным, в рамках данной статьи автор рассматривает вопрос об истории создания «Декрета Грациана» с учетом последних достижений отечественных и западных специалистов по заявленной проблематике. Текст «Декрета» изменялся с течением времени, так как взгляды Грациана на право, тоже подвергались коррекции (отсюда и споры о точной дате создания источника и количестве его редакций). Начиная создавать «Декрет» как учебное пособие для личного использования, в дальнейшем он переработал его в полноценный учебник канонического права для священников и адвокатов, а затем и в сборник норм канонического права, подобных которому в Европе на тот момент не существовало.

The «Decretum Gratiani» is, without exaggeration, the first source that brought into compliance and resolved the contradictions between the norms of medieval Canon law in Western Europe. Western and Russian experts' particular interest to the work of Bologna monk Gratiani is caused by several reasons, among which: the lack of common view on the process of creating this «Decretum», reasoning on its source base, as well as disputes over the author's personality. In connection with the above, the author of the article considers the question of the origin of «Decretum Gratiani» taking into account the latest achievements of Russian and Western specialists on the stated issue. Based on the research findings, the author comes to the conclusion that the text of the «Decretum Gratiani» changed over time, as views of Gratiani on law were also modified (hence the disputes over the exact date of the creation of the source and its revisions). Starting to create the «Decretum Gratiani» as a tutorial for his personal use, later he reworked it into a full-fledged tutorial of Canon law for priests and lawyers, and then into a collection of norms of Canon law, the likes of which did not exist in Europe at that time.

Ключевые слова: средневековые, каноническое право Западной Европы, «Декрет» Иоанна Грациана, римское право, Феодор Вальсамон.

Key words: middle ages, Canon law in Western Europe, «Decretum Gratiani», Roman law, Theodore Balsamon.

Труд болонского монаха Иоанна Грациана «*Concordantia discordantium canonum*» («Согласование несогласованных канонов») или «Декрет Грациана», как он более известен в отечественной науке, является важнейшим памятником средневекового канонического права Западной Европы. Ценность данного источника заключалась не только в том, что он регулировал различные сферы жизнедеятельности средневекового общества, но и в том, что Грациан стал первым канонистом, который отказался от рассмотрения теологических вопросов и сосредоточил свое внимание только на правовых аспектах церковной жизни. Наряду с этим «Декрет Грациана» внес большой вклад в процесс рецепции римского права, задав направление развития канонической юриспруденции и обусловив её легалистический характер, что в свою очередь способствовало формированию *ius commune* (общего права). Собственно, именно по этим причинам Грациана вполне обоснованно называют «Отцом канонического права» [19]. «Декрет Грациана», цель которого сводилась к устранению противоречий в каноническом праве, на сегодняшний день активно обсуждается как западными [12; 17; 19 и др.], так и отечественными учеными [1; 2; 3]. Интересен тот факт, что на данный момент, отсутствует единый взгляд на историю создания данного источника, вызывает сомнение авторство, а также подлинность дошедшей до нас редакции рукописи. Получается, что мы имеем дело со своеобразным историческим парадоксом: документ, который устранял противоречия в праве, сам по себе стал причиной возникновения разногласий в историко-правовой науке.

Учитывая возрастающий интерес научного сообщества к западной правовой традиции [9; 4; 5; 6; 7; 8; 10], в рамках данной статьи автору хотелось бы акцентировать внимание на трех важных моментах, связанных с процессом создания исследуемого источника, которые позволят по-новому взглянуть на его роль и значение в процессе развития светского и церковного права Западной Европы.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на существующие версии об авторстве и этапах создания «Декрета». Впервые российские специалисты открыли для себя труд Грациана с абсолютно новой стороны благодаря исследованиям известного американского юриста Гарольда Бермана (профессора Школы права Гарвардского университета). Еще в 1983 году он высказал предположение о том, что «Декрет Грациана» является неким составным явлением и работал над ним, по всей вероятности, не только болонский монах Грациан. Наряду с этим, Берман, изучив несколько вариантов рукописей «Декрета», рассмотрел все возможные способы, при помощи которых Грациан адаптировал в текст «Декрета» древние источники и рассуждения о законе [21, р. 221]. Благодаря скрупулезным исследованиям западных медиевистов, сегодня мы знаем намного больше о величайшем труде болонского монаха, чем 20 лет назад. В частности, уже не опровергается тот факт, что «Декрет» создавался в несколько этапов [11; 12; 18]. Все чаще учеными признается, что это была компиляция, которая развивалась с течением времени и продолжалась даже после смерти самого Грациана. Создание первого извода «Декрета» (иногда его еще называют «Вульгатой» или «Gratain 1») связывают с началом преподавательской карьеры Грациана, так как самый ранний вариант рукописи был обнаружен в Библиотеке Монастыря Святого Галла.

В первой оригинальной рукописи было рассмотрено восемь дел, которые касались наиболее важных вопросов, а именно: судебная процедура, обоснованность пострига и законность брака. С ответами на эти вопросы переплетались и другие не менее важные моменты, такие как: могут ли женщины давать показания в суде, может ли монах оставить завещание и что представляют собой кровосмесительные отношения? Анализ текстов рукописей «Gratain 1» свидетельствует о продолжении эволюции произведения от простого текста, который был под-

готовлен для ведения преподавательской деятельности (напомним, что изначально Грациан планировал свой труд в качестве учебника канонического права), до полноценного источника права Римской католической церкви. По всей видимости, текст «Декрета» постоянно претерпевал определенные изменения, о чем свидетельствуют обнаруженные специалистами подчистки и поправки к тексту канонов в «Gratain 1». В качестве подтверждения можно привести и то, что в рукописях более позднего периода появляются различные варианты или альтернативное размещение того или иного канона. Поля рукописей «Gratian 1» и выводы, найденные в конце первого извода, аналогичным образом свидетельствуют о продолжающейся эволюции от «Gratian 1» до «Gratian 2». Эволюция текста источника будет продолжаться и без Грациана, так как правоведы-декретисты продолжали добавлять тексты во второй извод.

Что касается вопроса о времени создания «Декрета», то Паоло Нарди нашел решение Сиенского суда от 1150 года, которое однозначно доказывает, что Декрет во втором изводе (редакции), был известен к тому времени [16]. Основываясь на том, что второй извод содержит многочисленные каноны со Второго Латеранского собора 1139 года, мы можем быть уверены, что он был создан в 1140-х годах. Если затрагивать вопрос о дате первого извода (редакции), то она более спорная. Она содержит одну, очень краткую ссылку на решение Второго Латеранского собора 1139 года (D. 63 d.p.c. 34). С другой стороны, текст не содержит материалов, датированных позже 1119 года. Это оставляет достаточно большой простор для различных толкований. Жан Верк-Майстер (Jean Werckmeister) и Кен Пеннингтон (Ken Pennington) убеждены что, например, первый извод был написан около 1120-х годов и позже интерполирован с единственной ссылкой на Латеранский собор. Профессора Рудольф Вейганд, Карлос Ларрайнар и Андрес Винрот считают, что опасно строить гипотезу об интерполяции, и настаивают на том, что текст, который сохранился в рукописях, не мог быть закончен до 1139 года. Однако, ученые готовы признать, что Грациан мог начать работать над Декретом даже задолго до 1139 года [13; 23; 25]. Таким образом, у обеих сторон в этой дискуссии есть весомые аргументы, и лишь новым доказательствам, видимо, под силу найти выход из тупика.

Если говорить о личности самого автора «Декрета», то этот вопрос беспокоил и по-прежнему беспокоит многих медиевистов. «Кто такой Грациан и кем он являлся?», – спросил Джон Т. Нунан в начале своего классического очерка о биографии Отца канонического права [17]. Далее в своем исследовании Джон отмечает, что Грациан: во-первых, был автором «Concordantia discordantium canonum» («Согласования несогласованных канонов»); во-вторых, был учителем в Болонье; и в-третьих, возможно он даже был монахом из числа камедулов.

Однако чем глубже Нунан прорабатывает данный вопрос, тем больше он начинает сомневаться: а был ли Грациан тем, за кого его принято выдавать уже много лет? То, что он был мертв к 1159 году, считается достоверным фактом, который позволяет усомниться в том, что Грациан был монахом. Джон Т. Нунан-младший считает, что есть только одна достоверная ссылка на Грациана, который мог быть составителем Декрета. В 1143 году папский легат, кардинал Goizo, проконсультировал трех специалистов, которых он назвал поименно: магистр Грациан, магистр Волфред и магистр Мойзис. Последние два были идентифицированы как болонские юристы. Исходя из этого, Грациан с позиции Нунана, скорее не был монахом, а просто был магистром в Болонье. С другой стороны, из-за случаев, описанных в Декрете (а именно Causae 16–20), которые были посвящены вопросам духовенства, профессора Ландау и Куттнер остались тверды в вере, что Грациан был монахом и магистром [17]. А. Винрот также неоднократно указывал на то, что до того, как Грациан стал магистром, он занимался адвокатской практикой, учитывая то, каким образом он формулировал казусы и давал ответы на них в своем Декрете [25].

Во-вторых, интересен вопрос отношения Грациана к римскому праву. Анализ, как первого, так и второго изводов «Декрета» позволили установить, что Грациан использовал нормы римского права не непосредственно из свода Юстиниана (за исключением нескольких фрагментов, цитируемых в C. 15, d. 3), а цитировал их через варварские правды, в частности Вест-

готскую правду, Салическую правду и др. Так, к примеру, Декрет содержит ряд положений, которые вытекают из юстиниановского римского права, в частности, из Кодекса Феодосия. Эти законы использовались в канонических коллекциях раннего средневековья, которые легли в основу «Декрета». Однако, многое из того, что было выработано еще римским правом, Грациан приписывал другим авторам. Так, в С. 2, d. 3 например, фигурируют выводы из Кодекса Феодосия и Вестготской Правды, а в работе Грациан приводит их под авторством ранних римских пап [24]. Также, Грациан включил в свою работу несколько отрывков из книги по праву Юстиниана, что он нашел в одном из ранних канонических источников. Дело в том, что с конца XI века, несколько сборников канонического права содержали отрывки из Свода Юстиниана, и эти отрывки были доступны. Отсюда возникает казус: если на момент создания первого извода своего Декрета Грациан уже обладал определенными знаниями о римском праве, тогда почему он не использует книги Юстиниана напрямую? Это связано с нежеланием или неспособностью Грациана? Это загадка и на сегодняшний день остается неразгаданной.

В научном сообществе существует множество разных теорий относительно отношения Грациана к римскому праву. Так, профессор Ветулани (Vetulani) предположил, что Грациан был сторонником Папы Пасхалия II и придерживался его позиции относительно воздержания от римского права, то есть права императора. В 1972 году, Стэнли Ходоров согласился с Ветулани, что Грациан был враждебен к римскому праву, но, предложил другой политический контекст для этой вражды [15]. Однако, ни Ветулани, ни Ходоров не пытались объяснить, по какой причине Грациан не цитировал напрямую римские законы. Тогда профессор А. Винрот, чтобы понять обозначенную проблему, начал изучать интеллектуальный климат, в котором жил и работал Грациан. Выводы ученого были неожиданными: многое из того, что обычно говорят о преподавании римского права в начале двенадцатого века, опирается на скудные доказательства. К примеру, практически нет трудов, которые однозначно можно было бы присвоить Ирнерию (умер после 1125 г.), несмотря на его репутацию как выдающегося преподавателя римского права. В свою очередь то, что было найдено – свидетельствует лишь о зачаточном состоянии работ по изучению и преподаванию римского права в исследуемый период [24]. Исходя из детального анализа рукописей «Декрета», у некоторых медиевистов сложилось впечатление, что преподавание римского права в Западной Европе на тот момент развивалось гораздо медленнее, чем обычно думают.

Исходя из сказанного, возможно несколько объяснений того, почему Грациан отказался от прямого использования римских законов. Это могло быть: а) элементарно не владение римским правом на необходимом уровне; б) политические и/или духовные убеждения Грациана либо в) возможно он желал аргументировать свою позицию с опорой только на церковные источники права. На данном этапе, увы, мы можем лишь догадываться о причинах подобного отношения Грациана к римскому праву. Подробное изучение данного вопроса может вывести нас к конкретным умозаключениям, что вполне может стать объектом для отдельного самостоятельного исследования.

В-третьих, хотелось бы акцентировать внимание и на вопросе о методологии, которую использовал Грациан при составлении своего «Декрета». В современных источниках обычно этот вопрос не затрагивается, однако, выстраивание акта при помощи метода устранения противоречий не было свойственно не только западной канонистике, но и восточной. Так, у греческой церкви был свой «греческий Грациан» – Феодор Вальсамон (Teodore Balsamone) [18]. Комментарии патриарха Антиохии Феодора Вальсамона были построены по такому же принципу, как и у Грациана – путем применения метода устранения противоречий в нормах канонического права Восточной Церкви. Поручение составить толкования на весь «Номоканон в XIV титулах» Вальсамон получил еще до своего патриаршества от императора Мануила (т.е. до 1193 г.). Причиной указанного выше события стало несоответствие между законами Юстиниана, вошедшими в «Номоканон», и действовавшим тогда в Византии законодательством, основанном на «Василиках». В толкованиях на «Номоканон» Вальсамон должен был ответить на

вопрос о юридической силе законов, вошедших в «Номоканон», но не включенных в «Василики». И Вальсамон признал их утратившими силу. Поэтому в толкованиях он должен был точно отличать, какой из законов Юстиниана принят в «Василики», а какой не принят [3].

Вальсамон исходит в своих комментариях из принципа, согласно которому законы должны уступать канонам, так как последние имеют двойную санкцию: от церковных Соборов и от самих императоров, а первые – только от императоров. Он, безусловно, оправдывает все действия императоров в делах церковного управления. Авторитет Вальсамона был основан на его поразительной учености, превосходной осведомленности в церковном и светском праве, на редком искусстве в согласовании противоречивых правовых норм. Собственно, именно по этой причине западные специалисты и называют его «греческим Грацианом».

Различия между Вальсамоном и Грацианом заключались в том, что Грациан указывал на независимость Римской церкви от светской власти, устанавливая тем самым папский юрисдикционный примат. Вальсамон же, наоборот, указывал на то, что Император имел власть на установление, умаление и даже упразднение канонической нормы, но в тоже время отмечал, что Император должен с осторожностью использовать данное право и только в исключительных случаях. Труд Феодора Вальсамона неоднократно цитировался греческими канонистами и был одним из центральных источников в византийский канонический традиции. Сходство методов Грациана и Вальсамона лишь в очередной раз подтверждает то, что рецепция римского права была начата не королями или государями, а Римским Папой посредством его декретов и законов, первоначальной подготовки в XI в. профессиональных юристов в ранних европейских университетах Болоньи и Парижа. В свою очередь, именно от католических и греко-христианских теологов русская церковь и так называемая светская юриспруденция научились толковать духовные и производные от них юридические нормы, инкорпорировать и кодифицировать их.

Подводя итог данной статье, нам хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что ключевая особенность ранних коллекций норм канонического права заключалась в том, что они по своей сути «существовали в мире без юриспруденции» [22]. В зарубежных исследованиях неоднократно доказывалось, что до двенадцатого века в Европе не было правоведов, которые могли бы интерпретировать канонические тексты так, чтобы поместить одни каноны в контексте с другими или примирить противоречия, которые неизбежно возникали на протяжении веков. Трансформация канонического права, происходящая в Болонье в начале двенадцатого века, изменила это. Несмотря на то, что Римская католическая Церковь никогда официально не промульгировала «Декрет Грациана» [12], он сыграл важнейшую роль в процессе становления канонического права не только римской, но и греко-христианской церкви.

«Декрет Грациана» – это не просто источник, устранивший противоречия в средневековом западноевропейском каноническом праве. Это история целой эпохи, эпохи становления юриспруденции в Западной Европе. Главным, на наш взгляд, достижением Грациана являлось то, что он использовал каноны, найденные в различных канонических коллекциях не просто с целью составления очередного сборника, а с целью глубокого освоения теории и практики применения того или иного закона.

Грациан не составлял свой труд в один момент. «Декрет» был продуктом эволюции мысли канониста, который продолжал развиваться благодаря исправлениям известных декретистов даже после того, как уже был распространен и активно применялся Церковью. Однако, что касается даты создания как первого, так и второго изводов, то мы можем сказать, что ни одна из существующих ныне точек зрения не нашла достоверных доказательств.

Текст «Декрета» изменялся с течением времени по причине того, что взгляды Грациана на право постоянно развивались. Начиная создавать Декрет в качестве учебного пособия для личного использования, в дальнейшем он переработал его в полноценный учебник канонического права для священников и адвокатов, а затем и в сборник норм канонического права, подобных которому в Европе на тот момент не существовало.

Библиографические ссылки

1. Калинина Е.В., Каракулян Э.А., Романовская В.Б. Очерки истории религиозной и светской политико-правовой мысли / под общ. ред. Е.В. Калининой. М., 2017.
2. Марей А.В. К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII-XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96-102.
3. Протоиерей Цыпин В.А. Каноническое право. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
4. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 44-50.
5. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 11-22.
6. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 11-18.
7. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 58-68.
8. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173-179.
9. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 170-191.
10. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2004. № 4 (24). С. 29-31.
11. Eichbauer, Melodie H. From Gratian's Concordia discordantium canonum to Gratian's Decretum: The Evolution from Teaching Text to Comprehensive Code of Canon Law : a dissertation Doctor of Philosophy. Washington, 2010.
12. Landau, Peter. Gratian and the Decretum Gratiani. In: The History of Canon Law in the Classical Period, 1140-1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX, eds. Wilfried Hartmann and Kenneth Pennington (Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2008). Pp. 49-52.
13. Larrainzar, Carlos. La formacion del Decreto de Graciano por etapas, ZRG Kan. Abt. 87, 2001.
14. Medieval Church Law and the Origins of the Western Legal Tradition: A Tribute to Kenneth Pennington. Washington DC, 2006. Pp. 97-107.
15. Metz, René. A propos des travaux de M. Adam Vetulani, Revue de droit canonique. 1957. Pp. 62-85.
16. Nardi, Paolo. Fonti canoniche in una sentenza senese del 1150', ed. Peter Linehan, Life, Law and Letters: Historical Studies in Honour of Antonio García y García. Rome, 1998. Pp. 661-670.
17. Noonan, John T. Gratian Slept Here: The Changing Identity of the Father of the Systematic Study of Canon Law. Traditio 35, 1979.
18. Pennington, Kenneth. A Short History of Canon Law from Apostolic Times to 1917. Washington : The Catholic University of America, 2009. Pp. 129-156.
19. Pennington, Kenneth. The Biography of Gratian, the Father of Canon Law Villanova Law Review, 2014. Vol. 59, Iss. 4. Art. 5. Pp. 679-708.
20. Pennington, Kenneth. The Growth of Church Law. Cambridge University Press, 2007. Pp. 386-402.
21. Reid, Charles J. Tradition in Revolution: Harold J. Berman and the Historical Understanding of the Papacy // Rechtsgeschichte Legal History. 2013. № 21. Pp. 219-223.

22. Russell, Sara. Courtship, Violence, and the Formation of Marriage in the Early Modern Italian Novella Tradition : a dissertation Doctor of Philosophy University of California, Berkeley. Spring, 2010.
23. Weigand, Rudolf. Chancen und Probleme einer baldigen kritischen Edition der ersten Redaktion des Dekrets Gratians. BMCL 23, 1998. Pp. 66-69
24. Winroth, Anders. Roman Law in Gratian and the Panormia // Bishops, Texts and the Use of Canon Law around 1100. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 183-190.
25. Winroth, Anders. The Making of Gratian's Decretum / Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, 4th Series, 49. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

References

1. Kalinina Ye.V., Karakulyan E.A., Romanovskaya V.B. Ocherki istorii religioznoy i svetskoy politiko-pravovoy mysli (Essays on the history of religious and secular political and legal thought), pod obshchey red. Ye.V. Kalininoy. M., 2017.
2. Marey A.V. K osmysleniyu fenomena retseptsii rimskogo prava: formirovaniye ius commune v Zapadnoy Yevrope v XII-XIV vv (To the understanding of the phenomenon of reception of Roman law: the formation of the Ius commune in Western Europe in the 12th-14th centuries), *Gosudarstvo i pravo*. 2012. No. 5. pp. 96-102.
3. Protoiyerey Tsyprin V.A. Kanonicheskoye pravo (Canon law). M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2012.
4. Romanovskaya V.B., Sal'nikov V.P. Poisk natsional'noy idei v mnogopolyarnom mire (Search for a national idea in a multipolar world), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*. 2015. No. 7. pp. 44-50.
5. Sal'nikov V.P., Gruzdeva M.L. Preodoleniye Yevropy: filosofsko-pravovoye esse (Overcoming Europe: philosophical and legal essay), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 8. pp. 11-22.
6. Sal'nikov V.P., Zhdanov P.S., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B. Russkaya religioznaya filosofiya prava kak zashchita natsional'nykh tsennostey ot inokul'turnoy ekspansii (Russian religious philosophy of law as the protection of national values from foreign culture expansion), *Mir politiki i sotsiologii*. 2015. No. 7. pp. 11-18.
7. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Pochemu na Vostok: povорот Rossii v sovremennoy politiko-pravovom prostranstve (Why to the East: the turn of Russia in the modern political and legal space), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*. 2015. No. 9. pp. 58-68.
8. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Religioznyye i inyye dukhovnyye traditsii kak zashchita ot ugrozy degradatsii obshchestva (Religious and other spiritual traditions as protection from the threat of degradation of society), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2015. No. 7. pp. 173-179.
9. Sal'nikov M.V. Zapadnaya traditsiya prava: politiko-pravovyye tsennosti i ideally (Western tradition of law: political and legal values and ideals), *Mir politiki i sotsiologii*. 2013. No. 10. pp. 170-191.
10. Sal'nikov M.V., Velezhev S.I., Tishchenko A.G. Otechestvennaya i zapadnaya politiko-pravovyye traditsii: sravnitel'no-pravovoy aksiologicheskiy analiz (National and Western political and legal traditions: comparative legal axiological analysis), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii*. 2004. No. 4 (24). pp. 29-31.
11. Eichbauer, Melodie H. From Gratian's Concordia discordantium canonum to Gratian's Decretum: The Evolution from Teaching Text to Comprehensive Code of Canon Law : a dissertation Doctor of Philosophy. Washington, 2010.

12. Landau, Peter. Gratian and the Decretum Gratiani. In: The History of Canon Law in the Classical Period, 1140-1234: From Gratian to the Decretals of Pope Gregory IX, eds. Wilfried Hartmann and Kenneth Pennington (Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2008). Pp. 49-52.
13. Larraínzar, Carlos. La formación del Decreto de Graciano por etapas, ZRG Kan. Abt. 87, 2001.
14. Medieval Church Law and the Origins of the Western Legal Tradition: A Tribute to Kenneth Pennington. Washington DC, 2006. Pp. 97-107.
15. Metz, René. A propos des travaux de M. Adam Vetulani, Revue de droit canonique. 1957. Pp. 62-85.
16. Nardi, Paolo. Fonti canoniche in una sentenza senese del 1150', ed. Peter Linehan, Life, Law and Letters: Historical Studies in Honour of Antonio García y García. Rome, 1998. Pp. 661-670.
17. Noonan, John T. Gratian Slept Here: The Changing Identity of the Father of the Systematic Study of Canon Law. Traditio 35, 1979.
18. Pennington, Kenneth. A Short History of Canon Law from Apostolic Times to 1917. Washington : The Catholic University of America, 2009. Pp. 129-156.
19. Pennington, Kenneth. The Biography of Gratian, the Father of Canon Law Villanova Law Review, 2014. Vol. 59, Iss. 4. Art. 5. Pp. 679-708.
20. Pennington, Kenneth. The Growth of Church Law. Cambridge University Press, 2007. Pp. 386-402.
21. Reid, Charles J. Tradition in Revolution: Harold J. Berman and the Historical Understanding of the Papacy. *Rechtsgeschichte Legal History*. 2013. No. 21. Pp. 219-223.
22. Russell, Sara. Courtship, Violence, and the Formation of Marriage in the Early Modern Italian Novella Tradition : a dissertation Doctor of Philosophy University of California, Berkeley. Spring, 2010.
23. Weigand, Rudolf. Chancen und Probleme einer baldigen kritischen Edition der ersten Redaktion des Dekrets Gratians. BMCL 23, 1998. Pp. 66-69.
24. Winroth, Anders. Roman Law in Gratian and the Panormia. Bishops, Texts and the Use of Canon Law around 1100. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 183-190.
25. Winroth, Anders. The Making of Gratian's Decretum. Cambridge Studies in Medieval Life and Thought, 4th Series, 49. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Дата поступления: 17.11.2017

Received: 17.11.2017

УДК 340

**ИДЕИ ЕВРАЗИЙСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

КОНДРАТЬЕВА Анна Николаевна

преподаватель кафедры общеобразовательных и юридических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия. E-mail: annaalyakina@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович

доктор юридических наук, профессор, Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ЦЫГАНОВ Виктор Иванович

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: ziganovw@yandex.ru

В последнее время вопросы идеологических и концептуальных основ евразийства как самостоятельного политико-правового учения все чаще стали привлекать внимание ученых занимающихся проблемами истории правовых учений, политологии, философии, культурологии и социологии. При этом евразийское течение общественной мысли все активнее заявляет о себе не только в России, но и во многих республиках СНГ, что говорит о востребованности рациональных научных и идеологических идей евразийцев. Современная евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы идей, ценностей и нравственных ориентиров, способствующей консолидации общества и реализации общей стратегии развития, как для народов России, так и для постсоветских государств.

**IDEAS OF EURASIANISM IN THE
POLITICAL AND LEGAL REALITY
OF MODERN RUSSIA**

KONDRATEVA Anna Nikolaevna

Instructor of the Department of General Education and Legal Disciplines of the Mid-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia. E-mail: annaalyakina@yandex.ru

SALNIKOV Mikhail Viktorovich

Doctor of Law, Professor, President of the Foundation for the Support of Science and Education in Law Enforcement Activities "University", St. Petersburg, Russia. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

TSYGANOV Viktor Ivanovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod (National Research University), Nizhniy Novgorod, Russia. E-mail: ziganovw@yandex.ru

Recently, the questions of ideological and conceptual foundations of Eurasianism as a self-sustaining political and legal doctrine have increasingly attracted the attention of scholars dealing with the problems of history of legal doctrines, political science, philosophy, cultural studies and sociology. At the same time, the Eurasian trend of social thought is increasingly asserting itself not only in Russia, but also in many CIS republics and it shows the need for rational scientific and ideological ideas of Eurasianists. The modern Eurasian concept, created in view of new socio-historical, economic, political realities, can become the basis of a system of ideas, values and moral guidelines that contribute to the consolidation of society and the implementation of a common development strategy, both for the peoples of Russia and for the post-Soviet states.

Ключевые слова: евразийство; действующее российское законодательство; преемственность идей евразийства. **Key words:** Eurasianism; current Russian legislation; continuity of ideas of Eurasianism.

В современных исследованиях по истории правовых учений, политологии, философии, культурологии и социологии вопросы идеологических и концептуальных основ евразийства как самостоятельного политико-правового учения поднимаются все чаще, о чем свидетельствует значительное число работ по заявленной проблематике. Столь активный интерес к данному учению не случаен. Учитывая интенсивное развитие отечественной науки, а также изучение и анализ западных исследований, каждый раз мы открываем для себя что-то совершенное новое о евразийстве, либо начинаем смотреть на знакомые нам вещи с абсолютно другой стороны, что в очередной раз подчеркивает значимость и новизну подобного рода исследований [34]. Все новые факты мы открываем для себя и по вопросу о ключевых постулатах концепции евразийства, а также их влиянии на современное российское государство и общество. Говоря о формировании и переходе в практическую плоскость евразийской политической концепции, хотелось бы указать, что в последнее время евразийское течение общественной мысли все активнее заявляет о себе не только в России, но и во многих республиках СНГ, что говорит о востребованности рациональных научных и идеологических идей евразийцев [8; 10; 18]. В условиях нынешней политической реальности евразийство – это не просто учение, все чаще оно начинает рассматриваться специалистами как планетарный тренд, происходит переосмысление самого понятия, выстраиваются новые подходы к пониманию его эволюции [25]. Базовыми постулатами современной евразийской политической концепции чаще всего называют:

- плюрализм ценностных систем против общеобязательной доминанции какой-то одной идеологии;
- традиционализм против уничтожения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;
- государство-мир, государство-континент против как буржуазных национальных государств;
- права народов против всемогуществ «золотого миллиарда» и «богатого Севера»;
- этнос, прежде всего, как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;
- социальная справедливость и солидарность людей труда против эксплуатации и унижения человека человеком [19; 20].

Это далеко не полный перечень базовых идей, которые евразийцы отстаивают со времен создания своего идейного течения. Для того чтобы глубже понять логику евразийства и оценить возможность применения его идей в условиях современной российской реальности, еще раз кратко обратимся к основам евразийской концепции. Так, идея осмысления исторической практики великих евразийских держав красной нитью проходила и проходит через труды евразийцев. Это не случайно, ведь именно изучение прошлого страны, в том числе и постоянные акценты на былых достижениях государства являются важным политическим инструментом, позволяющим воспитывать в обществе патриотические настроения и формировать национальную идеологию. В государствах Содружества, и в России, в том числе эта идея евразийцев активно реализуется, в том числе и на уровне норм права, что свидетельствует и о высокой правовой культуре общества. Так, к примеру, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в своем Обращении к Ветеранам Великой отечественной войны и соотечественникам в связи с 70-й годовщиной Курской битвы и Прохоровского танкового сражения в первых же строках указывает на то, что «От способности братских народов Советского Союза, его армии и флота выдержать натиск фашистской военной машины зависело спасение мирового сообщества» [4]. Идея взаимодействия, призыв к осмыслению прошлого – это главный призыв российской власти к населению страны!

Нередко призывают к осмыслению своего прошлого и различные акты министерств и ведомств Российской Федерации. Так, Министерство образования России призывает к изучению и осмыслению истории российской государственной символики и считает эту деятельность важной составляющей в воспитании патриотизма и гражданственности детей и молодежи, сохранении преемственности поколений и укреплении социального единства общества. На наш взгляд, использование подобных призывов и в текстах нормативных актов, является демонстрацией преемственности идеи евразийства о необходимости постоянного и систематического осмысления прошлого евразийских держав. С таких же позиций следует подходить и к оценке соответствующих научных публикаций, скажем, о Великой Отечественной войне [26; 27; 30]. Теория «месторазвития», безусловно, тоже находит свою нишу в современно политико-правовом пространстве России. Именно «теория месторазвития» стала фундаментом для концепций «экономической безопасности» и «продовольственной безопасности» многих государств СНГ. Экономическую безопасность Российского государства евразийцы понимали сквозь призму налаживания экономических связей со своими соседями, а также через рациональное размещение производительных сил страны с учетом особенностей природно-климатических зон и расположения полезных ископаемых и энергетических ресурсов.

А теперь обратим внимание на Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, где на наш взгляд, четко прослеживаются евразийские идеи. Так, в соответствии с п. 6 Доктрины «Укрепление и развитие сотрудничества с международными и региональными организациями, налаживание механизмов межгосударственных диалогов и развитие отношений с ведущими государствами всех регионов мира по вопросам продовольственной безопасности в соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации отвечают национальным внешнеполитическим и экономическим интересам страны» [1].

Идея поликультурности, самобытности и «симфонической личности» также нашла отражение и активно используется в современной российской политико-правовой реальности. Евразийцы в своих трудах утверждали, что долг каждой национальной культуры – это самопознание, и уважение к своей самобытности, культурной традиции и своей истории. При этом они отмечали, что заимствование чужих технологий не так опасно, как заимствование чужой культуры, что в конечном итоге оборачивающееся деградацией. И на это делается упор и в современной России. Так, в основах законодательства Российской Федерации о культуре в преамбуле четко указывается, что основополагающую роль играет сохранение национальной самобытности народов и утверждение их достоинства [3]. А Указ Президента РФ гласит, что одной из важнейших задач государства является усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры [2]. По существу на данной основе базируется концепция синкретизма современной правовой культуры, разработанная доктором юридических наук Ф.Х. Галиевым [13; 14]. Евразийские концепции «государства Правды», «правообязанностей», «демотии» и «идеократии» также не остались без внимания российской политической элиты [21; 22]. Таким образом, сегодня евразийская идея продолжает дальнейшее развитие и находит отражение в действующих политических системах государств.

В сложившейся ситуации, желательный выход для России – принять обновленное «евразийство» в контексте интеграции и сотрудничества в составе СНГ. Особенно перспективен проект Евразийского Союза, выдвинутый Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г. и на данный момент успешно реализованный. Суть Евразийского Союза изначально заключалась и по-прежнему заключается в искренней заботе об интересах простых граждан Казахстана, России, Беларуси, а также других стран Евразийского пространства. Еще в 1998 г. Н.А. Назарбаев предложил программу «Десять простых шагов навстречу простым людям» и за эти годы практически все её положения реализованы [5]. Так, отношения Казахстана и России

всегда были и остаются образцовым примером партнерства. И на наш взгляд, являются самым ярким примером реализации идей евразийства. Сегодня практически нет такой сферы, в которой бы на доверительной основе не взаимодействовали Казахстан и Россия. Результаты этого взаимодействия впечатляют, и тут же хочется вспомнить высказывания неоевразийских геополитиков, которые придавали особую роль России-Евразии в мировой экономике, позиционируя ее не только как мост между Востоком и Западом, но и как третье звено мировой экономической системы: своим экономическим развитием Евразия должна связать напрямую Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский экономические регионы, тем самым, построив недостающее звено глобальной экономической системы [28]. Будущее России в значительной степени связано с ориентацией на Восток, об этом писали многие евразийцы XIX [24] и XX вв. [6; 12], в том числе Л.Н. Гумилев [15; 16], пишут и исследователи XXI в. [7; 9; 31; 32].

Продолжая разговор о реализации идей евразийства в современном политическом пространстве России, хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что евразийская доктрина в той или иной форме уже два десятилетия эксплуатируется многочисленными политиками и партиями, представляющими весь спектр политической жизни России. Это, прежде всего, левые партии и политики – КПРФ и Г.А. Зюганов, Г.Н. Селезнев и «Россия», НПСР, «Держава», А.И. Подберезкин, С.Г. Кара-Мурза. На определенном этапе евразийства придерживались Р. Хасбулатов, В. Зорькин, О. Лобов, О. Сосковец, «национал-большевики». В начале 90-х гг. XX в. можно также говорить и о направлении т.н. «демократического евразийства» в лице таких политиков, как А. Сахаров, Г. Попов, С. Станкевич, Л. Пономарев, Г. Шахназаров. Из правых евразийские идеи использовали В.В. Жириновский (ЛДПР), С. Бабурин, Б. Охотин, А. Проханов, В. Штепа. Отдельно хотелось бы выделить А.Г. Дугина и его эволюцию в 90-х гг. XX в. от правых ультранационалистов до создания новой центристской партии «Евразия», взявшей Евразийскую идею за основу своей политической программы. Активно прибегают к евразийской аргументации в своих программах и центристы-государственники – «Единая Россия», И. Иванов, С.Ю. Зорин, и, прежде всего, такие политики-прагматики, как президенты В.В. Путин и Н.А. Назарбаев.

Подводя итог, авторы хотели бы в очередной раз отметить, что, как и классики 1920-х гг., исследователи современного евразийства постоянно дополняют друг друга, позволяя взглянуть на ситуацию комплексно. На основе сравнительного анализа их взглядов можно сформулировать следующие актуальные аспекты евразийской идеи, применение которых сегодня в России имеет место быть и должно развиваться дальше:

- 1) Самоидентификация Евразии и построение взаимоотношений между Россией и странами СНГ на принципах цивилизационной общности, национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью [23; 33];
- 2) Противопоставление американскому глобальному мировому порядку – цивилизационного и геополитического полицентризма, поддерживающего через систему стратегических альянсов, экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира;
- 3) Воссоздание в евразийских государствах единого культурного, экономического и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии;
- 4) Признание самостоятельного и самобытного развития евразийских государств с целью сохранения и защиты национально-культурных традиций, ценностей и опыта [17];
- 5) Усиление взаимодействия светских и религиозных институтов с целью нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения, так как евразийцы всегда базировались на религиозных ценностях и видели в этом силу государства и спасение нации [11; 29];
- 6) Модернизация системы образования с целью ее интеграции в евразийское политико-правовое пространство. Именно образовательные структуры являются, по мнению евразийцев, проводниками идей и ценностей, способных создать основу для государственной идеологии.

Таким образом, евразийская идея сегодня – это цивилизационная концепция гигантского субконтинента Евразии. Она прошла путь от накопления частных идей евразийской направленности в исторической практике великих евразийских держав до осмысления и концептуального оформления целостной евразийской цивилизационной концепции в исторической и общественно-политической мысли. И можно согласиться с мнением сторонником евразийцев, что грамотно интерпретируемая современная евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы идей, ценностей и нравственных ориентиров, способствующей консолидации общества и реализации общей стратегии развития, как для народов России, так и для постсоветских государств в целом.

Библиографические ссылки

1. Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 3 февраля.
2. Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 28.11.2015) // Российская газета 1992. 17 ноября.
4. К ветеранам Великой Отечественной войны и соотечественникам в связи с 70-й годовщиной Курской битвы и Прохоровского танкового сражения: Обращение Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 26.06.2013 № 259-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3544.
5. Абильдинов А.А. Интеграционные процессы во взаимоотношениях России и Казахстана: историко-политологический анализ : дис. ... канд. политич. наук. М., 2014.
6. Алексеев Н.Н. Идея государства. 2-е изд. / отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. СПб. : Лань, 2001. (Мир культуры, истории, философии).
7. Аубакирова И.У. Государственное управление в контексте классического евразийского учения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11.
8. Аубакирова И.У. Государственное управление и этатистские парадигмы в аспекте политико-экономического развития общества // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 31-40.
9. Аубакирова И.У. Идеи классического евразийства в современных политико-правовых концепциях России и Казахстана // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 12.
10. Аубакирова И.У. Человек и государственное управление: некоторые теоретико-методологические подходы // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 70-80.
11. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. 2015. № 1. С. 180-197.
12. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. № 1. Париж, 1925; репринт. М., 1992.
13. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
14. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа : БашГУ, 2011.
15. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Мысль, 1989.
16. Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М. : Айрис-пресс, 2003.
17. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
18. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 25-34.

19. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
21. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 45-53.
22. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2015.
23. Кудратбекова Ш.М. Становление и развитие парламентаризма в республике Таджикистан // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12. С. 67-81.
24. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. В 2 т. М., 1885-1886.
25. Лушников О.В. Евразийская перспектива: современные проекты стратегического развития России // Вестник ЧелГУ. 2006. № 3. С. 6-23
26. Мухаммадиев И.С. Великая Отечественная война и прокуратура Таджикистана: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. 2016. № 6. С. 171-183.
27. Мухаммадиев И.С. Органы прокуратуры Таджикистана и начало Великой Отечественной войны: перестройка деятельности на военный лад // Мир политики и социологии. 2016. № 10. С. 54-63.
28. Односталко О.В. Евразийская идея Н.А. Назарбаева: от теории к практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). В 3 ч. Ч. I. С. 132-135.
29. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 41-53.
30. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 6-9.
31. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 58-68.
32. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 192-198.
33. Сальников С.П., Маджидзода Д.З., Кудратбекова Ш.М. Гражданское общество в Таджикистане: исторические особенности, проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. 2016. № 6. С. 94-101.
34. Сальников С.П., Романовская В.Б., Крымов А.В. Философы-евразийцы XX века об автаркии и национальном вопросе и идеи антиглобализма XXI века // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 193-198.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 № 120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» (Decree of the President of the Russian Federation of 30.01.2010 No 120 "On the Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation"), *Rossiiskaya gazeta*, 2010, 3 fevralya.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 30.11.2016 № 640 «Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii» (Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.2016 No. 640 "On the approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation"), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2016, No. 49, St. 6886.

3. Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture: utverzhdeny Verkhovnym Sovetom Rossiiskoi Federatsii 09.10.1992 No. 3612-1 (red. ot 28.11.2015) (Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture: approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 No. 3612-1 (as amended on November 28, 2015)), *Rossiiskaya gazeta*, 1992, 17 noyabrya.
4. K veteranam Velikoi Otechestvennoi voiny i sootchestvennikam v svyazi s 70-i godovshchinoi Kurskoi bitvy i Prokhorovskogo tankovogo srazheniya: Obrashchenie Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii ot 26.06.2013 No. 259-SF (To veterans of the Great Patriotic War and compatriots in connection with the 70th anniversary of the Battle of Kursk and the Prokhorov tank battle: Appeal of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation of 26.06.2013 No. 259-SF), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2013, No. 27, St. 3544.
5. Abil'dinov A.A. Integratsionnye protsessy vo vzaimootnosheniyakh Rossii i Kazakhstana: istoriko-politologicheskii analiz (Integration processes in the relationship between Russia and Kazakhstan: historical and political analysis), *dis. ... kand. politich. nauk*. M., 2014.
6. Alekseev N.N. Ideya gosudarstva (The idea of the state). 2-e izd., otv. red. V.P. Sal'nikov, Yu.A. Sandulov. Seriya: Klassiki istorii i filosofii prava. SPb., Lan', 2001. (Mir kul'tury, istorii, filosofii).
7. Aubakirova I.U. Gosudarstvennoe upravlenie v kontekste klassicheskogo evraziiskogo ucheniya (Public Administration in the Context of Classical Eurasian Studies), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 11.
8. Aubakirova I.U. Gosudarstvennoe upravlenie i etatistskie paradigmy v aspekte politiko-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva (State management and etatist paradigms in the aspect of politico-economic development of society), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 7, pp. 31-40.
9. Aubakirova I.U. Idei klassicheskogo evraziistva v sovremennykh politiko-pravovykh kontseptsiyakh Rossii i Kazakhstana (Ideas of classical Eurasianism in modern political and legal concepts of Russia and Kazakhstan), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 12.
10. Aubakirova I.U. Chelovek i gosudarstvennoe upravlenie: nekotorye teoretiko-metodologicheskie podkhody (Man and government: some theoretical and methodological approaches), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 5, pp. 70-80.
11. Babadzhanov I.Kh., Sal'nikov M.V. Transformatsiya obychev v prave na postsovetском prostranstve (Transformation of customs in law in the post-Soviet space), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 1, pp. 180-197.
12. Berdyayev N.A. Evraziitsy (The Eurasians), *Put'*. No. 1. Parizh, 1925, reprint. M., 1992.
13. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskie problemy (Legal Culture: Socio-Philosophical Problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
14. Galiev F.Kh. Sinkretizm sovremennoi pravovoi kul'tury (Syncretism of modern legal culture), *Monografiya*. Ufa, BashGU, 2011.
15. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step' (Ancient Russia and the Great Steppe). M., Mysl', 1989.
16. Gumilev L.N. Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii (From Russia to Russia. Essays on ethnic history). M., Airis-press, 2003.
17. Zoirov D.M. Formirovanie i razvitie natsional'noi gosudarstvennosti v stranakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) (Formation and development of national statehood in the countries of the Commonwealth of Independent States (comparative legal study)), *dis. ... d-ra yurid. nauk*. SPb., 2004.
18. Zoirov D.M., Safarov B.A. Gosudarstvennost' na postsovetском prostranstve: predposylki suvereniteta (Statehood in the post-Soviet space: preconditions for sovereignty), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2012, No. 11, pp. 25-34.
19. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava (The idea of justice in the traditions of postclassical philosophy of law), *nauchnoe izdanie*. R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva. SPb., Fond «Universitet», 2012.
20. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei

prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and contemporary models (Historical and legal analysis of theoretical studies of the actual issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the twentieth and twenty-first centuries)), monografiya. SPb., Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).

21. Kolyadin A.M. Politicheskaya elita: ponyatie i sushchnost' (Political elite: concept and essence), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 7, pp. 45-53.

22. Kolyadin A.M. Sub'ektnost' politicheskogo klassa i ego sotsial'naya znachimost' (The subjectivity of the political class and its social significance), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., Fond «Universitet», 2015.

23. Kudratbekova Sh.M. Stanovlenie i razvitie parlamentarizma v respublike Tadjikistan (Formation and development of parliamentarism in the Republic of Tajikistan), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 12, pp. 67-81.

24. Leont'ev K.N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo (East, Russia and the Slavs). V 2 t. M., 1885-1886.

25. Lushnikov O.V. Evraziiskaya perspektiva: sovremennye proekty strategicheskogo razvitiya Rossii (The Eurasian Perspective: Contemporary Projects of Strategic Development of Russia), *Vestnik ChelGU*, 2006, No. 3, pp. 6-23

26. Mukhammadiev I.S. Velikaya Otechestvennaya voina i prokuratura Tadjikistana: aktual'nost' problemy (The Great Patriotic War and the Prosecutor's Office of Tajikistan: the relevance of the problem), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 6, pp. 171-183.

27. Mukhammadiev I.S. Organy prokuratury Tadjikistana i nachalo Velikoi Otechestvennoi voyny: perestroika deyatel'nosti na voennyi lad (The organs of the Public Prosecutor's Office of Tajikistan and the beginning of the Great Patriotic War: the restructuring of activities in the military mode), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 54-63.

28. Odnostalko O.V. Evraziiskaya ideya N.A. Nazarbaeva: ot teorii k praktike (The Eurasian idea of N.A. Nazarbayev: from theory to practice), *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, No. 11 (61), V 3 ch, Ch. I, pp. 132-135.

29. Romanovskaya L.R., Sal'nikov M.V., Fomichev M.N. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniya na postsovet'skom prostranstve: evolyutsiya i obshchaya kharakteristika (State-Confessional Relations in the Post-Soviet Space: Evolution and General Characteristics), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 9, pp. 41-53.

30. Sal'nikov V.P. Istoricheskaya pamyat', istoriko-pravovye issledovaniya i patrioticheskoe vospitanie (Historical memory, historical and legal studies and patriotic education), *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2005, No. 2, pp. 6-9.

31. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Pochemu na Vostok: povorot Rossii v sovremennom politiko-pravovom prostranstve (Why to the East: the turn of Russia in the modern political and legal space), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 58-68.

32. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. «Russkii povorot» v politiko-pravovom diskurse ("Russian turn" in political and legal discourse), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 38 (48), pp. 192-198.

33. Sal'nikov S.P., Madzhidzoda D.Z., Kudratbekova Sh.M. Grazhdanskoe obshchestvo v Tadjikistane: istoricheskie osobennosti, problemy i perspektivy (Civil Society in Tadjikistan: Historical Features, Problems and Prospects), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 6, pp. 94-101.

34. Sal'nikov S.P., Romanovskaya V.B., Krymov A.V. Filosofy-evraziitsy XX veka ob avtarkii i natsional'nom voprose i idei antiglobalizma XXI veka (Philosophers-Eurasians of the 20th century on the autarchy and the national question and the ideas of the anti-globalization of the 21st century), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 5, pp. 193-198.

Дата поступления: 28.01.2018

Received: 28.01.2018

УДК 340.111.5

**О СОДЕРЖАНИИ, ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ОСНОВАНИЯХ И КРИТЕРИЯХ
ДОПУСТИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

ПЕТРЕНКО Михаил Николаевич

*старший преподаватель АНО Самарский ин-
ститут государственного управления
"Международный институт рынка",
г. Самара, Россия. E-mail: petmn@list.ru*

**ON THE CONTENT, THEORETICAL
FOUNDATIONS AND ADMISSIBILITY
CRITERIA OF STATE LEGAL
COERCION**

PETRENKO Mikhail Nikolaevich

*Senior Instructor of the ANO Samara Institute
of Public Administration "International Market
Institute", Samara, Russia.
E-mail: petmn@list.ru*

Возрастающее число внешних и внутренних вызовов требует от государства высокого уровня легитимности, достигаемого, в числе прочего, эффективным использованием государственно-правового принуждения для обеспечения безопасности граждан в отношениях как между собой, так и с публичными субъектами. Указанные обстоятельства требуют от исследователей непротиворечивого, основанного на классической методологии, исследования государственно-правового принуждения, выявления теоретических оснований и критериев его допустимости. Государственно-правовое принуждение это форма реализации государственной власти, при которой для общества (в лице государства) значимо поведение принуждаемого субъекта, а его основанием служит необходимость реализации государством своих функций. Общим критерием допустимости государственно-правового принуждения является признание соответствия его применения требованиям справедливости, а именно обоснованности и соразмерности.

Ключевые слова: государственно-правовое принуждение, основания принуждения, критерии допустимости принуждения, обоснованность, соразмерность, справедливость.

An increasing number of external and internal problems calls on the state to have a high level of legitimacy, achieved by the effective use of state legal coercion to ensure the security of citizens in relations both among themselves and with public actors. These circumstances require from researchers a consistent study of state legal coercion based on the classical methodology, as well as identifying theoretical bases and admissibility criteria. As a result of the research, the author proposes to understand state legal coercion as the form of realization of state power, in which the behavior of the coerced subject is significant for society (in the name of the state), the author believes that its ground in a broad sense is the need of the state to fulfill its functions. The author thinks that the general criterion for the admissibility of state legal coercion is the conformity of its application to the requirements of justice, namely, justification and proportionality.

Key words: state legal coercion, grounds for coercion, admissibility criteria of coercion, validity, proportionality, equity.

Вопросы сущности государственной власти и принуждения являются одними из системообразующих в юридической науке, а оттого весьма дискуссионными как среди правоведов, так и среди политологов, социологов, философов. Интерес к указанной проблематике основан, с одной стороны, на постоянном поиске адекватных уровню современного развития методов существования (а, следовательно, и деятельности) государства, одним из важнейших инструментов которого является власть, а с другой стороны – на приоритете прав и свобод человека и гражданина, обуславливающего необходимость постоянного совершенствования правовой защиты лица от необоснованного властного вмешательства государства в его дея-

тельность. Отношения государственной власти и государственно-правового принуждения, а именно в таком ключе они рассматриваются нами, характеризуются, в первую очередь, своим субъектным составом, а именно выступлением на одной стороне властвующего государства, а на другой – конкретного подвластного лица или лиц. И последнее обуславливается признаваемым большинством исследователей основанном на воле участников социальном характере властных отношений [7, с. 120], что по нашему мнению справедливо, то первое, а именно властвующий субъект, требует пояснений.

Государство является правовым фантомом и не только не отвечает вышеозначенному критерию социального характера участников отношений, но и фактически является ничем иным, как механизмом, с помощью которого возможна консолидация значительных сил и средств общества для решения каких-либо целей и задач, которые быть решены иным образом не могут (в ином случае, полагаем, теряется сам смысл существования государства в современном его понимании). При этом государство в период своего существования всегда, в большей или меньшей степени, легитимируется обществом [3, с. 309], и потому обязано отвечать представлениям легитимировавшего его общества о своей роли и обязанностях под угрозой собственной делигитимации. Таким образом, поскольку государство в известном смысле зависимо от общества верным полагаем относить к субъекту принуждения в отношениях государственной власти именно легитимировавшее государство общество, которое действует в лице уполномоченного им государства (его единоличных органов и должностных лиц). Государство же выступает на стороне властвующего субъекта, но не является им.

Следующим сущностным признаком власти, в том числе государственной, является конфликт. Отсутствие конфликта между властвующим и подвластным (иными словами тождество их воли в отношениях), полагаем, исключает властность в их отношениях: так, если лицо самостоятельно по просьбе или предложению другого лица, совершает какие-либо действия в интересах просящего (предлагающего), то считать указанные отношения властными не представляется возможным. Обратный подход распространил бы понятие "власти" на практически все существующие в обществе отношения, что не соответствует не только обыденному пониманию властных отношений, как праву и возможности распоряжаться кем-либо, подчинять своей воле [5, с. 86], но и с очевидностью излишне расширяет содержание понятия. Конфликт, вместе с тем, является следствием противостояния воли властвующего и подвластного, каждая из которых направлена на достижение целей, являющихся взаимоисключающими [4, с. 169]. Подавление властвующим воли подвластного, то есть такое воздействие на него, при котором последний сохраняет свою волю, однако лишен возможности её реализовать в период осуществления на него воздействия, полагаем, характеризует механизм отношений государственной власти между властвующим и подвластным. Причем важным является обстоятельство сохранения у подвластного собственной воли, поскольку отсутствие последней свидетельствует об отсутствии конфликта, а, следовательно, и властных отношений.

Указанные обстоятельства, а также наличие у государства преобладающего ресурса, за счет которого он обеспечивает подавление воли подвластного лица или лиц (и без которого ассиметричные отношения власти не могут существовать), позволяет относить к государственной власти направленное на достижение имеющихся целей (задач) основанное на праве общественное отношение, состоящее в подавлении обществом посредством легитимированного им государства (его органов и должностных лиц) нетождественной воли подвластного лица или лиц за счет имеющегося у него преобладания в ресурсах. Государственное принуждение, как одна из форм реализации государственной власти (наряду с властью в форме силы), воспринимает все признаки родовой для себя категории государственной власти, дополняясь таким признаком, как значимость для принуждающего субъекта – общества в лице государства (в лице его должностных лиц и органов) поведения принуждаемого лица или лиц [6, с. 79-81].

Продолжая отметим, что априорная асимметричность государственно-властных отношений, в том числе отношений государственно-правового принуждения, выводит роль права в них на первостепенные позиции: опосредованность неразрывной с обществом, и оттого неразрывной и с правом, государственной деятельности требует от государства (а, следовательно, и от его должностных лиц и органов) соблюдения правовых норм под угрозой делегитимации, а, следовательно, и использования в процессе осуществления своей власти только тех ресурсов, которыми его должностные лица и органы наделены легально. Последнее определяет необходимость наличия у участников отношений прав и обязанностей, то есть правового положения.

Указанная ранее асимметричность отношений требует закрепления за принуждающим лицом – государством (в лице его органов и должностных лиц) правообязанности подвергнуть принуждению лицо и применить к нему меры принуждения в правовом порядке. Принуждаемый же (а равно каждый из них в равной мере при множественности лиц на стороне принуждаемого лица), вправе требовать соблюдения в отношении него правовой процедуры и реализации мер принуждения в режиме законности, но обязан получить полагающуюся ему меру принуждения и претерпеть её. Вместе с тем, правовая опосредованность государственно-правового принуждения несводима лишь к его легальности. Наиболее соответствующей пониманию демократии в современном обществе, не замыкающимся на легитимизации суверенитета, является правовое государство, в котором право не сводится к комплексу норм законодательства [8, с. 21-23], действующего в конкретное время и обеспечиваемого государственным принуждением. Последнее включает в себя правосознание, правовую практику и ряд иных элементов [1, с. 357], направленных, в конечном итоге, на осуществление справедливой, и оттого поддерживаемый легитимировавшим государство обществом, социальной политики, эффективных методов управления.

Таким образом, государственно-правовое принуждение, как форма реализации государственной власти, является асимметричным и в силу своей социальной природы - правовым отношением, обуславливающим наличие у своих участников (принуждающего и принуждаемого лица) как прав, так и обязанностей. При этом лишь нормативной регламентации государственно-правового принуждения, в том числе правового положения его участников, для признания его легитимным недостаточно. Для этого требуется соответствие государственно-правового принуждения всему комплексу элементов права, включая правовую практику и "отраженность" в правосознании как самих участников отношений, так и всего общества. Особый интерес при исследовании государственно-правового принуждения представляет вопрос определения теоретических оснований принуждения и критериев его допустимости, на чем остановимся подробнее.

Вопросы оснований применения принуждения наиболее развернуто отечественными учеными в последние несколько лет исследовались с позиций уголовно-процессуальной науки [2, с. 59], справедливо выделяя в качестве таковых совокупность материально- и процессуально-правовых требований законодательства, закрепляющих условия и порядок применения принуждения (нормативные условия). Вместе с тем факт наличия правовой регламентации сам по себе не является основанием применения принуждения. Для возникновения отношений требуется юридический факт – совершение лицом (в последующем – принуждаемым), действий, тождественных основаниям применения мер принуждения, установленных материальными нормами (фактические условия). Совокупность нормативных и фактических условий является основаниями применения к лицу мер государственно-правового принуждения в узком смысле. В широком же смысле, полагаем, основаниями применения принуждения является необходимость реализации государством своих функций (внутренних и внешних). Указанное объясняется тем, что деятельность государства в любой момент может повлечь конфликтную ситуацию между ним и лицом (лицами). Последнее, в целях выполнения публичным образованием возложенных на него обществом обязанностей, потребует приме-

нения государственной власти, а в первую очередь наименее жесткой её формы – государственно-правового принуждения.

Следующим важным, но ранее специально не исследованным в литературе вопросом являются критерии допустимости принуждения, которые, по нашему мнению, следует искать в категории справедливости. Широта и полисеманτικότητα последней, выступающей в качестве общего критерия допустимости, определяет необходимость выделения в её структуре обладающих большей конкретикой элементов. Указанными элементами является обоснованность (основанность принуждения на праве) и соразмерность (соотнесенность принуждения с индивидуализирующими обстоятельствами, позволяющими воздействовать на принуждаемого с учетом присущей каждому конкретному случаю специфики). Соблюдение указанных критериев при применении мер государственного принуждения обеспечит их правовой характер и допустимость. Допустимость государственно-правового принуждения, в свою очередь, может определяться формально и материально. Формальное определение допустимости принуждения совпадает с определением оснований применения принуждения в узком смысле и предполагает исполнение закрепленных в законодательстве материальных и процессуальных правовых норм. Материальное же определение допустимости принуждения основывается на широком понимании права, что позволяет считать, что соответствие мер принуждения и их применения общественным идеалам оценивается обществом также и путем оперативного изъяснения своего отношения к принуждению. Изъяснение воли может происходить в форме массовых мероприятий (пикетирований, шествий, митингов за или против применения принуждения в конкретном случае) и частных инициатив (индивидуальных и коллективных прошений, открытых писем и т.д.). Формальное и материальное понимание допустимости не являются антагонистами и дополняют друг друга: формальное определение допустимости принуждения предполагает соответствие последнего законодательству, которое основывается на праве и должно ему соответствовать. Последнее не всегда достигается в полной мере.

Так, по результатам проведенного анкетирования 200 человек подтверждено соответствие отличающихся наибольшей жесткостью мер принуждения, из числа закрепленных в административном и уголовно-процессуальном законодательстве, критериям допустимости государственно-правового принуждения. В уголовном праве меры принуждения, применяемые в связи с нарушением права на жизнь, напротив, показали низкий уровень обоснованности. Так принуждение, предусмотренное п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ признали необоснованным 52% опрошенных, п. "в" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 54,5%, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 57%, п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 59%, п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 52,5%, п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ – 61%, ч. 2 ст. 109 УК РФ – 55%.

Причиной ненадлежащей обоснованности является непринятие законодателем во внимание комплексности принуждения и не проведение предварительного анализа интенсивности воздействия государственной власти на общественные отношения в указанной сфере, что повлекло нарушение внутренних взаимосвязей отраслей права на микро и макроуровне. Последнее, полагаем, требует отдельного отраслевого исследования и решения вопроса о последующей корректировке нормативной базы.

Библиографические ссылки

1. Буранова В.О., Сафронов В.В. Правосознание гражданина как один из видов правосознания // Научный альманах. 2016. № 5-1 (19). С. 356-358.
2. Вершинина, С. И. К вопросу о юридической классификации фактических оснований применения мер государственного принуждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (2). С. 57-59.
3. Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014.

4. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 1999.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997.
6. Петренко М.Н. О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 77-82.
7. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. СПб. : Питер, 2003.
8. Финогентова О.Е. Соотношение права и закона в свете проблемы правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 20-25.

References

- Buranova V.O., Safronov V.V. Pravosoznanie grazhdanina kak odin iz vidov pravosoznaniya (The legal consciousness of a citizen as one of the types of legal consciousness), *Nauchnyi al'manakh*, 2016, No. 5-1 (19), pp. 356-358.
2. Vershinina, S. I. K voprosu o yuridicheskoi klassifikatsii fakticheskikh osnovanii primeneniya mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya (On the question of legal classification of actual grounds for applying measures of state coercion), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2010, No. 2 (2), pp. 57-59.
3. Kant I. Metafizika нравов. Ch. 1: Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh (Metaphysics of morals. Part 1: Works in German and Russian), pod red. B. Tushlinga, N. Motroshilovoi. M., Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», 2014.
4. Kratkii psikhologicheskii slovar' (Brief psychological dictionary), red.-sost. L.A. Karpenko; pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д, Феникс, 1999.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii (Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions). Rossiiskaya akademiya nauk; Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-е изд., доп. М., Azbukovnik, 1997.
6. Petrenko M.N. O ponimanii v nauke gosudarstvennogo prinuzhdeniya kak formy realizatsii gosudarstvennoi vlasti (On the understanding of state compulsion as a form of realization of state power in science), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2016, No. 4 (46), pp. 77-82.
7. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir (Being and consciousness. Man and the world), S.L. Rubinshtein. SPb., Piter, 2003.
8. Finogentova O.E. Sootnoshenie prava i zakona v svete problemy pravovogo gosudarstva (The relationship between right and law in the light of the problem of the rule-of-law state), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 2 (48), pp. 20-25

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК 342.02

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
ЮРИСТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ****ЧУПРЯКОВА Тамара Ваноевна***аспирант АНО ВО «Гуманитарный универ-
ситет», г. Екатеринбург, Россия.**E-mail: tamaramikava@yandex.ru*

Изучение профессиональной культуры юриста становится очень значимой в условиях формирования «цифровой экономики», инновационного общества как ответа на постоянные социальные и научно-технические преобразования. Техническое и технологическое оснащение профессиональной деятельности юриста, облегчающее выполнение формализованных юридических операций, с одной стороны, стимулируют повышение уровня теоретических и практических знаний, а с другой – обуславливают возможность развития правового технократизма, поскольку во взаимодействии человека с бездушным роботом-юристом существует риск нивелирования ценностно-духовного начала правовой действительности. Такое понимание будущего юридической профессии способствует авторскому видению профессиональной правовой культуры как качественного состояния личности юриста, выраженного в его правосознании, поведении, профессиональной деятельности и ее результате, определенных степенью систематизированного доктринального, догматического, теоретического, философского, технологического освоения права в социокультурном и профессионально-ценностном контексте. Данный вид правовой культуры формируется и развивается в определенных социокультурных условиях в процессе юридического образования и профессиональной деятельности. Все это доказывает невозможность наличия профессиональной правовой культуры у представителей неюридических профессий.

Ключевые слова: юрист, профессия, правовая культура, профессиональное правосознание, профессиональная культура, профессиональная правовая культура, юридическое образование, юридическая деятельность, юридическое мышление, профессиональная подготовка.

**PROFESSIONAL CULTURE OF THE
LAWYER: THEORETICAL AND LEGAL
COMPREHENSION****CHUPRAYKOVA Tamara Vanoevna***Postgraduate Student of the ANO HE “Liberal
Arts University”, Yekaterinburg, Russia.**E-mail: tamaramikava@yandex.ru*

The paper substantiates the importance of studying professional culture of lawyers under conditions of «digital economy» and innovation society as a response to continual social, scientific and technological transformations. Technical and technological equipment of professional activity of lawyers relieving the execution of formalized legal operations stimulates rise in theoretical and practical knowledge on the one hand, determines a possibility of the development of legal techno-cynicism on the other hand, because there is a risk of elimination of valuable and spiritual principles of legal reality in the course of interaction of a human and a soulless robot-lawyer. On the basis of this conception of the future legal profession, the author represents the author's view of professional legal culture as a quantitative state of lawyer's personality expressed in his/her professional legal consciousness, behavior, professional activity and its results determined by a degree of systematized doctrinal, dogmatic, theoretical, philosophical, technological learning of law in the socio-cultural and professionally valuable context. It is accentuated that such kind of legal culture is formed and developed in certain socio-cultural conditions in the course of legal education and professional activity. The point of view that representatives of non-legal professions can not possess professional legal culture is substantiated.

Key words: lawyer, profession, legal culture, professional legal consciousness, professional culture, professional legal culture, legal education, legal activity, legal thinking, professional training.

Сегодня изучение профессиональной культуры юриста обусловлено «духом времени»: 1) динамизмом социальной реальности, научно-технического прогресса, что выражается в росте количества и разнообразия социальных ситуаций, ведущих к обобщению и нивелированию социальных норм, к росту самой проблемы нормирования социального пространства [1]; 2) изменениями в ценностных ориентациях современного общества по сравнению с советским периодом (акцент на индивидуальность), определяющих поведение личности как в обществе, так и в профессии. В профессиональной деятельности юриста (судьи, прокурора, адвоката и других) важно достижение гармоничного сочетания индивидуально-личностных интересов с целью юридической профессии – служение человеку, обществу и государству.

Г.О. Греф 21 июля 2017 года в своей лекции в Балтийском федеральном университете им. Канта высказался о будущем юристов, поставив акцент на том, что они должны, в первую очередь, уметь работать с нейронной сетью [2] (искусственные нейронные сети – это математические модели, компьютерные или иные аппаратные реализации, построенные по принципу организации и функционирования сетей нервных клеток живых организмов). Все ли юристы-специалисты понимают, как работают искусственные нейронные сети; а студенты-юристы получают ли соответствующую подготовку, отвечающую требованиям не настоящего времени, а будущего? Конечно, формализованные, рутинные действия компьютер (робот) может осуществить, но не заменить настоящего профессионала с качественной теоретической подготовкой, опережающей существующую действительность, и могущего управлять ею.

Сегодня мы констатируем появление разнообразных форм социального, экономического, политического, культурного взаимодействия, применение информационно-телекоммуникационных, интеллектуальных технологий в социальной и профессиональной практике человека (например, в юридической сфере внедрены такие технологии, как боты-юристы (специальные программы, выполняющие автоматически и/или по заданному алгоритму какие-либо юридические действия через интерфейсы), ГАС РФ «Правосудие» (информационно-телекоммуникационная система обработки и передачи информации, которая предоставляет информационные и телекоммуникационные услуги работникам судов и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и взаимодействующих организаций).

А.Л. Ликас ранее писал, что в условиях научно-технического прогресса «открываются не только качественно новые возможности для культурного развития человека, но и возникает жизненная необходимость в нем, ибо культурный потенциал (творческая активность) общества, в свою очередь, начинает оказывать влияние на общественное развитие» [3, с. 11]. В данном отношении необходимо указать и на опасность распространения бездушной, построенной на духе техницизма правовой культуры [4, с. 3].

В целом, обрисованные выше реалии обусловили изменения образовательной парадигмы в подготовке специалистов (на основе которой разработаны федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения [5]); переход от тарифно-квалификационной системы к профессиональным стандартам в регуляции профессиональной занятости (в сфере юриспруденции разработан только профессиональный стандарт следователя-криминалиста); проведение правовой реформы (например, судебной системы, системы МВД России). На фоне происходящих преобразований важно проследить, каким образом развивается профессиональная культура юриста, как она влияет на правовую систему, механизм правового регулирования в целом, и в частности на самого юриста – одного из главных акторов в формирующемся инновационном обществе. Чтобы это сделать, необходимо сначала определиться с сущностью профессиональной культуры юриста, ее инвариантной структурой.

Многообразие подходов к проблеме профессиональной культуры юриста свидетельствует скорее не о недостаточной степени разработки указанной темы в современной право-

вой науке (что не исключается), а о сложности и богатстве содержания данного правового явления, а также об объективности и субъективности процесса познания. Поскольку развиваются общественные отношения, наука не стоит на месте: изменяется правовая и, в частности, профессиональная правовая культура. Также надо понимать, что все понятия создаются людьми, имеющими разные культурные ценности, точки зрения. И в самом понятии профессиональная правовая культура заложены три элемента: «право», «культура», «профессионализм», данное обстоятельство обуславливает различные варианты их соотношения [6, с. 27].

Обращает на себя внимание, что профессиональная культура юриста, профессиональное правосознание рассматриваются в основном в контексте конкретного вида юридической деятельности [7, 8, 9, 10]. Авторы в большей степени занимаются не разработкой понятий «профессиональная правовая культура», «профессиональное правосознание», а анализом сущностных элементов профессиональной правовой культуры конкретного представителя юридической профессии. В.Н. Карташов отмечает, что отечественными авторами опубликовано немало трудов, посвященных правовой культуре судей, следователей и др. Однако общая теория профессиональной правовой культуры пока еще не сложилась [11, с.7].

Исследования профессиональной правовой культуры на примере конкретного вида юридической деятельности не позволяют должным образом сфокусироваться исключительно на содержательной, внутренней, стороне профессиональной культуры юриста. Анализ разновидностей профессиональной правовой культуры бесспорно значим, поскольку позволяет осмыслить специфику деятельности конкретной группы юристов как представителей социальной системы, но в то же время раскрытие сущности профессиональной культуры юристов требует внутреннего исследования, осознанно ограниченного от конкретных видов юридической практики в целях качественного раскрытия ее структуры, механизмов функционирования и развития, демонстрации уникальности профессионально-правовой культуры в целом. Теоретико-правовому исследованию должен подвергаться не только элементный состав профессиональной правовой культуры в плоскости отдельной группы юристов (судей, адвокатов, прокурорских работников и т.д.), но и внутренняя организация, принципы и закономерности связей структурных элементов, конституирующих ее целостность и функциональность. Подобные исследования помогут обосновать невозможность применения профессиональной правовой культуры к представителям неюридических профессий (педагогам, психологам, менеджерам и др.), а самое главное, показать пути ее развития сообразно условиям времени.

Многие исследователи неюридического профиля анализируют профессиональную правовую культуру учителей, менеджеров и других [12, 13]. Появление подобных работ еще раз подтверждает множественность взглядов на сущность профессиональной правовой культуры. Подчеркнем, что изучение профессиональной правовой культуры в рамках философии, социологии, экономики, педагогики, психологии должно посредством методологии данных наук раскрыть особенность указанного явления, а не наделять ею не юристов. Профессия – это вид трудовой деятельности, требующий определенных знаний и умений, приобретаемых в результате специального образования, подготовки и опыта работы [14]. Следовательно, главными критериями отличия профессионала в определенной области труда от непрофессионала являются специализированное образование и сам труд. Профессия предполагает, как правило, овладение человеком определенной системой знаний, навыков, компетенций, опытом, просто так любой человек не может прийти в профессию, ему необходим период накопления этих минимальных знаний, навыков, компетенций – а это важное отличие профессии от набора трудовых функций. Е.А. Певцова утверждает, что правовая культура представителей других профессий «предопределяется спецификой их профессиональной деятельности. Она не профессиональна в узком смысле, с точки зрения обусловленности характером деятельности, которая не является юридической. Можно, например, говорить о специфике профессиональной правовой культуры учителей, журналистов, но нельзя утверждать, что она профессиональная» [15, с. 106]. Е.И. Курлаева выделяет специализированное правовое созна-

ние представителей различных профессий [16, с. 17]. Ранее В.И. Каминская, А.Р. Ратинов, Н.Я. Соколов специализированное сознание лиц разных профессий, деятельность которых требует правовых знаний или связана с правовым просвещением, образованием и т.п. (учителя, журналисты и т.п.), характеризовали как непрофессиональное [17, с. 43; 18, с. 121].

Юридическая практика индивида, не обладающего юридическим образованием, не рассматривается нами в качестве профессиональной, поскольку не приобретает важного показателя профессиональной деятельности – специализированной теоретической и практической базы (подготовленности). Юридическое образование рассматривается нами как гарант качества юридической практики (мы презюмируем его достаточно высокое качество, к сожалению, эта презумпция иногда бывает опровержимой). Так, например, наличие у судей юридического образования – конституционное требование (Статья 119 Конституции Российской Федерации), что подтверждает особую ценность для общества данного вида юридической деятельности. Анализ определений профессиональной правовой культуры, сформулированных Г.И. Балюк, Н.Л. Гранат, Н.Я. Соколовым, Е.Б. Кониченко, Т.Ю. Котриковой, А.В. Петровым, О.Ф. Павловым [19; 24, с. 180 – 194; 20, с. 20; 21, с. 78; 22, с. 329; 23, с. 10], показал, что авторы в первую очередь рассматривают такие атрибутивные элементы понятия, как: идеальные формы профессионального правосознания (правовые взгляды, знания, чувства, правовые ценности и др.), специализированную юридическую подготовку (юридическое образование, обучение, воспитание) и профессиональную юридическую деятельность. Например, для Е.Б. Кониченко профессиональная правовая культура – это сложное, многоплановое образование, характеризующееся степенью и характером правового развития субъекта, основанное на определенном уровне правосознания и являющееся результатом и способом профессиональной деятельности по созданию и реализации правовых ценностей [21, с. 78].

Итак, в свернутом виде понятие «профессиональная правовая культура» включает в себя профессиональное правовое сознание [25, с. 65], формирующееся и развивающееся в ходе юридического образования, в процессе и результате профессиональной юридической практики, а также в самой профессиональной деятельности юриста и ее результатах. Среди указанных компонентов определяющим является профессиональное правосознание, поскольку нельзя прийти к детерминированному пониманию человеческих действий, не учитывая того, что внешнее воздействие всегда преломляется через внутренние психологические условия [26, с. 243], в сознании, как высшей формы психического отражения действительности, включающей психические процессы (память, мышление, воображение и другие), состояния и свойства личности. М.Л. Давыдова выделяет два признака, характерных для любой юридической специальности и претендующих на роль системных качеств профессии юриста, а именно: профессиональное юридическое мышление и юридическую технику [27]. Мы можем сказать, что из всего открытого перечня компонентов правового сознания автор выделил мышление, а из компонентов юридической деятельности – юридическую технику. А.Э. Жалинский рассматривал выход за так понимаемые рамки правового мышления как нарушение правил профессиональной деятельности [28, с. 164]. Мы рассматриваем юридическое мышление как познавательный психический процесс профессионального правосознания, выраженный юридическим языком, фиксирующим профессиональную картину мира [29, с. 17-18], уникальность юридического сообщества и, в частности, личность конкретного юриста. Так, по способу мышления, особенности речи, его деятельности в целом мы можем определить носителя профессиональной культуры.

В итоге, для нас профессиональная правовая культура юриста – это качественное состояние личности юриста, выраженное в его профессиональном правовом сознании, поведении, профессиональной деятельности и ее предметном результате, определенных степенью систематизированного доктринального, догматического, теоретического, философского, технологического освоения права в социокультурном и профессионально-ценностном контексте. Только в процессе юридического образования у студента-юриста формируется рациональное

и иррационально-эмоциональное содержание его профессионального правового сознания. В ходе профессиональной деятельности происходит дальнейшая интериоризация правовой доктрины, юридической догматики, правовой идеологии в сознании юриста, что отражается на уровне процесса и результатов его деятельности.

Так, профессиональная правовая культура – это: 1) часть общей культуры юриста, которая с одной стороны, детерминирует развитие его общей культуры, с другой - предопределяет особенности формирования и проявления профессионального мышления, профессиональных компетенций, поведения юриста; 2) часть правовой культуры как ценностно-целевое ядро, формирующее, определяющее развитие правовой культуры общества; 3) вид профессиональной культуры социума, в которой отражена взаимообусловленность между групповым (коллективным) и индивидуальным опытом и практикой.

Особенность профессиональной правовой культуры заключается в том, что она: 1) Выступает системообразующим элементом правовой культуры, где сконцентрирована ее квинтэссенция, о чем пишет в своей работе А.П. Семитко [30, с. 207-247]. Юрист входит в правовую культуру, утверждает в ней не только как социальный субъект, а как профессионал, т. е. человек, освоивший, и активно участвующий в формировании, развитии и трансляции правовой культуры. 2) Формируется и развивается в процессе правовой социализации и профессионализации индивида. В ходе социализации человек осваивает право как общечеловеческую ценность. В процессе профессионализации будущий юрист приобщается к правовым ценностям, включает их в свой внутренний мир, готовится к профессиональной деятельности, осуществляет ее, т.е. происходит трансформация «внешней правовой культуры» во «внутреннюю правовую культуру» [31, с. 83]. 3) Содержание профессиональной правовой культуры конкретизируется системой, присущих конкретной профессиональной группе юристов (судьи, адвокаты, прокуроры и т.д.) правовых знаний, умений, ценностных ориентаций, норм, традиций, установок, что отражено в документах, регулирующих их профессиональную деятельность, в кодексах профессиональной этики, например, в Кодексе судейской этики, Кодексе профессиональной этики адвоката. 4) Представляет собой синтез общепринятых (неперсонифицированных) характеристик юридической профессии и индивидуальных особенностей субъекта юридической профессии. Юрист – это профессиональный статус, являющийся сам по себе статичным, и оживающим только тогда, когда его приобретает конкретная личность со своим набором ценностей, эмоций, потребностей, знаний, компетенций и т.д. А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова точно обозначили, что в индивидуальном правосознании сочетаются черты общие, присущие правосознанию единой эпохи, черты особенные, связанные с принадлежностью личности к определенной социальной группе, индивидуальные, обусловленные воспитанием и обстоятельствами личной жизни индивида [32, с. 70].

Таким образом: ясность и четкость понимания сущности профессиональной правовой культуры дает возможность определять пути ее формирования, видеть реальное состояние, в соответствии с социокультурными и профессионально-целевыми изменениями вносить своевременные коррективы в систему юридического образования, в процесс профессиональной переподготовки и повышения квалификации юристов.

Библиографические ссылки

1. Бауман З. Индивидуализированное общество [Электронный ресурс]: URL: http://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf (дата обращения: 06.05.2017).
2. Выступление Г.О. Грефа в Балтийском федеральном университете им. Канта [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d> (дата обращения: 10.09.2017).
3. Ликас А.Л. Культура правосудия. М. : Юрид. Лит., 1990.

4. Рашитов И. М. Правовая культура в основаниях самодостаточности человека эпохи глобализации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009.
5. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29.10.2013 № 1199 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования» // Рос. газ. 2013. 1 ноября.
6. Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2012.
7. Пересадына О.В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания: на примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
8. Клишина А.В. Профессиональное правосознание адвокатов: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008.
9. Климанский Д.В. Система факторов интеграции и дезинтеграции правосознания сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010.
10. Болотаева О.С. Формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел в условиях становления информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.
11. Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2008.
12. Володина И.В. Формирование основ профессионально-правовой культуры менеджеров туристического бизнеса в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2010.
13. Бичан Н.В. Формирование профессионально-правовой культуры будущих специалистов помогающих профессий : автореф. дис.... канд. пед. наук. Калининград, 2015.
14. Зеер Э.Ф. Психология профессий : учебное пособие для студентов вузов [Электронный ресурс]. URL: http://lspu-lipetsk.ru/uploads/users/1444641803_Zeer_Psihologia_professiy_2003.pdf (дата обращения: 08.11.2017).
15. Певцова Е.А. Учебное пособие по дисциплине «Актуальные проблемы формирования правовой культуры юристов». Москва : Международный юридический институт, 2010. 250 с.
16. Курлаева Е.И. Юридическое образование и формирование профессионального сознания юристов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.
17. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сборник научных трудов / отв. ред. А.Д. Бойков. Москва, 1974. С. 39–67.
18. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. Москва : Наука, 1988.
19. Балюк Г.И. Взаимосвязь правовой культуры и демократии в социалистическом обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1987 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=51472> (дата обращения: 29.08.2017).;
20. Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание : учебное пособие. Москва : Проспект, 2014. 320 с.
21. Кониченко Е.Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.
22. Петров А.В., Котрикова Т.Ю. Профессиональная правовая культура в системе правовой культуры общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. С. 326 – 331.
23. Павлов О.Ф. Профессиональная правовая культура в сфере правоохранительной службы (на примере сотрудника милиции) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
24. Гранат Н.Л. Правосознание и правовая культура // Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М. : Новый Юрист, 1997. С. 180-194.
25. Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости : монография. 3-е изд., испр. М. : Издательство «Омега-Л»; Уфа : Издательство «Диалог», 2014.

26. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Москва, 1986.
27. Давыдова М.Л. Обучение юридической профессии в России и США: к вопросу об универсальных основаниях // Право и современные государства. 2013. №2 [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-yuridicheskoy-professii-v-rossii-i-ssha-k-voprosu-ob-universalnyh-osnovaniyah> (дата обращения: 28.09.2017).
28. Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т. 4 / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения.
29. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма. Инфра-М., 2010.
30. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Издательство Уральской государственной юридической академии, Издательство гуманитарного университета, 1996.
31. Марк ван Хук. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.
32. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo (Individualized society). URL: http://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf (accessed date: 06.05.2017).
2. Vy'stuplenie G.O. Grefa v Baltijskom federal'nom universitete im. Kanta (Speech of Herman Gref at Immanuel Kant Baltic Federal University). URL: <http://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d>.
3. Likas A.L., Kul'tura pravosudiya (Culture of justice). M., Yurid. Lit., 1990, 176 p.
4. Rashitov I.M. Pravovaya kul'tura v osnovaniyah samodostatochnosti cheloveka e'pohi globalizatsii (Legal culture in the foundations of self-sufficiency of man in the age of globalization), *avtoref. dis. ... kand. filosofskikh nauk*, Ufa, 2009.
5. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 29.10.2013 № 1199 «Ob utverzhdenii perechnoj professij i special'nostej srednego professional'nogo obrazovaniya» (Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated 29.10.2013 № 1199 "On approval of the list of professions and specialties of secondary professional education"), *Ros. gaz. 2013. 1 noyabrya*.
6. Petrusak L.A. Pravovaya kul'tura sovremennogo rossijskogo obshchestva: teoretiko-pravovoe issledovanie (Legal culture of the modern Russian society: theoretical and legal research), *dis. ... d-ra. yurid. nauk*, M., 2012.
7. Peresadina O.V. Teoretiko-pravovoj analiz professional'nogo pravosoznaniya: na primere pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii (Theoretical and legal analysis of professional legal consciousness: on the example of legal consciousness of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*, Ekaterinburg, 2017.
8. Klishina A.V. Professional'noe pravosoznanie advokatov: teoretiko-pravovoe issledovanie (Professional sense of justice of lawyers: theoretical and legal research), *dis. ... kand. yurid. nauk*, M., 2008.
9. Klimanskii D.V. Sistema faktorov integracii i dezintegracii pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennih del (System of factors of integration and disintegration of legal consciousness of employees of bodies of internal affairs), *dis. ... kand. yurid. nauk*, M., 2010.

10. Bolotaeva O.S. Formirovanie professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutren-nih del v usloviyah stanovleniya informacionnogo obshhestva (Forming of professional legal consciousness of employees of bodies of internal affairs in the conditions of informational society formation), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*, M., 2011.
11. Kartashov V.N. Pravovaya kul'tura: ponyatie, struktury, funktsii (Legal culture: concept, structure, function), monograph. Yaroslavl, YarGU, 2008.
12. Vologdina I.V. Formirovanie osnov professional'no-pravovoj kul'tury menedzherov turisticheskogo biznesa v vuze (Formation of bases of professional legal culture of managers of tourist business in Universities), *avtoref. dis. ... kand. ped. nauk*, M., 2010.
13. Bichan N.V. Formirovanie professional'no-pravovoj kul'tury budushhih specialistov pomagayushhih professij (Formation of professional and legal culture of future specialists in helping professions), *avtoref. dis. ... kand. ped. nauk*, Kaliningrad, 2015.
14. Zeer E.F. Psixologiya professij (Psychology of professions), *uchebnoe posobie dlya studentov vuzov*. URL: http://lspu-lipetsk.ru/uploads/users/1444641803_Zeer_Psihologia_professiy_2003.pdf.
15. Pevczova E.A. Uchebnoe posobie po discipline «Aktual'ny'e problemy formirovaniya pravovoj kul'tury yuristov» (Actual problems of formation of legal culture of lawyers), M., Mezhdunarodnyj yuridicheskij institut, 2010.
16. Kurlaeva E.I. Yuridicheskoe obrazovanie i formirovanie professional'nogo soznaniya yuristov (Legal education and formation of professional consciousness of lawyers), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*, M., 2005.
17. Kaminskay V.I., Ratinov A.R. Pravosoznanie kak element pravovoj kul'tury (The sense of justice as an element of legal culture), *Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya, sbornik nauchnykh trudov*, otv. red. A.D. Boykov, M., 1974, Pp. 39-67.
18. Sokolov N.I. Professional'noe soznanie yuristov (Professional consciousness of lawyers), M., Nauka, 1988.
19. Baluk G.I. Vzaimosvyaz pravovoj kul'tury i demokratii v socialisticheskom obshhestve (Relationship of legal culture and democracy in a socialist society), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*, Kiev, 1987, URL: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=51472>.
20. Sokolov N.I. Professional'naya kul'tura yuristov. Ponyatie. Sushhnost'. Soderzhanie (Professional culture of lawyers. Concept. Essence. Content), *uchebnoe posobie*, Moskva, Prospekt, 2014, 320 p.
21. Konichenko E.B. Pravovaya kul'tura sotrudnikov penitenciarnej sistemy v sovremenennom Rossijskom obshhestve (obshhepravovoj analiz) (Legal culture of the personnel of the penitentiary system in the modern Russian society (theoretical and legal analysis)), *dis. ... kand. yurid. nauk*, Vladimir, 2005.
22. Petrov A.V., Kotrikova T.Y. Professional'naya pravovaya kul'tura v sisteme pravovoj kul'tury obshhestva (Professional legal culture in the system of legal culture of society), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, No. 3, Pp. 326-331.
23. Pavlov O.F. Professional'naya pravovaya kul'tura v sfere pravoohranitel'noj sluzhby: Na primere sotrudnika milicii (Professional legal culture in the field of law enforcement: on the example of the police officer), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*, Nizhny Novgorod, 2005.
24. Granat N.L. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura (Legal consciousness and legal culture), *Teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik*, Pod red. Prof. V.V. Lazareva, M., Novyj Yurist, 1997, Pp. 180 – 194.
25. Samigullin V.K. Pravosoznanie: koren' dobra i spravedlivosti (Consciousness: the root of goodness and justice), *monografiya*, 3-e izd., ispr., M., Izdatel'stvo «Omega-L», Ufa, Izdatel'stvo «Dialog», 2014.
26. Rubinstein S.L. Bytie i soznanie: o meste psicheskogo vo vseobshhej vzaimosvyazi yavlenij material'nogo mira (Being and consciousness: on the place of psychical in the universal interconnection of phenomena of the material world), M., 1986.
27. Davydova M.L. Obuchenie yuridicheskoy professii v Rossii i SShA: k voprosu ob universal'nyh osnovaniyah (Training of legal profession in Russia and the USA: to the issue of universal basis), *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2013, No. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-yuridicheskoy-professii-v-rossii-i-ssha-k-voprosu-ob-universalnyh-osnovaniyah>

28. Zhalinsky A.E. Izbranny`e trudy (Selected works), v 4 t., T. 4, sost. K.A. Bary`sheva, O.L. Dubovik, I.I. Nagornaya, A.A. Popov, otv. Red. O.L. Dubovik, Nacz. Issled. Un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki», M., Izd. dom Vy`sshej shkoly` e`konomiki, 2016, Pravovoe my`shlenie i professional`naya deyatel`nost` yurista. Naukovedcheskie problemy` pravovedeniya (Legal thought and professional activities of the lawyer. Scientific problems of jurisprudence).
29. Gubaeva T.V. Yazyk i pravo. Iskustvo vladeniya slovom v professional`noj yuri-dicheskoy deyatel`nosti (Language and law. The art of the word in professional legal activities), T.V. Gubaeva, 2-e izd., peresmotr., M., Norma, Infra-M, 2010.
30. Semitko A.P. Razvitie pravovoj kul`tury` kak pravovoj progress (Development of legal culture as a legal progress). Ekaterinburg, Izdatel`stvo Ural`skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, Izdatel`stvo gumanitarnogo universiteta, 1996.
31. Mark van hook. Pravo kak kommunikaciya (Law as communication), per. s angl. M.V. Antonova i A.V. Polyakova, SPb, Izdatel`skij dom S.-Peterb. gos. un-ta, OOO «Universitetskij izda-tel`skij konsorcium», 2012.
32. Ratinov A.R., Yefremova G.H. Pravovaya psihologiya i prestupnoe povedenie. Teoriya i metodologiya issledovaniya. (Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of the study), Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. Un-ta, 1988.

Дата поступления: 23.01.2018

Received: 23.01.2018

**КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 342

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

КРУГЛОВА Юлия Борисовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственного и административного
права юридического факультета ФГБОУ ВО
«Ульяновский государственный универси-
тет», г. Ульяновск, Россия.
E-mail: ipgs@law.uven.ru*

МИСЯКОВА Оксана Викторовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права юри-
дического факультета ФГБОУ ВО «Ульянов-
ский государственный университет», г. Уль-
яновск, Россия. E-mail: ipgs@law.uven.ru*

Проблемы реализации принципов производ-
ства, связанных с привлечением к ответ-
ственности по делам об административных
правонарушениях, на сегодняшний день при-
обретают большую актуальность. Несовер-
шенство действующего законодательства по-
рождает нарушение основополагающих
принципов процесса. Административное за-
конодательство в указанной части не может
соответствовать правовому государству, про-
возглашенному Конституцией Российской
Федерации, где высшей ценностью признает-
ся человек, его права и свободы. На первом
месте должно стоять благо народа, интересы
личности. Обеспечение прав и свобод чело-
века и гражданина – это основной принцип
правового государства.

Ключевые слова: правоприменительная дея-
тельность, принципы правоприменительной де-
ятельности, упрощенное производство, обжа-
лование, административное правонарушение.

**IMPLEMENTATION OF PRINCIPLES
OF LAW DURING ADMINISTRATIVE
PROCEEDINGS**

KRUGLOVA Julia Borisovna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-
sor of the Department of State and Administra-
tive Law of the Faculty of Law of the FSBEI
HE "Ulyanovsk State University", Ulyanovsk,
Russia. E-mail: ipgs@law.uven.ru*

MISYAKOVA Oksana Viktorovna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-
sor of the Department of Theory and History of
State and Law of the Faculty of Law of the
FSBEI HE "Ulyanovsk State University", Ulya-
novsk, Russia. E-mail: ipgs@law.uven.ru*

The problems of implementing proceedings
principles associated with bringing to responsi-
bility, namely the principles of prosecution in
cases of administrative offenses, are becoming
increasingly relevant today. The imperfection
of the current legislation creates a violation of
fundamental principles of procedure. The cur-
rent administrative legislation in this part can-
not correspond to the rule-of-law state declared
by the Constitution of the Russian Federation,
where the person, his rights and freedoms are
recognized as the highest value. The welfare of
the people, individual interests should be para-
mount. The most complete guarantee of human
and civil rights and freedoms is the basic prin-
ciple of the rule-of-law state.

Key words: law enforcement, principles of law
enforcement activity, summary proceedings,
appeal, administrative offence.

В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года каждый имеет право на публичное и справедливое разбирательство дела независимым, беспристрастным, компетентным судом, созданным в соответствии с законодательством. Производство по делам об административных правонарушениях, как и любая разновидность процесса (конституционного, гражданского, уголовного, административного) строится на определенных общих принципах правосудия, которые характеризуются определенным порядком. Их можно установить на основе анализа положений Конституции Российской Федерации, административного и иного законодательства. Применительно к каждому виду судопроизводства правосудие имеет определенные способы и приемы разрешения конфликтных ситуаций между субъектами, имеющими равные процессуальные права в суде.

Принцип права – исходное, основное положение, установка, идея, характеризующая сущность права в процессе регулирования отношений. Нормы-принципы по функциональной принадлежности выступают разновидностью исходных специализированных норм, их следует обязательно учитывать в процессе реализации права, а именно в процессе правоприменения. Принципы права имеют ряд специфичных функций, к которым можно отнести, например, интегративную, регулятивную, охранительную, коммуникативную, систематизирующую и др. Интегративная – является ключевой функцией, обеспечивающей единство правового пространства, преемство при развитии, трансформации правовой системы государства. Регулятивная функция устанавливает меру возможного усмотрения правоприменителя при осуществлении своей деятельности. Охранительная функция устанавливает практические границы, пределы правового регулирования, в том числе временные и пространственные. Коммуникативная – обеспечивает единство, единообразие в осуществлении различных типов юридической практики. Систематизирующая функция призвана максимально сглаживать внутренние противоречия в правовой системе государства, стабилизировать систему, соотносить разные нормы права между собой. Так, по мнению Е.В. Скурко принцип права выступает своеобразным «связующим звеном» объективного и субъективного права, позволяет праву гибко развиваться, выполнять своё предназначение и социальные функции. Он позволяет раскрыть сущность права, проявить её. Принципы права в тоже время, формируют профессиональное правосознание юриста. Принципы права являются «моральными нормами сообщества юристов» [1, с. 17], связаны с профессиональной этикой. В системе принципов производства по делам об административных правонарушениях можно выделить следующие:

- принцип законности (говорит о всеобщности соблюдения требований законов и подзаконных актов, о единстве и верховенстве закона, о равенстве всех перед законом и судом, о недопустимости противопоставления законности и целесообразности);

- принцип обеспечения лицу, привлекаемому к административной ответственности, права на защиту (на всех стадиях производства доказывать свою невиновность);

- принцип гласности (лица, участвующие в деле, и иные лица, привлеченные к участию в рассмотрении административного дела, должны быть оповещены о месте и времени рассмотрения дела, о результатах рассмотрения дела, а также могут пользоваться своими процессуальными правами в части фиксации процесса рассмотрения дела. Использование аудиозаписи допускается с уведомления суда. Для использования таких способов фиксации хода рассмотрения дела об административного правонарушения как фотофиксация, видеофиксация, трансляция, требуется предварительное разрешение суда);

- принцип объективной истины (устанавливаются факты совершения правонарушения и вина);

- принцип оперативности (быстрота дает возможность не затягивать процесс и возможна лишь при достаточно высоком уровне профессионализма субъектов);

- принцип равенства граждан перед законом и органом, рассматривающим дело (физические лица имеют равные права при рассмотрении дела об административном правонаруше-

нии вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, и иных субъективных характеристик личности);

- принцип публичности (способствование принятию решений в интересах общества и государства, эффективному государственному управлению);

- принцип состязательности (участники производства наделены равными процессуальными правами);

- принцип языка производства (принцип реализуется возможностью для лиц, участвующих в деле, пользоваться своими процессуальными правами на родном языке или ином другом, выбранным участником производства по делу, а также возможностью пользоваться услугами переводчика).

Действующий в настоящее время Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) содержит нормативные положения, которые отступают от этих установленных принципов. В частности можно говорить о несоблюдении принципов объективной истины, состязательности сторон и права на защиту, которое должно быть предоставлено лицу, привлекаемому к административной ответственности. Речь идет о положениях, регламентирующих упрощенное производство по делам об административных правонарушениях (без составления протокола). Ст. 28.6 КоАП РФ определяет условия, при которых возможно вынесение постановления по делу об административном правонарушении без составления протокола:

- 1) санкция статьи в качестве меры административного наказания должна предусматривать только предупреждение или административный штраф;

- 2) правонарушитель должен согласиться с фактом совершения правонарушения и признать свою вину;

- 3) правонарушение, совершенное в определенных сферах действия законодательства, должно быть зафиксировано средствами фото- и видеофиксации [2].

Исходя из анализа содержания комментируемой статьи, вне зависимости от согласия или несогласия лица, в отношении которого имеются основания полагать, что оно совершило административное правонарушение, оно признается виновным в совершении административного правонарушения. Как известно, в производстве по делам об административных правонарушениях, два процессуальных документа, которые имеют существенное значение для дела: протокол (фиксируется факт совершения правонарушения) и постановление (определяется фактические обстоятельства правонарушения, степень его вины и определяется мера наказания с учетом всех выявленных обстоятельств).

Таким образом, законодатель и правоприменитель лишают лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что оно совершило административное правонарушение, возможности доказывать в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении свою невиновность, так как вынесение постановления на месте совершения правонарушения при несогласии лица с правонарушением, автоматически [3, с. 200–204] ставит его в разряд виновных [4, с. 125–134]. Конечно, законодательством, в частности Кодексом об административных правонарушениях РФ предусмотрена возможность обжалования постановления по делу об административном правонарушении в соответствии с гл. 30 КоАП РФ. Однако процесс оспаривания сопряжен с дополнительными неудобствами для потенциального правонарушителя. А именно. Используя свои процессуальные права, лицо, в отношении которого составлен протокол, может ходатайствовать о передаче административного материала для рассмотрения по месту своего жительства, что никак не нарушает прав лица, составившего протокол, так как в процессе статус такого лица равен статусу свидетеля. Подача же жалобы на постановление по делу об административном правонарушении будет регламентирована правилами подсудности – по месту рассмотрения дела об административном правонарушении. Данная проблема остро встает при административных делах по нарушению Правил дорожного движения. Территория России огромна, и немногие водители будут оспаривать факт при-

влечения к ответственности, если привлечение произошло, например, в другом субъекте Российской Федерации. Применительно к данной ситуации, которая противоречит основам правового государства, необходимо обратить внимание на ч. 5 ст. 28.6 КоАП РФ. Почему-то в отношении налоговых споров законодатель учитывает принцип обеспечения лицу, привлекаемому к административной ответственности, права на защиту, так как при наличии разногласий по факту совершения лицом правонарушения, дело рассматривается по общим правилам производства. Общие правила производства предполагают выявление факта правонарушения, сбор доказательств, свидетельствующих о совершении правонарушения, их фиксация, передача всех материалов дела для рассмотрения, их оценка органом или должностным лицом, которое уполномочено рассматривать дело, и вынесение постановления по делу.

Представляется, что существующее административное законодательство в указанной части не может соответствовать правовому государству, провозглашенному Конституцией Российской Федерации, где в качестве высшей ценности признается человек, его права и свободы. На первом месте должно стоять благо народа, интересы личности. Наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина – это основной принцип правового государства, он как раз нашел свое закрепление в ст. 2 Конституции РФ. Государство гарантирует каждому гражданину возможность всесторонне развиваться как личности. Права человека, свободы, законные интересы для государства первичны и естественны. В связи со сказанным, полагаем необходимым внесение изменений в ст. 28.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Необходимо изложить ч. 2 ст. 28.6 КоАП РФ в следующей редакции: «В случае, если лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, оспаривает наличие события административного правонарушения, составляется протокол об административном правонарушении, который направляется для рассмотрения вышестоящему лицу в соответствии с гл. 29 настоящего Кодекса». Также необходимо внести дополнение в п. 6 ч. 2 ст. 23.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации следующего содержания: «...кроме случаев, установленных ч. 2 ст. 28.6 настоящего Кодекса».

Предложенное изменение действующего законодательства обеспечит наиболее полную реализацию всех указанных выше принципов, в особенности принципов: обеспечения лицу, привлекаемому к административной ответственности, права на защиту, объективной истины, оперативности, равенства граждан перед законом и органом, рассматривающим дело и состязательности. Указанное обеспечение будет достигнуто за счет изменения существующего порядка привлечения к административной ответственности, так как предлагаемое нами изменение предоставит право лицу, в отношении которого имеются основания полагать, что оно совершило административное правонарушение, доказывать свою невиновность в совершении административного правонарушения. Существующий порядок предоставляет только право обжалования вынесенного на месте постановления, а не право пользоваться своими правами в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении. Внесением предложенных изменений будет обеспечено и гарантировано соблюдение таких принципов производства по делам об административных правонарушениях как объективной истины, состязательности сторон и права на защиту.

Библиографические ссылки

1. Скурко Е.В. Принципы права : монография. М. : Ось-89, 2008.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Васильев П.В. О понятии автоматических санкций в российском праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26).

4. Васильев П.В. Автоматические санкции в российском праве (теория, практика, техника) : монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. В.А. Толстика. М., 2016.

References

1. Skurko E.V. Printsipy prava (Principles of law), *monografiya*. M., Os'-89, 2008.
2. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 07.02.2017) (Administrative Offences Code of the Russian Federation from 20 December 2001 №195-FL (ed. by 7 February 2017), *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2000. No. 1 (ch. 1). St. 1.
3. Vasil'ev P.V. O ponyatii avtomaticheskikh sanktsii v rossiiskom prave (On the concept of automatic sanctions in Russian law), *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2014. No. 2 (26).
4. 4. Vasil'ev P.V. Avtomaticheskie sanktsii v rossiiskom prave (teoriya, praktika, tekhnika) (Automatic sanctions in Russian law (theory, practice, methods), *monografiya*, pod nauch. red. dokt. yurid. nauk, prof. V.A. Tolstika. M., 2016.

Дата поступления: 23.01.2018

Received: 23.01.2018

УДК 342.25

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА ЗЕМЛИ БРАНДЕНБУРГ)

ТУЛУПОВА Елена Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lena118@yandex.ru

ЛАРИНБАЕВА Ильмира Ишмурзовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lar-ilmira@mail.ru

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL PROCESS IN A FEDERATION ENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE LAND OF BRANDENBURG)

TULUPOVA Elena Olegovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: lena118@yandex.ru

LARINBAEVA Ilmira Ishmurzovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: lena118@yandex.ru

В статье раскрываются некоторые особенности работы Конституционного суда Земли Бранденбург (Федеративная Республика Германия). Актуальность обращения к данной теме обусловлена рядом факторов. Во-первых, Земля Бранденбург относится к той группе субъектов Федеративной Республики Германия, законодатели которых, при организации

The article reveals some features of the work of the Constitutional Court of the Land Brandenburg (Federal Republic of Germany). The timeliness of the topic is due to several factors. Firstly, the land of Brandenburg refers to the Group of subjects of the Federal Republic of Germany, whose lawmakers, when organizing their own constitutional authority, took into ac-

собственного конституционного органа, рационально учли и использовали уже имеющийся опыт других земель и смело привнесли свои собственные демократичные и современные новации. Во-вторых, обращение к опыту организации и функционирования немецкой модели конституционного суда, помогает осмыслить многие проблемы, существующие в построении конституционного (уставного) контроля в субъектах Российской Федерации, проливает свет на проблему определения четкого курса совершенствования, как структуры судов субъектов, так и процесса их функционирования. В исследовании затрагивается история становления конституционного правосудия в Земле. Анализируется состав суда, порядок избрания и требования к судьям. Рассматриваются технические и процессуальные нюансы его деятельности. Подробнее анализируются полномочия суда и процесс принятия и вынесения решений по делу.

Ключевые слова: конституционный суд, Земля Бранденбург, жалоба, Германия, судья, земля, конституция, решение, иск.

count, used the experience of other lands, and boldly introduced their own democratic and modern innovations. Secondly, the address to the experience of organizing and functioning of the German model of the Constitutional Court, helps to understand many problems existing in constitutional (statutory) monitoring in the constituent entities of the Russian Federation, sheds light on the problem of defining a clear course of improving both the structure of entities' courts and their functioning. The study addresses the history of constitutional justice in this Land. The authors examine the composition of the Court, the order of election and requirements for judges. Technical and procedural nuances of its activities are revealed. The authors analyse in details the powers of the Court and the process of making and rendering of decisions of the case.

Key words: Constitutional Court, land of Brandenburg, complaint, Germany, judge, land, Constitution, decision, lawsuit.

Современное здание Конституционного суда Земли Бранденбург является частью большого строительного комплекса, который был возведен для прусских военных почти 200 лет тому назад. Изначально это были казармы для обучения пехотного батальона в Потсдаме, построенные под руководством отца Иоганна Георга Карла Хемпеля в 1826-1828 гг. Во время Второй мировой войны казармы были захвачены Советской Красной Армией. До 1993 г. здание находилось под охраной в ограниченном пользовании. После 1993 г. комплекс был подвергнут перестройке, превратившей его в «modernen Justizzentrum». Конституционный суд Земли был учрежден 13 июля 1993 г. А в конце сентября этого же года состоялись первые выборы судей. Деятельность Суда регулируют несколько документов: Конституция Земли (1992 г.), Закон о Конституционном суде Бранденбурга и Положение (так называемый внутренний регламент Суда), принятое в 1998 г. с поправками от 15 января 2009 г.

Конституционный суд состоит из президента, вице-президента и семи других судей, избираемых Парламентом Земли. При этом суд на треть состоит из профессиональных судей, на треть из членов, имеющих право избираться на должность судьи или дипломированных юристов (адвокатов) и на треть из непрофессиональных судей (членов, которые могут не отвечать вышеуказанным требованиям) [1]. Президент (председатель) и вице-президент избираются исключительно из профессиональных судей или лиц, отвечающих требованиям, установленным для должности судьи. Женщин или мужчин среди них должно быть не менее 3-х человек. Участие в отправлении правосудия непрофессиональных судей является весьма интересной находкой немецких законодателей. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что подобный институт встречает на своем пути больше противников, нежели сторонников. В научной литературе редко можно встретить конкретные предложения о введении «общественных» судей в России, а вот абстрактных теоретических рассуждений о том, что это смелый шаг, заслуживающий восхищения - предостаточно. Одним из сторонников данного ин-

ститута является Д.В. Карпов. Выступая в поддержку института непрофессиональных судей, он выделяет три основные цели вовлечения народных представителей в судопроизводство:

1. Внутренний социальный контроль реализации принципов правосудия профессиональными судьями;
2. Наиболее полное (в условиях состязательности) и адекватное познание фактической основы юридического спора (вопросов факта);
3. Повышение доверия участников процесса к суду.

Он также отмечает, что профессиональный корпус, в силу служебного статуса подвержен влиянию соображений государственной целесообразности, нейтрализация которого возможна путем введения в него неправительственного элемента [2]. Должность судьи в земельном органе является почетной. При этом судьи работают на непостоянной основе (по совместительству). На должность судьи может быть избран кандидат не моложе 35 лет, в письменной форме давший согласие стать членом Конституционного суда. Он избирается сроком на 10 лет. Повторное переизбрание недопустимо. Избранными считаются кандидаты, получившие большинство голосов в ходе тайного голосования (2/3 членов Парламента). Председатель Парламента назначает кандидатов, успешно прошедших процедуру голосования. После процедуры назначения судьи Конституционного суда приносят присягу, в которой клянутся в верности основному закону Федеративной Республики Германия, Конституции Земли Бранденбург и закону; клянутся служить по совести, уважая правду и справедливость. По религиозным соображениям слова «Я клянусь» можно заменить на – «Я заверяю».

Регламент Суда предусматривает порядок передачи полномочий судьи, чей срок подошел к концу. Так, например: в случае окончания срока полномочий президента Суда и (или) вице-президента, их функции, до выбора новых кандидатур, выполняет самый «старший» профессиональный судья. В этом случае учитывается продолжительность членства в Конституционном Суде. Решающее значение при выборе из нескольких кандидатур окажет и возраст судьи. Конституционный суд имеет кворум – присутствие на заседании, по меньшей мере, шести судей. Помощь в работе Конституционного суда оказывают один или несколько научных сотрудников, которые определяются председателем по согласованию с другими членами Суда. Согласно законодательству Земли, Суд правомочен рассматривать вопросы относительно:

- толкований Конституции Земли Бранденбург,
- разногласий между законодательством Земли и Конституцией Земли, по просьбе Правительства или Парламента,
- поданной конституционной жалобы (индивидуального обращения) от любого, кто утверждает, что его конституционные права нарушены действием (бездействием) или решением государственной власти,
- поданной конституционной жалобы от муниципальных образований или объединений (общин) с заявлением о том, что закон Земли, нарушает их право на самоуправление гарантированное Конституцией Бранденбурга,
- обвинений Парламента, выдвинутых против депутата, которого упрекают в злоупотреблении властью, неуважении к Ландтагу и корысти,
- поданной жалобы против решения Парламента, касающегося избирательных прав, гарантированных Конституцией Земли,
- допустимости референдума, народных опросов, по просьбе Правительства или одной трети членов Парламента,
- всех остальных случаев, предусмотренных действующим законодательством Земли.

Все конституционные жалобы можно условно разбить на обращения: против законов и других земельных норм; против решений властей; против судебных решений; против любых других действий государственных органов и должностных лиц [3]. Обращению в Суд с жалобой, должно предшествовать исчерпание иных способов защиты. В тоже время, согласно пар.

45 абз. 2 Закона Земли Суд может принять решение по жалобе немедленно до исчерпания иных способов защиты, если она имеет большое общественное значение или если заявитель понесет невосполнимый ущерб в случае, если на нее немедленно не отреагирует Суд. Также суд может ввести временные обеспечительные меры, до проведения устного разбирательства по делу, с целью предотвращения возможных негативных последствий (например обязать приостановить какое-либо производство по делу; исполнение решений судов и т.д.). Для их принятия не нужен кворум, достаточно единогласного решения трех судей. При обращении в Суд госпошлина не взимается. В этом находит свое выражение то обстоятельство, что деятельность судов осуществляется, в первую очередь, в интересах общества. В случае удовлетворения жалобы, расходы заявителя подлежат возмещению. При этом, злоупотребление правом обращения может быть наказано. Так, при отклонении жалобы Суд может наложить штраф на заявителя в размере до 2500 евро. В Суде предусмотрена возможность письменного рассмотрения дел, при отсутствии возражения участников процесса. Устные слушания проводятся открыто для общественности и прессы. Устное производство всегда сопровождается стенограммой. Для этой цели привлекается специальный человек - секретарь из отдела Управления Суда. Протокол подписывается президентом и секретарем. Кроме того, во время устного слушания может проводиться аудио и видеозапись. Исключением из этого правила, является ситуация, когда Суд, в интересах участников производства (третьих лиц) или в интересах судопроизводства, может полностью или частично их запретить. Позже, после вынесения решения, запись удаляется, за исключением тех случаев, когда судьи решат ее заархивировать.

Заслуживает отдельного внимания порядок принятия решения судьями по рассматриваемым делам. Решение принимается в ходе голосования путем поименного опроса судей. При этом молодые судьи высказываются раньше, дабы исключить авторитетное давление старших на их мнение. Последним голосует председатель. Воздержание во время голосования не допустимо. Члены Суда, принимавшие участие в рассмотрении дела и голосовавшие при принятии решения, указываются в нем в алфавитном порядке. Если решение было принято не единогласно, то сведения о том, как разделились голоса, указываются в конце него.

Особо следует сказать об институте особого мнения судей. Хотя, в свое время, Федеральный Конституционный Суд Германии долго придерживался позиции, согласно которой считалось, что авторитет суда может обеспечить только принятие единогласных решений, умалчивая о разногласиях внутри суда. Позже, он, все же пришел к мнению, что публикация отличных друг от друга мнений желательна, поскольку показывает транспарентность процесса [3]. В соответствии с законодательством Земли: Судья, несогласный с принятым решением, вправе изложить свое особое мнение. Оно приобщается к материалам дела и вместе с решением подлежит опубликованию. Решение Суда может быть пересмотрено по просьбе одной из сторон в случае, если:

- при принятии решения не было кворума;
- судья, принимавший участие в рассмотрении дела и вынесении решения имел заинтересованность в его исходе;
- в принятии решения принимал участие судья, который в силу закона не мог в тот момент осуществлять свои полномочия;
- решение принималось на основании подложных документов;
- показания свидетеля или эксперта были даны умышленно ложными, в нарушение данной ими присяги;
- открылись новые ранее не изученные Судом обстоятельства по делу и т.д.

Возобновление производства по делу происходит только в интересах участника и только по его просьбе, а после его смерти по просьбе его супруга или лица, связанного с ним зарегистрированным и партнерством или одного из его потомков. Особо следует сказать о реализации принципа гласности в земельном Суде. Открытость судебной власти оказывает большое влияние на укрепление ее правозащитной функции. Основная функция гласности –

это общественный контроль или, другими словами, внешний вариант проверки качества работы суда. Работа земельного органа в этом весьма показательна. Суд имеет свою официальную страничку в интернете. На ней представлена вся необходимая информация. Показательно то, что шрифт текста на странице можно увеличивать (эта возможность предусмотрена дополнительными вкладками), что позволяет свободно ориентироваться на сайте слабовидящим людям. Судьи регулярно проводят пресс-конференции. Когда рассматриваются особо сложные дела, то заблаговременно информируют журналистов.

Интересен так же тот факт, что в разделе «Контакты» представлена очень подробная информация о местонахождении Суда: указана не только улица, индекс, но и название остановок транспорта, номера маршрутов, подробные инструкции по проезду к Суду с северной, южной и восточной частей города, ближайшие стоянки, с указанием платные они или нет. Это очень удобно для населения и наглядно демонстрирует доступность и открытость правосудия для него. Показателен в этом отношении и опыт Федерального Конституционного Суда Германии. Во-первых, его официальный сайт сам по себе очень удобен в использовании и информативен. Во-вторых, он максимально приближен к народу. На странице размещены две вкладки: «Leichte Sprache» и «Gebärdensprache». Первая вкладка дословно переводится как «облегченный язык», вторая – «язык жестов». Переходя по первой, посетитель сайта может получить информацию о работе суда, изложенную не сухим юридическим языком, а более простым и понятным. Вторая вкладка позволяет просмотреть небольшой видеофильм о суде с использованием языка жестов [4]. Подобные важные мелочи, безусловно, делают работу суда нагляднее, эффективнее и профессиональнее.

Несмотря на то, что нами были рассмотрены лишь некоторые процессуальные нюансы в работе земельного органа (проанализировать все тонкости в одной статье невозможно), можно сделать вывод, что данная модель суда обладает рядом любопытных положительных особенностей, которые могут представлять интерес не только для теоретиков в области конституционного права, но и для российских законодателей.

Библиографические ссылки

1. Юсупова Е.О. Защита прав человека конституционными судами субъектов федеративных государств : на примере Республики Башкортостан РФ и Земли Бранденбург ФРГ : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006.
2. Карпов Д.В. Проблемы конституционно-правового гарантирования правозащитной функции судебной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2000.
3. Ларинбаева И.И., Пескова К.С. Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав человека// Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества : материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Уфа : БашГУ, 2016. С. 132-137.
4. Официальный сайт Конституционного суда Земли Бранденбург. [Электронный ресурс] : http://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Homepage/homepage_node.html. (дата обращения: 01.11.2017).

References

1. Yusupova E.O. Zashchita prav cheloveka konstitutsionnymi sudami sub"ektov federativnykh gosudarstv: na primere Respubliki Bashkortostan RF i Zemli Brandenburg FRG (Protection of human rights by constitutional courts of subjects of federal states: on the example of the Republic of Bashkortostan of the Russian Federation and the Land Brandenburg of the FRG), *dis. ... kand. yurid. nauk*. Ufa, 2006.
2. Karpov D.V. Problemy konstitutsionno-pravovogo garantirovaniya pravozashchitnoi funktsii sudebnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii (Problems of constitutional and legal guarantees of the hu-

man rights function of the judiciary in the Russian Federation), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* Nizhnii Novgorod, 2000.

3. Larinbaeva I.I., Peskova K.S. Kvalifitsirovannaya yuridicheskaya pomoshch' v sisteme garantii prav cheloveka (), *Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoi vlasti i grazhdanskogo obshchestva*, materialy XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa, BashGU, 2016, pp. 132-137.

4. Ofitsial'nyi sait Konstitutsionnogo suda Zemli Brandenburg (Qualified legal assistance in the system of guarantees of human rights). http://www.bundesverfassungsgericht.de/DE/Homepage/homepage_node.html. (accessed date: 01.11.2017).

Дата поступления: 22.01.2018

Received: 22.01.2018

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 340

**НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
В РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

КОЖИНА Юлия Алексеевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Академии
ФСИН России, г. Рязань, Россия.*

E-mail: yl-san@yandex.ru

**SOME IMPLICATIONS OF THE
IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM
OF SURROGATE MOTHERHOOD IN
RUSSIA: THEORY AND PRACTICE**

KOZHINA Yuliya Alekseevna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: yl-san@yandex.ru

В российском обществе сформировались два противоборствующих лагеря: одни высказываются крайне отрицательно о суррогатном материнстве, рассматривая это явление исключительно как «завуалированную форму торговли собственными детьми», «узаконенную форму проституции» и т.п.; другие убеждены, что суррогатное материнство способно разрешить наболевшую для России проблему бездетных пар. Вопрос о праве суррогатной матери на оставление ребенка в своей семье и отказ на запись заказчиков в качестве биологических родителей требует изучения. Несмотря на то, что порядок государственной регистрации рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью, определен действующим российским законодательством достаточно четко, отношение судов к рассмотрению подобного рода делам изменилось кардинальным образом, о чем свидетельствует судебная практика.

The article explores the right of a surrogate mother to leave a child in her family and refuse to register customers as biological parents. Despite the fact that the procedure for state registration of the birth of a child, borne by a surrogate mother, is defined quite clearly by the current Russian legislation, the attitude of the courts to the consideration of such cases has changed radically, as evidenced by judicial practice. The article analyzes the problems connected with the contradiction of the law and judicial practice.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, генетическое родство, потенциальные родители, заказчики, отказ, суррогатная мать, ребенок, судебная практика по делам об оспаривании, согласие на запись в качестве родителей, злоупотребление правом.

Key words: assisted reproductive technologies, genetic relationship, potential parents, customers, refusal, surrogate mother, child, court practice in cases of challenge, consent to register as parents, abuse of right.

Желание государства любыми путями улучшить рождаемость в России и в то же время сохранить зачастую последнюю надежду у бездетных пар обрести долгожданное счастье отцовства и материнства привело к тому, что зародилось ранее неизвестное российскому обществу явление – «суррогатное материнство». Исследованию юридической природы суррогатного материнства посвящено огромное количество работ. Как показывают результаты проводимых исследований, споры о суррогатном материнстве, возникшие в 90-е годы, не утихают и по настоящее время. Вполне объяснимо, что в силу специфики оказываемых суррогатной матерью услуг по вынашиванию и рождению ребенка потенциальным родителям в российском обществе сформировалось два противоборствующих лагеря: представители одного высказываются крайне отрицательно против подобного явления, рассматривая при этом суррогатное материнство исключительно как «завуалированную форму торговли собственными детьми», «узаконенную форму проституции» и т.п.; сторонники другого убеждены, что суррогатное материнство способно разрешить наболевшую для России проблему бездетных пар, поскольку является «реальным способом осуществления простого природного желания женщины и мужчины, не способных к естественному воспроизводству, иметь своего родного ребенка» [1, с. 53]. Аргументы представителей обеих сторон выглядят вполне убедительно, что еще раз подтверждает многогранность и неоднозначность института суррогатного материнства. В этой связи мы не разделяем уверенности С. Гландина о том, что эпоха перемен для этой сферы общественных отношений прошла [2]. На наш взгляд, «эпоха» только наступает, в том числе и в связи с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», который «оригинально» разъяснил как целесообразно следует рассматривать дела такого рода.

Не подвергается сомнению тот факт, что несмотря на заключенный по всем правилам гражданского законодательства договор об оказании услуг суррогатного материнства, ни одна из сторон договора не чувствует себя уверенно до момента передачи ребенка заказчикам, т.е. потенциальным родителям. Опасения суррогатной матери объясняются тем, что заказчики могут отказаться забрать ребенка; заказчики, в свою очередь, осознавая, что судьба вынашиваемого ребенка в руках суррогатной матери, опасаются того, что после его рождения она может отказаться дать свое согласие на запись их родителями ребенка и, следовательно, оставить ребенка себе. Вряд ли можно будет когда-то получить подлинно достоверные статистические данные по данному вопросу, мы можем лишь догадываться о количестве несчастных людей, оказывавшихся в подобной ситуации, тем не менее, учитывая судебную практику, следует признать, что чаще истцами по делам об установлении материнства (отцовства) генетической матери (отца), оспаривании материнства суррогатной матери, внесении изменения в запись акта гражданского состояния и возврате ребенка являются заказчики, давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания. Причины подобного неблагоприятного для заказчиков поведения женщины, родившей ребенка, могут быть различные, и до недавних пор исследование судами данных обстоятельств не являлось юридически значимым для дела. Тем не менее, п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) предоставляет суррогатной матери исключительные привилегии в решении вопроса о наделении заказчиков родительскими правами: только ей дозволено решать – дать согласие на запись заказчиков в качестве родителей либо отказать им в этом праве, в отличие от законода-

тельства многих государств, где практикуется коммерческое суррогатное материнство (некоторые штаты Америки, Грузия, Белоруссия, Украина и т.д.).

Судебная практика, сложившаяся в России по делам подобного рода, до недавнего времени придерживалась аналогичной позиции: если суррогатная мама отказывается дать свое согласие на запись заказчиков в качестве родителей, то сделать это без ее согласия невозможно. Таким образом, суды исполняли волю законодателя и с точки зрения действующего законодательства были правы. Несмотря на это, были предприняты попытки обращений с жалобами в Конституционный Суд Российской Федерации граждан, оказывавшихся в подобной ситуации и оспаривающих конституционность п. 4 ст. 51 СК РФ [3]. По их мнению, данное положение противоречит ст.ст. 19, 38 Конституции РФ, поскольку допускает возможность регистрации генетических родителей в книге записи рождений в качестве родителей ребенка, рожденного суррогатной мамой, исключительно при наличии ее согласия на совершение такой записи. Конституционный Суд РФ, признавая суррогатное материнство как метод лечения бесплодия, вместе с тем связан требованиями Конституции, обязывающими его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции, но и прав, приобретаемых на основании закона, который предусмотрел особый порядок государственной регистрации рождения ребенка, выношенного суррогатной матерью. В силу п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка. Предоставление подобного права означает имеющуюся у нее возможность записать себя матерью ребенка, обуславливая тем самым для суррогатной мамы права и обязанности матери. Данные законоположения, по мнению Конституционного Суда РФ, не нарушают конституционных прав заявителей – генетических родителей, в результате чего жалоба заявителей была отклонена к рассмотрению.

Интересно заметить, что ряд судей Конституционного Суда РФ проголосовали против принятия данного определения. Так, нельзя не согласиться с мнением судьи С.Д. Князева, что закрепляя исключительную прерогативу суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, выносившей плод. Тем самым создается легальная почва для нарушений баланса конституционных ценностей и умаления прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий. В этой связи неминуемо возникает вопрос о том, насколько избранный законодателем вариант правового регулирования соответствует целевому предназначению института суррогатного материнства [4].

Как известно, суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки, однако, мы не будем отрицать тот факт, что в период беременности между матерью и ребенком появляется особая биологическая и психологическая связь. Учитывая данное обстоятельство, судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев задается вопросом: «Достаточен ли факт генетического родства ребенка для приобретения родительских прав?». Буквально толкуя п. 4 ст. 51 СК РФ напрашивается вывод: «Факт вынашивания и рождения более социально и эмоционально значим, чем генетическое происхождение. Нравственные страдания биологических родителей, лишенных возможности реализовать комплекс родительских прав в отношении своего ребенка считается менее социально значимым» [5]. Нельзя не признать тот факт, что подобные оценочные критерии вообще лишены какого-либо смысла в силу их спе-

цифики, поскольку ни один суд никогда не оценит степень страданий генетических родителей и суррогатной мамы.

16 мая 2017 года Пленум Верховного Суда РФ в целях обеспечения единства практики применения судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей, вынес революционное постановление, которым, заняв сторону потенциальных родителей, разъяснил, что отказ суррогатной матери дать согласие на запись родителями ребенка потенциальных родителей не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями и передаче ребенка на воспитание. И в этой связи нельзя не вспомнить афоризм Данилы Рудого: «Не так страшен закон, как его толкуют». Притом, что п. 4 ст. 51 СК РФ высказывается однозначно четко, тем не менее, Верховный Суд разъяснил, что суды не должны быть категоричны, рассматривая подобные дела, а должны при этом учитывать условия договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать отказывается дать согласие на запись истцов в качестве родителей и т.д. Фактически это означает, что суды, рассматривая дела подобного рода, должны руководствоваться не столько законом, сколько разъяснениями Пленума, что недопустимо. Нельзя в этой связи не упомянуть беспрецедентное в истории российской судебной практики решение суда г. Санкт-Петербурга по резонансному делу суррогатной матери С., отказавшейся дать согласие на запись супругов Ф., являющихся биологическими родителями, в качестве родителей. Суррогатная мать, узнав о том, что вынашивает двойню, потребовала увеличить стоимость оказываемых услуг, на что заказчики Ф. ответили отказом. После рождения детей С. подала заявление в ЗАГС, зарегистрировала их под своим именем и отказалась передавать детей заказчикам. Суррогатная мать во время судебного заседания сказала: «Я вынашивала и родила мальчиков, и по закону я их мать. А биологические родители потеряли не детей, а только мечту о них». Адвокат биологических родителей Ф. заявила, что суррогатная мать злоупотребила своим правом [6], с чем, безусловно, с точки зрения христианства нельзя не согласиться. Однако с точки зрения действующего российского законодательства подобное поведение суррогатной матери вполне законно, поскольку сам закон наделил ее этим правом, чем она и воспользовалась. Несмотря на данный факт, суд обязал суррогатную мать отдать детей их биологическим родителям [7].

Учитывая судебную практику, которая формируется в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, назрела необходимость существенным образом откорректировать действующее семейное законодательство и привести его в соответствие со всеми источниками российского права. А пока, создав прецедент в подобного рода делах, суд подтвердил предречение Фрэнсиса Бэкона: «Когда отступают от буквы закона, судья превращается в законодателя».

Библиографические ссылки

1. Трифонова Н.С., Жукова Э.В., Ищенко А.И., Александров Л.С. Суррогатное материнство: исторический обзор. Особенности течения беременности и родов // Российский вестник акушера и гинеколога. 2015. № 2. С. 49-55.
2. Гландин С.В. О вспомогательных репродуктивных технологиях и суррогатном материнстве – *de minimis curat lex?* // Судья. 2016. № 11. С. 38-43
3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС КонсультантПлюс.
4. Мнение судьи Конституционного Суда РФ С.Д. Князева // СПС КонсультантПлюс
5. Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева // СПС КонсультантПлюс.
6. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1807958/>
7. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10059717&case_uid=174C5EAB-7982-4AAE-A8FE-36B0BAD4B4E9&delo_id=5&new=5

References

1. Trifonova N.S., Zhukova E.V., Ishchenko A.I., Aleksandrov L.S. Surrogatnoe materinstvo: istoricheskii obzor. Osobennosti techeniya beremennosti i rodov (Surrogate motherhood: a historical overview. Features of the course of pregnancy and childbirth), *Rossiiskii vestnik akushera i ginekologa*, 2015, No. 2, pp. 49-55.
2. Glandin S.V. O vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh i surrogatnom materinstve – de minimis curat lex? (On auxiliary reproductive technologies and surrogate motherhood - de minimis curat lex?), *Sud'ya*. 2016, No. 11, pp. 38-43
3. Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.05.2012 № 880-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Ch.P. i Ch.Yu. na narushenie ikh konstitutsionnykh prav polozheniyami punkta 4 stat'i 51 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya» (Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from 15.05.2012 № 880-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Ch.P. and Ch.Yu. on violation of their constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law “On Civil Status Acts”). *SPS Konsul'tantPlyus*.
4. Mnenie sud'i Konstitutsionnogo Suda RF S.D. Knyazeva (Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation S.D. Knyazev). *SPS Konsul'tantPlyus*.
5. Mnenie sud'i Konstitutsionnogo Suda RF G.A. Gadzhieva (Opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation G.A. Gadzhiev). *SPS Konsul'tantPlyus*.
6. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1807958/>
7. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10059717&case_uid=174C5EAB-7982-4AAE-A8FE-36B0BAD4B4E9&delo_id=5&new=5

Дата поступления: 10.02.2018

Received: 10.02.2018

УДК 374.4

**ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ДОГОВОРА
В ГК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ГК ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**PECULIARITIES OF THE CONCEPTS
OF OBLIGATION AND CONTRACT IN
THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION AND THE CIVIL CODE
OF FRANCE: A COMPARATIVE
LEGAL STUDY**

ДЗКУЯ Шазина Валериевна

*аспирант III курса кафедры гражданского
права и процесса юридического факультета
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва,
Россия. E-mail: dzkuyas@mail.ru*

DZKUYA Shazina Valerievna

*Third Year Postgraduate Student of the Chair
of Civil Law and Procedure of the Law Faculty
of the Russian Presidential Academy of Na-
tional Economy and Public Administration,
Moscow, Russia. E-mail: dzkuyas@mail.ru*

Обязательственное право в целом как гражданско-правовой институт занимает важное место в системе гражданского права. Одними из ключевых понятий в сфере обязательственного права являются непосредственно само обязательство и договор, эффективность использования которых во многом определяет

Law of obligations in whole as a civil law institute occupies a very important place in the system of civil law. One of the key concepts in the field of law of obligations is directly the obligation and the contract, the effectiveness of their use largely determines economic relations in the country. The conceptual approach to deter-

экономические отношения в стране. Концептуальный подход к определению того, что подразумевается под обязательством и договором как таковыми также влияет на то, каким образом эти институты будут работать на практике. В этом состоит неизменная связь и взаимообусловленность теоретического понимания и практического использования рассматриваемых явлений. Институт обязательства и договора в РФ отличается существенными особенностями, как в теории, так и на практике. Обязательство в Гражданском Кодексе РФ понимается в сугубо практическом значении, договор же определяется отдельно. Такое раздельное их использование является достаточно удобным обстоятельством, не позволяющим допустить смешения понятий обязательственного права. Для более ясного выявления особенностей рассматриваемых институтов проводится сравнение со схожими институтами обязательственного права Франции, в котором отсутствует определение обязательства, как таковое.

Ключевые слова: обязательство, договор, предварительный договор, письмо о намерениях, оферта.

mining what is implied by the obligation and the contract as such also affects how these institutions will work in practice. This is the invariable connection and interdependence of the theoretical understanding and practical use of the phenomena under consideration. The institute of obligation and contract in the Russian Federation differs in essential features, both in theory and in practice. The obligation in the Civil Code of the Russian Federation is understood in a purely practical sense, the contract is determined separately. Such a separate use of them is rather convenient circumstance, which does not allow to confuse the concepts of law of obligations. For a clearer identification of the features of the institutions under consideration, a comparison is made with similar institutions of French law of obligations, in which there is no definition of obligation as such.

Key words: obligation, contract, preliminary contract, letter of intent, offer.

Система обязательственного права Франции характеризуется тесным сплетением института обязательства и договора. Титул III Книги III ФГК под названием «О договорах или о договорных обязательствах вообще» посвящен регулированию обязательственных и договорных правоотношений. В статье 1101 ФГК содержится следующее определение договора: «Договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или перед несколькими другими лицами дать что-либо, сделать что-либо, или не делать чего-либо» [4, с. 254]. В ст. 420 ГК РФ понятие договора определено следующим образом: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц, об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» [5] Как видно из двух вышеприведенных определений, подходы к определению договора в праве Франции и РФ имеют существенное отличие. Если договор в праве Франции рассматривается, в первую очередь, как средство установления обязанностей, то в праве РФ договор имеет значение, прежде всего, в качестве соглашения, преследующего определенный правовой результат. Несмотря на достаточно ясное определение договора, и его подробной классификации, в Гражданском Кодексе Франции не закреплено общего определения обязательства. Так Отделение III Титула III под названием «О силе (effet) обязательств» в статье 1134 устанавливает: «Соглашения, законно заключенные, занимают место закона для тех, кто их заключил. Они могут быть отменены лишь по взаимному согласию сторон или по причинам, в силу которых закон разрешает отмену [обязательства]...» [4, с. 259]. Отсюда вытекает, что в гражданском кодексе не проводится четкой границы между договором и обязательством, а порой данные понятия используются как синонимы, в ряде случаев заменяя друг друга. При этом в Отделении II рассматриваемого кодекса в статье 1136 следующим образом определено «обязательство дать»: «Обязательство дать [что-либо] включает в себя обязательство предоставить вещь и сохра-

нять ее до предоставления, под страхом ответственности за убытки перед кредитором»; а в статье 1142 обязательство сделать что-либо или не делать чего-либо: «Всякое обязательство сделать или не делать приводит к возмещению убытков в случае неисполнения со стороны должника» [4, с. 260]. Как видно, понятие обязательства здесь дается не в качестве совокупности определенных характерных признаков, а как определенные правовые действия и последствия. В РФ понятие обязательства достаточно ясно закреплено в Гражданском Кодексе.

В статье 307 Раздела III ГК РФ сказано: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». Здесь необходимо отметить, что определение обязательства, содержащееся в ГК РФ, наиболее близко по смыслу определению договора, данного в ГК Франции. Для того чтобы понять каким образом можно соотнести и сравнить договорные и обязательственные правоотношения в РФ и Франции, попробуем наиболее ясно определить соотношение договора и обязательств в рассматриваемых правовых системах. Как было указано выше, несмотря на то, что в ГК Франции не закреплено общего определения обязательства, его теоретическая разработка проводилась рядом классиков французской цивилистики. В теории обязательственного права Франции содержится своеобразное понимание и определение обязательства. Так Е. Годеме определяет обязательство следующим образом: «Право первого есть право требования, обременение второго есть обязательство» [1, с. 10]. Право требования кредитора Е. Годеме определяет как личное право кредитора. Обязательство понимается им как обязанность должника по отношению к кредитору: «Обязательство есть только одна сторона общественного явления, другой стороной которого является кредит. Обязательство – это кредит, рассматриваемый с юридической точки зрения; кредит – это обязательство, рассматриваемое с экономической точки зрения» [1, с. 19].

Среди характерных признаков обязательства Е. Годеме выделяет следующие: имущественная ценность, объем защиты, предоставляемый обязательственным отношениям, способы установления обязательств. Здесь необходимо также отметить, что способы установления обязательств в гражданском праве Франции тождественны способам установления вещных прав. Договор, направленный на передачу или установление вещного права на определенный телесный предмет, производит сам по себе перенесение или возникновение права [1, с. 25]. Отсюда тесное переплетение права собственности и обязательства. Второе выступает в гражданском праве Франции лишь как инструмент, с помощью которого осуществляется перенесение вещных прав. Отсюда вытекает и логика построения всей системы Гражданского Кодекса Франции. Книга 3 ФГК под названием «О различных способах, которыми приобретается собственность», наряду с наследованием (Титул I «О наследовании») и дарением (Титул II «О дарениях между живыми и о завещаниях»), включает в себя и договор, и обязательство как способы перенесения права собственности (Титул III «О договорах и договорных обязательствах вообще»). Если же брать во внимание идею построения ГК РФ, то здесь можно увидеть достаточно ясное и недвусмысленное деление вещного и обязательственного права. Раздел II ГК РФ посвящен целиком регламентированию права собственности и других вещных прав. Раздел III ГК РФ, в свою очередь, обязательственному праву, тесно связанному с предыдущим, однако, он же представляет собой обособленный блок общественных отношений. Так как вещные права и обязательственные довольно четко отделены в гражданском праве России, то логично предположить, что включение в ГК общих норм, определяющих сущностные характеристики каждого из рассматриваемых институтов, явилось наиболее оптимальным условием для кодификации ГК РФ. В свою очередь, в гражданском праве Франции не проводится четкого разграничения вещного и обязательственного прав, а обязательство рассматривается не только в тесной взаимосвязи с договором, а, порой, и как синоним договора. Такое построение правовых институтов и норм гражданского кодекса, обусловле-

но, прежде всего, тем, что право собственности, как центральный институт вещного права, занимает одно из главенствующих мест в общей системе гражданского права Франции.

Для наиболее наглядного примера возможно сравнение статьи 429 ГК РФ, содержащей определение предварительного договора, а также условия его заключения. Статья 429 ГК РФ дает следующее определение предварительного договора: «По предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором» [5]. Предварительный договор рассматривается здесь как договор, имеющий организационный характер. Содержащееся в ГК РФ указание на то, что речь идет о заключении договора о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг, без каких-либо оговорок, свидетельствует о том, что предварительный договор может предшествовать заключению основного договора любого типа (вида) [6, с. 240]. Необходимо отметить, что предварительный договор не влечет прав и обязанностей по отношению к предмету договора, кроме как обязанности заключить основной договор, а значит, данный договор не создает права на имущество. ГК выдвигает также требования к условиям рассматриваемого договора. К ним относится предмет, а также условия основного договора.

Теперь же снова обратимся к статье 1101 ФГК, содержащей определение договора. При этом необходимо отметить, что определения предварительного договора ГК Франции не дает. В комментарии к статье 1101 ФГК в качестве одного из основных «принципов» указаны предварительные договоры. В данном «принципе» содержится такое определение, как письмо о намерениях: «Несмотря на свой односторонний характер, письмо о намерениях может, в зависимости от выбранных формулировок, если оно было принято его получателем и предусматривает взаимные намерения сторон, формировать в отношении лица, подписавшего такое письмо, договорное обязательство сделать какое-либо действие, либо воздержаться от его совершения, и даже накладывать на сторону обязательство достижения определенного результата (обязательство результата). И именно судья должен с учетом положений письма о намерениях, и, не ориентируясь только на заголовок документа, дать верную квалификацию такому акту (Cass.com. 21 dec. 1987: Bull. I, n° 330)» [4, с. 433]. Однако, здесь скорее налицо сходство с понятием оферты, закрепленной в статье 435 ГК РФ: «Офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Оферта должна содержать существенные условия договора» [5]. К соглашению, имеющему своим предметом заключение в дальнейшем договора, предусматривающего обязательство заключить договор и наиболее соотносимом с определением предварительного договора, данного в ГК РФ, можно отнести лишь соглашение о купле-продаже, предусмотренного статьей 1589 ФГК. Она гласит: «Обещание продажи равносильно самой купле-продаже, если обе стороны достигли взаимного согласия относительно ее предмета и цены» [4, 550]. Как видно из приведенного, при согласовании существенных условий договора, обещание приравнивается к договору, с вытекающими отсюда последствиями.

Однако если в ФГК предварительный договор применяется лишь к договору купли-продажи, причем преимущественно к договорам купли-продажи недвижимости, то сфера применения предварительного договора в ГК РФ намного шире, так как распространяется, в целом, на все виды договоров. Данное отличие обусловлено, на наш взгляд, принципиальными отличиями построения норм ГК РФ и ФГК. Ограничение сферы применения предварительного договора в ФГК обусловлено тем местом, которое в нем занимает институт собственности. Ведь одним из основных договоров, опосредующих переход права собственности, выступает именно купля-продажа.

Библиографические ссылки

1. Евгений Годеме. Общая теория обязательств / пер. с фр. И.Б. Новицкого. М. : Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948.
2. Саватье Р. Теория обязательств, юридический и экономический очерк / пер. с фр. и вступ.ст. Р.О. Халфиной. М. : Издательство «ПРОГРЕСС», 1972.
3. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы / под ред. В.И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юридическая фирма «Контракт», 2012.
4. Французский Гражданский Кодекс 1804 года с позднейшими изменениями до 1939 года / пер. И.С. Перетерского. М. : Юридическое издательство НКЮ ССР, 1941.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017). Первоначальный текст документа опубликован в изданиях "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301. Российская газета. 1994. 8 дек.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к разделу III "Общая часть обязательственного права", под ред. Л.В. Санниковой. М. : Статут, 2016.

References

1. Evgenii Godeme. Obshchaya teoriya obyazatel'stv (General theory of obligations), per. s fr. I.B. Novitskogo. M., Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Yustitsii SSSR, 1948.
2. Savat'e R. Teoriya obyazatel'stv, yuridicheskii i ekonomicheskii ocherk (Theory of obligations, legal and economic essay), per. s fr. i vstup.st. R.O. Khalfinoi. M., Izdatel'stvo «PROGRESS», 1972.
3. Sravnitel'noe pravovedenie: natsional'nye pravovye sistemy. T. 2. Pravovye sistemy Zapadnoi Evropy (Comparative law: national legal systems. V. 2. Legal Systems of Western Europe), pod red. V.I. Lafitskogo. Moskva, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, Yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2012.
4. Frantsuzskii Grazhdanskii Kodeks 1804 goda s pozdneishimi izmeneniyami do 1939 goda (French Civil Code of 1804 with later amendments up to 1939), per. I.S. Pereterskogo, M., Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSR, 1941.
5. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 29.12.2017) (Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No 51-FZ (as amended on December 29, 2017)). Pervonachal'nyi tekst dokumenta opublikovan v izdaniyakh "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301, Rossiiskaya gazeta, 1994. 8 dek.
6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii: Postateinyi kommentarii k razdelu III "Obshchaya chast' obyazatel'stvennogo prava" (Civil Code of the Russian Federation: Article by article commentary to Section III "The general part of obligation law"), pod red. L.V. Sannikovoi. M., Statut, 2016.

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК 340

**ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ
СКЛАДОЧНОГО КАПИТАЛА
В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПАРТНЕРСТВЕ****ФАТИХОВ Руслан Винерович***аспирант кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: not.fatihova@mail.ru***FEATURES OF THE SHARE CAPITAL
CREATION IN ECONOMIC
PARTNERSHIPS****FATIKHOV Ruslan Vinerovich***Postgraduate Student of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: not.fatihova@mail.ru*

Основным назначением складочного капитала является гарантия интересов кредиторов и контрагентов, что и делает партнерство привлекательной формой для реализации инновационных инвестиционных проектов с венчурным финансированием. В работе рассмотрен механизм формирования складочного капитала в хозяйственных партнерствах. Выявлены некоторые недостатки в правовом регулировании формирования складочного капитала хозяйственных партнерств. В частности, возникают вопросы в отношении последствий нарушения обязанности участников по внесению вкладов в складной капитал партнерства. Отмечена проблема соотношения мер перехода доли участника хозяйственного партнерства и исключения недобросовестного участника хозяйственного партнерства. Сделан вывод о том, что соглашение об управлении партнерством имеет важное значение в формировании и управлении складочным капиталом хозяйственного партнерства. В то же время существуют и некоторые недостатки в правовом регулировании их деятельности, что требует законодательных изменений.

Ключевые слова: хозяйственное партнерство, товарищество, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество, Закон о хозяйственных партнерствах, складочный капитал.

The main purpose of share capital, according to the author, is to guarantee the interests of creditors and counterparties, which makes the partnership an attractive form for the implementation of innovative investment projects with venture financing. The paper considers the mechanism of the share capital formation in economic partnerships. The author has revealed some shortcomings in legal regulation of the share capital formation in economic partnerships. In particular, some questions arise concerning the consequences of the breach of participants' duty to contribute to the partnership's share capital. The author reveals the problem of a ratio of measures of transition of a share of the participant of economic partnership and exclusion of the unfair participant of economic partnership. The conclusion is drawn that the agreement on managing a partnership is important in formation and management of the share capital of economic partnership. At the same time, there are also some shortcomings of legal regulation of their activity that demand legislative changes.

Key words: economic partnership, partnership, limited liability company, joint-stock company, Law on economic partnerships, share capital.

Становление в Российской Федерации современной инновационной экономики остается в настоящее время одной из приоритетных задач. Данная задача, безусловно направлена на дальнейшее прогрессивное развитие нашей страны в международном интеграционном процессе. Современное развитие Российской Федерации, а также ее отдельных субъектов в сфере инноваций позволяет говорить о наличии достаточно большого ее потенциала, что

определяет необходимость вовлекать в гражданский оборот результаты интеллектуальной деятельности, использовать новую технику, предложения и новаторские решения.

Вышеизложенное и определяет основные цели создания хозяйственных партнерств, которые разъясняются в пояснительной записке к проектам Федеральных законов «О хозяйственных партнерствах» и «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ в связи с принятием ФЗ «О хозяйственных партнерствах» [1], которая такую форму юридического лица обозначает как наиболее эффективный инструмент инвестирования в инновационную деятельность в РФ. Предпочтительность применения в такой сфере деятельности именно хозяйственного партнерства, по мнению экспертов, определяется ещё и тем, что являясь промежуточным звеном между хозяйственными обществами и товариществами, оно, тем не менее, содержит в себе их основные признаки, наиболее подходящие для реализации поставленных перед хозяйственным партнерством задач [2, с. 18]. Следует отметить, что законодатель не стал адаптировать уже существующие организационно-правовые формы хозяйственных товариществ и обществ, так как для них характерно достаточно жесткое императивное регулирование [3, с. 34]. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (далее – ФЗ № 380), тем не менее, не раскрывает целевое назначение хозяйственного партнерства, но отражает некоторые его особенности, определяя его как созданную двумя или более лицами коммерческую организацию, в управлении деятельностью которой, могут принимать участие, как сами участники партнерства, так и иные лица в пределах и в объеме, предусмотренном соглашением об управлении партнерством [4].

В данной правовой модели хозяйственного партнерства есть целый ряд положительных моментов, характеризующих его как гибкую правовую конструкцию, обладающую рядом преимуществ для рискованных сфер предпринимательской деятельности: привлекательность для иностранных инвесторов; право на закрепление уникальной, индивидуальной системы управления в партнерстве; преодоление требований о публичном характере деятельности хозяйственных обществ и раскрытии определенного объема информации, которая может быть использована в недобросовестной конкурентной борьбе, особенно в сфере инноваций, где важными составляющими успех являются результаты интеллектуального труда; возможность поэтапного формирования складочного капитала, позволяющего привлекать дополнительные средства в случае необходимости, особенно, в процессе реализации дорогостоящего инновационного проекта, который изначально трудно просчитать. [5, с. 27].

В настоящей статье выявление особенностей формирования складочного капитала, присущее хозяйственному партнерству, представляет особый интерес. Очевидное назначение складочного капитала – гарантия интересов кредиторов и контрагентов, что и делает партнерство весьма привлекательной формой для реализации инновационных инвестиционных проектов с венчурным финансированием. Особенности формирования и изменения складочного капитала хозяйственного партнерства, регламентированы главой 3 ФЗ № 380. Согласно п.1 ст. 10 ФЗ №380 за каждым участником партнерства закреплена обязанность по внесению своего вклада в складочный капитал партнерства, соответственно освобождение участника партнерства от такой обязанности недопустимо. В соответствии с п. 4 ст.10 ФЗ № 380, складочный капитал партнерства может формироваться как денежными вкладами, так и вкладами в виде вещей или имущественных прав, либо с помощью иных прав, имеющих денежную оценку. В этой связи представляет интерес ограничение, установленное ФЗ № 380, о том, что вкладом не могут выступать ценные бумаги, за исключением облигаций хозяйственных обществ [6]. Важно отметить, как специфику формирования складочного капитала партнерства, что соглашением об управлении партнерством могут быть установлены ограничения по видам имущества и иных объектов гражданских прав, которые не могут быть внесены в качестве вклада в складочный капитал партнерства.

Запрет выпуска облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг объясняется целями создания хозяйственного партнерства – ведение венчурной деятельности предполагает объеди-

нение инвесторов и, соответственно, крупных капиталов, которые должны быть достаточны для финансирования бизнес-проекта без привлечения «внешних» инвестиций. Вместе с тем следует отметить одну из проблем относительно формирования складочного капитала, которая заключается в том, что размер его никак не конкретизирован законодателем, при этом, право установления предела достаточности собственных средств партнёрств, занимающихся определенными видами деятельности предоставлено Правительству РФ. С одной стороны, эта ситуация несомненно является плюсом предполагает гибкость регулирования деятельности хозяйственного партнерства [7, с. 57], а с другой стороны, возникает необходимость обеспечить баланс прав и интересов, как самого хозяйственного партнерства, так и третьих лиц, с которыми он вступает в гражданско-правовые отношения.[8, с. 54]. Представляется что отсутствие норм устанавливающих формальный размер складочного капитала хозяйственного партнерства, позволяют свободно создавать фирмы-однодневки, что не обеспечивает гарантии интересов кредиторов и контрагентов в отношении большинства хозяйственных партнерств. В связи с этим, минимальный размер складочного капитала партнерства должен обеспечить интересы кредиторов даже при отсутствии имущества должника [9, с.33].

Положения п. 2 ст. 10 ФЗ № 380, касающиеся вопросов ответственности за неисполнение участником обязанности по внесению вклада, позволяют отличать порядок формирования капитала партнерств от других хозяйственных обществ. Последствия зависят от того, предусмотрено ли соглашением об управлении последовательное внесение вклада. Во-первых, в законодательстве устанавливается обязанность участника партнерства уплачивать проценты за просрочку внесения вклада в складочный капитал партнерства, исходя из действующей ставки рефинансирования ЦБ РФ, а также неустойку в размере 10% годовых с невнесённой части вклада за каждый день просрочки. При этом, приведенные правила являются диспозитивными, т.е. участники партнерства могут предусмотреть как иной размер санкций, так и полностью их исключить. Тем не менее, данное положение, несмотря на схожесть его с аналогичными положениями о хозяйственных товариществах и обществах, вполне обоснованно подвергается критике. Так, одновременное взыскание процентов и неустойки, согласно вышеуказанным нормам ФЗ № 380, является нарушением принципа гражданского права о соответствии ответственности последствиям нарушения обязательства, поскольку недопустимо возлагать на участника гражданских правоотношений двойную ответственность за один деликт [10, с. 36]. Во-вторых, в случае неисполнения участником партнерства обязанности по последующему внесению части вклада в складочный капитал, при условии, если это предусмотрено соглашением об управлении партнерством, Законом предусмотрена возможность перехода невнесенной части вклада к другим участникам партнерства пропорционально размеру или стоимости принадлежащих им долей в складочном капитале партнерства с переходом на них в соответствующих долях обязанности по внесению соответствующего вклада.

Вышеизложенные требования, к формированию складочного капитала направлены, прежде всего, на обеспечение стабильности финансирования партнерства, например, при реализации инвестиционного проекта. Соответственно, исходя из п. 3 ст. 10 ФЗ № 380, если обязанность по первоначальному или последующему внесению в складочный капитал партнерства вклада или части вклада (при указании возможности его последовательного внесения в соглашении об управлении партнерством), не исполнена его участником, то это может выступать основанием для исключения данного участника из партнерства.

Исключение участника партнерства за невнесение вклада возможно как во внесудебном порядке по единогласному решению остальных участников (п. 2 ст. 7 ФЗ № 380), так и в судебном порядке, если участник партнерства нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность организации или существенно ее затрудняет (п. 1 ст. 7 ФЗ № 380). Отличительной особенностью, является то, что участники партнерства вправе инициировать судебный процесс независимо от размера их доли. Для партнерств, по общему правилу ст. 17 ФЗ № 380, предоставлено право приобретать и отчуж-

дать доли в своем складочном капитале без каких-либо ограничений при условии, если в результате такого приобретения или такого отчуждения общее количество участников партнерства будет составлять не менее чем два лица (минимальное количество участников партнерства, ограниченное п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 4 Закона). В этой связи возникает еще одна проблема соотношения мер перехода доли участника хозяйственного партнерства в рамках ст. 17 ФЗ № 380 и исключения недобросовестного участника хозяйственного партнерства в рамках п. 3 ст. 10 ФЗ № 380. Зависит ли их применение от специфики нарушения обязанности или определяется только на усмотрение партнерства (его участников)? Само содержание рассматриваемых мер различно, кроме того, установление соотношения между указанными мерами в партнерстве важно тем, что для их применения необходимы разные основания (факт нарушения – при переходе и полный состав правонарушения, в том числе и вины, – при исключении), а также в силу разного содержания самих мер. В этой ситуации, неурегулированные законодателем, партнерства, вероятнее всего сами должны будут устранять вышеизложенное противоречие в соглашении об управлении партнерством, поскольку норма (п.2 ст. 10 ФЗ № 380) о последствии в виде переходе доли к участникам в случае невнесения соответствующего вклада (части вклада) является диспозитивной [11, с. 5].

Хотелось бы обратить внимание на специфическую норму ФЗ № 380, которая, как видится, создает определенные коллизии в правовом регулировании формирования складочного капитала хозяйственного партнерства. Так, положения п. 4 ст. 11 ФЗ № 380, о том, что при выходе участника партнерства из партнерства, он не освобождается от обязанности перед партнерством по внесению вклада в складочный капитал партнерства, возникшей еще до подачи заявления о выходе из партнерства, в сравнении с содержанием п. 5 той же статьи о том, что партнерство выплачивает выбывшему участнику стоимость его доли. В этой связи возникает вопрос о необходимости внесения вклада, если он должен быть сразу же возвращен. Представляется, что законодатель, устанавливая такое положение в Законе, справедливо полагал то, что инновационная деятельность напрямую связана с приобретением и использованием интеллектуальной собственности, которая может служить вкладом в складочный капитал хозяйственного партнерства, соответственно, внесение вклада может иметь значение даже при условии, что участник партнерства намерен вслед за этим партнерство покинуть [12, с.81].

Таким образом, при формировании и управлении складочным капиталом хозяйственного партнерства важное значение имеет соглашение об управлении партнерством. Наличие складочного капитала и ответственности за нарушение сроков последовательного внесения вкладов в него, делают партнерство весьма привлекательной формой для реализации инновационных инвестиционных проектов с венчурным финансированием. В то же время существуют и некоторые недостатки в правовом регулировании последствий нарушения обязанности участников по внесению вкладов в складочный капитал партнерства, что требует законодательных изменений.

Библиографические ссылки

1. Пояснительная записка к проектам федеральных законов «О хозяйственных партнерствах» и «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» URL.: [http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_5.nsf/ByID/FB7B9C888506445FC32578A7002E7A4B/\\$File/RpP—rtf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_5.nsf/ByID/FB7B9C888506445FC32578A7002E7A4B/$File/RpP—rtf?OpenElement).
2. Серова О.А. Проблемы адаптации хозяйственного партнерства к системе юридических лиц Российской Федерации // Предпринимательское право: Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 18-21.

3. Сызганов М.В., Рыненков И.Н. Хозяйственное партнерство: новелла российского законодателя как правовой инструмент для инновационных проектов // Законодательство. 2012. № 6. С. 32-39.
4. О хозяйственных партнерствах: Федеральный закон от 03.12.2011г. № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч.5). Ст. 7058.
5. Цибенко А.Ю. Хозяйственное партнерство как организационно-правовая форма венчурного и инновационного предпринимательства (компаративное исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков: Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4084.
7. Тишин А.П. Хозяйственные партнерства – новый вид юридических лиц // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 3. С. 57-68.
8. Сабирова Л.Л. Хозяйственные партнерства как новый субъект предпринимательской деятельности // Современная юриспруденция: тенденции развития : материалы международной заочной научно-практической конференции (10 января 2012 г.). Новосибирск : Экор-книга, 2012. С. 50-56.
9. Долинская В.В. Хозяйственное партнерство в современной системе юридических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 32-35.
10. Дмитриева Л.М. Правовые последствия неисполнения обязанностей участниками хозяйственного партнерства // Право и экономика. 2012. № 4. С. 35-37.
11. Суханов Е.А. Уставный капитал хозяйственного общества в современном корпоративном праве // Вестник гражданского права. 2012. № 2. С. 4-35.
12. Серебрякова А.А. Хозяйственное партнерство: проблемы внутренней гармонизации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 79-85.

References

1. Poyasnitel'naya zapiska k proektam federal'nykh zakonov «O khozyajstvennykh partnerstvakh» i «O vnesenii izmenenij v chast pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O khozyajstvennykh partnerstvakh» (Explanatory note to the draft federal laws “On Economic Partnerships” and “On Amending Part One of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law “On Economic Partnerships”). URL.: [http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_5.nsf/ByID/FB7B9C888506445FC32578A7002E7A4B/\\$File/PuP---.rtf?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_5.nsf/ByID/FB7B9C888506445FC32578A7002E7A4B/$File/PuP---.rtf?OpenElement)
2. Serova O.A. Problemy adaptatsii khozyajstvennogo partnerstva k sisteme yuridicheskikh lits Rossijskoj Federatsii (Problems of adaptation of economic partnership to the system of legal entities of the Russian Federation), *Predprinimatelskoe pravo: Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom»*, 2013, No. 3, pp. 18-21.
3. Syzganov M.V., Rynenkov I.N. Khozyajstvennoe partnerstvo: novella rossijskogo zakonodatelya kak pravovoj instrument dlya innovatsionnykh proektov (Economic partnership: the novel of the Russian legislator as a legal tool for innovative projects), *Zakonodatelstvo*, 2012, No. 6, pp. 32-39.
4. O khozyajstvennykh partnyorstvakh: Federalnyj zakon ot 3 dekabrya 2011g. No 380-FZ (red. ot 23 iyulya 2013) (On economic partnerships: Federal Law of 03.12.2011. No. 380-FZ (as amended on July 23, 2013)), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011. No. 49 (ch.5), St. 7058.
5. Tsibenko A.YU. Khozyajstvennoe partnerstvo kak organizatsionno-pravovaya forma venchurnogo i innovatsionnogo predprinimatelstva (komparativnoe issledovanie) (Economic partnership as an organizational and legal form of venture and innovative entrepreneurship (comparative study)), *dis. ... kand. yurid. nauk. M.*, 2015.

6. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii v svyazi s peredachej Tsentralnomu banku Rossijskoj Federatsii polnomochij po regulirovaniyu, kontrolyu i nadzoru v sfere finansovykh rynkov: Federalnyj zakon ot 23 iyulya 2013 No 251-FZ (On amending certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the transfer to the Central Bank of the Russian Federation of powers to regulate, control and supervise at financial markets: Federal Law No. 251-FZ of July 23, 2013), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2013, No. 30 (Chast I), St. 4084.
7. Tishin A.P. Khozyajstvennye partnerstva—novyj vid yuridicheskikh lits (Economic partnerships are a new type of legal entities), *Uproshhennaya sistema nalogooblozheniya: bukhgalterskij uchet i nalogooblozhenie*, 2012, No. 3, pp. 57–68.
8. Sabirova L.L. Khozyajstvennye partnerstva kak novyj subiekt predprinimatel'skoj deyatel'nosti (Economic partnerships as a new subject of entrepreneurial activity), *Sovremennaya yurisprudentsiya: tendentsii razvitiya*, materialy mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (10 yanvarya 2012 g.). Novosibirsk. Ehkor-kniga, 2012, pp. 50-56.
9. Dolinskaya V.V. Khozyajstvennoe partnerstvo v sovremennoj sisteme yuridicheskikh lits (Economic partnership in the modern system of legal entities), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, No. 7, pp. 32-35.
10. Dmitrieva L.M. Pravovye posledstviya neispolneniya obyazannostej uchastnikami khozyajstvennogo partnerstva (Legal consequences of non-fulfillment of obligations by participants in economic partnership), *Pravo i ehkonomika*, 2012, No. 4, pp. 35-37.
11. Sukhanov E.A. Ustavnyj kapital khozyajstvennogo obshchestva v sovremennom korporativnom prave (Charter capital of the economic society in modern corporate law), *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2012, No. 2, pp. 4-35.
12. Serebryakova A.A. Khozyajstvennoe partnerstvo: problemy vnutrennej garmonizatsii (Economic partnership: problems of internal harmonization), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, No. 10, pp. 79-85

Дата поступления: 11.01.2018

Received: 11.01.2018

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ПРАВ, СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРИЩЕСТВАХ, ОБЩЕСТВАХ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВАХ

ФАТИХОВА Людмила Михайловна

аспирант кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: not.fatihova@mail.ru

В данной статье отражена специфика правового регулирования отношений, связанных с наследованием прав, возникающих в связи с участием наследодателя в хозяйственных товариществах, обществах и производственных

FEATURES OF THE INHERITANCE OF THE RIGHTS RELATED TO THE TESTATOR'S PARTICIPATION IN BUSINESS PARTNERSHIPS, SOCIETIES AND PRODUCTION COOPERATIVES

FATIKHOVA Liudmila Mikhailovna

Postgraduate Student of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: not.fatihova@mail.ru

This article reflects the specifics of legal regulation of the relations related to the inheritance of rights arising in connection with the testator's participation in business partnerships, societies and production cooperatives. The author

кооперативах. Автором рассмотрен механизм осуществления наследственных прав, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Кроме того, автором определены правовые особенности наследования прав, наследодателя, участвующего в предпринимательской деятельности хозяйственных товариществ и обществ и производственных кооперативах. В статье отмечаются актуальные проблемы, возникающие на практике при наследовании доли (пая) этого участника (члена) в складочном (уставном) капитале (имуществе) соответствующего товарищества, общества или кооператива. Автором отмечены противоречивость норм Гражданского кодекса РФ, определяющих особенности наследования прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах, а также прав, связанных с участием в потребительском кооперативе. Указаны некоторые проблемы правового регулирования вступления наследника в права акционера. Сделан вывод о том, что переход доли или пая в порядке наследственного правопреемства не является основанием для принятия их наследников в члены общества, товарищества или кооператива.

Ключевые слова: наследование прав, наследственное имущество, хозяйственные товарищества, общества, производственные кооперативы, предпринимательская деятельность, ценные бумаги, уставной капитал.

considers the mechanism of the implementation of hereditary rights associated with business activities. In addition, the author defines legal features of inheritance of rights, the testator involved in business activities of economic partnerships and societies and production cooperatives. The article highlights the actual problems that arise in practice when inheriting a share (portion) of this participant (member) in the share (charter) capital (property) of the corresponding partnership, society or cooperative. The author notes discrepancy of the standards of the Civil Code of the Russian Federation defining features of the inheritance of rights connected with participation in economic partnerships and societies, production cooperatives as well as the rights connected with participation in consumers' cooperatives. Some problems of legal regulation of the accession to shareholder's rights are specified. The conclusion is drawn that the transition of a share or portion as hereditary succession isn't the basis for acceptance of their successors in members of society, partnership or cooperative.

Key words: inheritance of rights, hereditary property, business partnerships, societies, production cooperatives, business activities, securities, charter capital.

Участие наследодателя в предпринимательской деятельности, предполагает, что в состав наследственного имущества могут входить акции, доли в капитале и иные права, в отношении которых законодатель предусматривает различные порядки наследования. Механизм наследования долей, паев в хозяйственных товариществах и обществах, а также в производственных кооперативах установлен в ст. 1176 ГК РФ, которая определяет, что в состав наследства участника товариществ, обществ, члена производственного кооператива входит доля (пай) этого участника (члена) в складочном (уставном) капитале (имуществе) соответствующего товарищества, общества или кооператива. Одними из спорных в научной литературе вопросов является вопрос о том, что включается в состав наследственной массы – непосредственно доля, пай или акция или же имущественные права на них. В той связи необходимо определить правовую природу доли, акции и пая. Среди ученых, нет единого мнения по данному вопросу. Так, некоторые из них, рассматривают членство в кооперативах и организациях в качестве личного неимущественного права, поскольку данные права неотчуждаемы до тех пор, пока существует членство участника в организации [1, с. 74]. Данная позиция небесспорна исходя из действующего российского законодательства. Другие настаивают на имущественном характере доли [2, с. 63]. Распространена также точка зрения понимания до-

ли в уставном капитале как право требования участника к обществу [3, с. 23]. Кроме того, есть точка зрения о правах участника общества как о самостоятельном объекте права, которым можно распоряжаться, передавая третьим лицам [4, с. 141].

Действительно, правовая природа доли, пая или акции носит, в первую очередь, имущественный характер. Однако, существует и ряд личных неимущественных прав, к которым, в частности, можно отнести право участвовать в голосовании на собраниях участников. Но, неимущественный характер таких прав является производным от имущественного характера возникающих в связи с участием в хозяйственном товариществе, обществе или производственном кооперативе, правоотношений [5, с. 53]. В этой связи, следует отметить противоречивость названия и содержания ст.ст. 1176 и 1177 ГК РФ, определяющих особенности наследования прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, производственных кооперативах, а также прав, связанных с участием в потребительском кооперативе. Так, буквальное толкование вышеуказанных статей дает нам возможность утверждать о том, что объектом наследования выступают именно доля участника товариществ в складочном капитале, доля участника общества в уставном капитале и т.д., а не права. С учетом имущественной природы корпоративных прав считаем целесообразным внести соответствующие изменения в ст.ст. 1176 и 1177 ГК РФ. Кроме того, если в состав наследства включаются доля, пай или акции, принятие такого наследства означает переход к наследникам умершего лица права быть участником общества, товарищества или производственного кооператива [6, с. 147].

Особо следует отметить некоторые проблемы правового регулирования вступления наследника в права акционера. Согласно императивным положениям ГК РФ, на вступление в члены акционерного общества и наследование акций не требуется чьего-либо согласие. В Постановлении от 13.11.2008 № 4668/08 Президиум ВАС РФ указывает, что при наличии двух и более наследников по закону они приобретают право на определенную долю в наследственном имуществе, вследствие чего возникает режим общей долевой собственности в отношении данного имущества (ст. 1164 ГК РФ) [7]. На основании п. 1 ст. 252 ГК РФ имущество, которое поступило в долевую собственность двух и более лиц, может быть разделено между ними исключительно по соглашению, при этом в случае отсутствия подобного соглашения о разделе имущества, любой участник общей долевой собственности вправе обратиться в суд с требованием о выделе его доли из общего имущества в натуре (п. 3 ст. 252 ГК РФ). Как указывает ВАС РФ, при невыполнении названного условия, даже в том случае, если при определении доли в наследстве на акции дробные акции не образуются, производить соответствующую запись в пользу наследника не допустимо. Таким образом, если иные наследники не дают согласия на подписание передаточного распоряжения, либо не представляют согласия на заключение соответствующего соглашения о разделе имущества, наследник, намеривающийся вступить в права акционера, должен получить судебный акт о выделе доли в акциях в натуре [8, с. 77]. Одной из основных проблем правового регулирования вступления наследника в права акционера заключается в том, что наследник акций может быть отстранен от участия в общем собрании акционеров и от осуществления иных прав акционера на многие годы в том случае, если он не является единственным наследником наследственного имущества в виде акций [9, 103].

При наследовании акций несколькими наследниками также следует учитывать правовую природу самих этих бумаг, поскольку акции могут быть как документарными, так и бездокументарными, а правовая природа бездокументарных и документарных ценных бумаг различна, следствие чего вещно-правовой режим распространяется на бездокументарные акции с определенной долей условности, на что не раз обращалось внимание в юридической доктрине. Так, следует признать обоснованным мнение Н. Михеевой, согласно которому необходимо разграничивать случаи наследования бездокументарных и документарных акций, поскольку документарные акции по своей природе являются вещами, как следствие такие акции поступают в общую долевую собственность наследников. При этом такие доли считаются равными, что прямо следует из содержания ст.ст. 1164-1170 ГК РФ [10, с. 17]. Вместе с

тем, по утверждению автора, правовая природа бездокументарных акций позволяет говорить не иначе как о правах требования. К таким ценным бумагам применяются нормы главы 16 ГК РФ об общей долевой собственности, однако необходимо учитывать правила ст.ст. 1165-1170 ГК РФ, посвященные разделу наследственного имущества. При этом Н. Михеева делает существенную оговорку о том, что названные нормы могут быть применимы к бездокументарным ценным бумагам исключительно в случае их соответствия их правовой природе. Реализация права на получение дивидендов наследниками обеспечивается положениями п. 4 ст. 1152 ГК РФ, в соответствии с которым принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации. При этом, до момента внесения приходной записи по счету депо или лицевому счету владельца наследника в системе ведения реестра акции продолжают учитываться на лицевом счете умершего наследодателя и наследник не может быть идентифицирован как акционер [11, с. 36].

Следует отметить, в отношении включения в состав наследственной массы корпоративных прав, действующим законодательством в одних случаях установлены определенные ограничения, а в других запрет на их включение в состав наследственной массы. Такие ограничения зависят от организационно-правовой формы юридического лица, а также от содержания его учредительных документов. Соответственно, переход доли, пая в порядке наследственного правопреемства становится допустимым с согласия иных участников юридического лица и в случае отказа в принятии в члены юридического лица, доля наследодателя переходит в собственность юридического лица, а наследнику должна быть выплачена эквивалентная наследуемой доле, паю или акциям стоимость.

В силу закона получение согласия на вступление в полное товарищество предусмотрено в отношении наследуемых прав полного товарища (п. 2 ст. 78 ГК РФ). Вступление в члены ООО или производственного кооператива зависит от содержания учредительных документов: согласие иных участников требуется, если это прямо предусмотрено учредительными документами юридического лица (п. 6 ст. 93 и п. 4 ст. 106.5 ГК РФ). Однако, в случае отсутствия соответствующего требования в уставных документах юридического лица, согласие иных участников на вступление в члены юридического лица не требуется и наследник по своему усмотрению решает этот вопрос. Положения действующего законодательства также подтверждаются судебной практикой [12]. Кроме того, помимо требуемого согласия иных участников юридического лица на вступление наследника в члены юридического лица, в ряде случаев к наследникам предъявляются определенные требования. Так, например, в силу прямого указания нормы п. 5 ст. 66 ГК РФ полными товарищами могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Все вышеизложенное обусловлено, во-первых, наличием различных организационно-правовых форм юридических лиц, а во-вторых, наличие согласия имеет целью исключить «неугодных» наследников иными членами юридического лица.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что переход доли или пая в порядке наследственного правопреемства не является основанием для принятия унаследовавших их наследников в члены общества, товарищества или кооператива. Существующие положения о порядке наследования имущественных прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах, а также в производственных кооперативах, тем не менее, не достаточно четко регулируют ряд вопросов. Во-первых, действующим законодательством не урегулированы ситуации, когда умерший являлся единоличным участником общества, хотя создание такого общества в рамках ГК РФ допустимо. Более того, если устав такого общества предусматривает согласие на вступление в ООО иных членов, то получение такого согласия становится невозможным. Далее исключается и возможность получить отказ во вступление наследников умершего единоличного участника общества, а соответственно отсутствует и возможность компенсации наследуемой доли в обществе. Представляется, что на

законодательном уровне необходимо предусмотреть правило, в соответствии с которым в подобной ситуации вступление наследника (наследников) в такое общество, товарищество или кооператив или отказ от такого вступления должно быть поставлено в зависимости от волеизъявления самого наследника (наследников).

Во-вторых, существует проблема определения действительной стоимости наследуемой доли в уставном капитале общества или товарищества. Руководствуясь ст. 1115 ГК РФ, при определении эквивалентной выплаты компенсации за унаследованную долю, сторонам следует исходить из рыночной стоимости пая или доли. Данная норма нашла выражение также в ст. 333.25 Налогового кодекса РФ [13], Федеральном законе от 29 июля 1998 года «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [14] и ряде иных актах. Стоимость пая умершего члена производственного кооператива также законодательством не определяется. Можно предположить после анализа соответствующих норм ГК РФ, что действительная стоимость пая умершего члена кооператива должна определяться по балансу, составленному на день его смерти. В этой связи, можно согласиться с мнением о том, что определение действительной стоимости наследуемой доли или пая возможно независимыми оценщиками по соглашению между наследниками, с распределением расходов за счет наследства [15, с. 29]. Однако, существует проблема в невозможности оценки стоимости, например, акций, которые не участвуют в открытых торгах, или же невозможности получить достоверную информацию от самого юридического лица, которое не заинтересовано в ее предоставлении.

В-третьих, на сегодняшний день законодательно не урегулирована процедура получения согласия на вступление наследников в число участников общества, товарищества или кооператива, если получение такого согласия необходимо в рамках учредительного документа. Следует согласиться с мнением Е.Ю. Рыбачук о том, что если такой порядок не определен самим учредительным документом, то согласие следует считать неполученным, в случае, когда после обращения наследника получен отказ хотя бы одного из полных товарищей (членов) или не получен ответ ни от кого из них в течение одного месяца с момента получения выраженного в письменной форме намерения наследника (наследников) о вступлении в товарищество, общество или производственный кооператив [16, с. 84]. Таким образом, обозначенные проблемы в правовом регулировании наследственных правоотношений, в отношении наследования имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью, свидетельствуют о необходимости дальнейшего их совершенствования.

Библиографические ссылки

1. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963.
2. Бобков С.А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. № 7. 2002. С. 63-69.
3. Кортенова Е.В. Переход доли в обществе с ограниченной ответственностью к другим лицам: на что обратить внимание при расчете налогов // Законодательство. № 9. 2006. С. 21-28.
4. Белов В.А. Имущественные комплексы: очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М. : ЮрИнфоР, 2004.
5. Ярошенко К.Б. Наследование прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2017. Вып. 22. С. 50-60.
6. Летута Т.В. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // Lex russica. 2016. № 9. С. 146-154.
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 4668/08 по делу № А40-27703/07-125-210 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 3.

8. Хузин И.И. Проблемы совместного наследования акций // Современное право. 2011. № 3. С. 76-78.
9. Руденко Е.Ю., Саенко Д.Г. Актуальные проблемы наследования акций // Власть Закона. 2016. № 3. С. 102-108.
10. Михеева Н. На одну акцию несколько наследников // Корпоративный юрист. 2007. № 5. С. 16-17.
11. Никологорская Е.И. Наследование акций (есть мнение) // Наследственное право. 2007. № 1. С. 36-37.
12. Постановление Федерального Арбитражного Суда Московского округа от 12 января 2010 г. № КГ-А40/14425-09. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
14. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
15. Виноградова О.Ю. О некоторых особенностях наследования прав, связанных с участием в хозяйственных товариществах и обществах // Юрист. 2009. № 8. С. 28-31.
16. Рыбачук Е.Ю. Наследование имущественных прав, связанных с предпринимательской деятельностью : дис. ... канд. юрид. наук. Москва 2013.

References

1. Bratus S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava (The subject and system of Soviet civil law). M., Gosyurizdat, 1963.
2. Bobkov S.A. Ustupka doli v ustavnom kapitale obshhestva s ogranichennoj otvetstvennostiyu (Assignment of a share in the authorized capital of a limited liability company), *Zhurnal rossijskogo prava*, No. 7, 2002, pp. 63-69.
3. Kortenova E.V. Perekhod doli v obshhestve s ogranichennoj otvetstvennosiyu k drugim litsam: na chto obratit vnimanie pri raschete nalogov (Transition of a share in a limited liability company to other persons: what should be revised when calculating taxes), *Zakonodatelstvo*, No. 9, 2006, pp. 21-28.
4. Belov V.A. Imushchestvennye komplekсы: ocherk teorii i opyt dogmaticheskoy konstruktssii po rossijskomu grazhdanskomu pravu (Property complexes: an essay on the theory and experience of dogmatic construction under Russian civil law). M., YurInfoR, 2004.
5. Yaroshenko K.B. Nasledovanie prav, svyazannykh s uchastiem v khozyajstvennykh tovarishhestvakh, obshhestvakh i proizvodstvennykh kooperativakh (Inheritance of rights associated with participation in economic partnerships, societies and production cooperatives), *Kommentarij sudebnoj praktiki*. Otv. red. K.B. Yaroshenko. M., Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravite'stve RF, KONTRAKT, 2017, Vyp. 22, pp. 50-60.
6. Letuta T.V. Prinyatie nasledstva kak osnovanie vzniknoveniya prav uchastnika khozyajstvennogo obshhestva (Acceptance of inheritance as the basis for the emergence of the rights of a participant in an economic society), *Lex russica*, 2016, No. 9, pp. 146-154.
7. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 13 noyabrya 2008 No 4668/08 po delu No. A40-27703/07-125-210 (Decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of November 13, 2008 No. 4668/08 in the case No. A40-27703 / 07-125-210), *Vestnik VAS RF*, 2009, No. 3.
8. Khuzin I.I. Problemy sovместnogo nasledovaniya aktsij (Problems of joint inheritance of shares), *Sovremennoe pravo*, 2011, No. 3, pp. 76-78.
9. Rudenko E.YU., Saenko D.G. Aktualnye problemy nasledovaniya aktsij (Actual problems of inheritance of shares), *Vlast Zakona*, 2016, No. 3, pp. 102-108.
10. Mikheeva N. Na odnu aktsiyu neskol'ko naslednikov (One share for several heirs), *Korporativnyj yurist*, 2007, No. 5, pp. 16-17.

11. Nikologorskaya E.I. Nasledovanie aktsij (est mnenie) (Inheritance of shares (there is an opinion)), *Nasledstvennoe pravo*, 2007, No. 1, pp. 36-37.
12. Postanovlenie Federalnogo Arbitrazhnogo Suda Moskovskogo okruga ot 12 yanvarya 2010 g. No KG-A40/14425-09 (Decree of the Federal Arbitration Court of the Moscow District on January 12, 2010 No. KG-A40). *Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «KonsultantPlyus»*.
13. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federatsii (chast vtoraya), ot 5 avgusta 2000 No. 117-FZ (red. ot 29 iyulya 2017) (Tax Code of the Russian Federation (part two): as of 05.08.2000 No. 117-FZ (as amended on July 29, 2017)), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2000, No. 32, St. 3340.
14. Ob otsenочноj deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii: Federalnyy zakon ot 29 iyulya 1998 No. 135-FZ (red. ot 29 iyulya 2017) (On appraisal activity in the Russian Federation: Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998 (as amended on July 29, 2017)), *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1998, No. 31, St. 3813.
15. Vinogradova O.YU. O nekotorykh osobennostyakh nasledovaniya prav, svyazannykh s uchastiem v khozyajstvennykh tovarishhestvakh i obshhestvakh (On some features of the inheritance of rights associated with participation in economic partnerships and societies), *Yurist*, 2009, No. 8, pp. 28-31.
16. Rybachuk E.YU. Nasledovanie imushchestvennykh prav, svyazannykh s predprinimatelskoj deyatel'nostiyu (Inheritance of property rights related to business), *Diss. ... kand. yurid. nauk*, M., 2013.

Дата поступления: 11.01.2018

Received: 11.01.2018

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 343.225

**ПРАВООТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЕРАПИИ**

БАРАНОВ Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: baranov_prof@bk.ru

СПАСЕННИКОВ Борис Аристархович

доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Москва, Россия. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

ПОГОДИНА Татьяна Григорьевна

доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, России.

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

Российский уголовный закон не раскрывает дефиницию «принудительные меры медицинского характера». В результате каждая научная школа трактует это понятие различно, что приводит к ряду негативных последствий. Характеристика правоотношений, возникающих при применении принудительных мер медицинского характера в отечественной научной юридической и медицинской литературе, также весьма разнообразна. Авторы формулируют свое видение определения и характеристики таких правоотношений. Лицо, страдающее тяжелой психической патологией, исключаящей волевое и осознанное поведение, не может нести обязанности, но имеет права, подлежащие защите со стороны уполномоченных органов.

Ключевые слова: теория права, правоотношения, принудительное психиатрическое лечение, уголовный закон.

**LEGAL GROUNDS FOR
COMPULSORY PSYCHIATRIC
TREATMENT**

BARANOV Vladimir Mikhailovich

Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: baranov_prof@bk.ru

SPASENNIKOV Boris Aristarhovich

Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Law, Doctor of Medicine, Professor. Moscow, Russia.

E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

POGODINA Tatyana Grigoryevna

Professor of the Department of Forensics of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Medical Sciences. Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

The Russian criminal law does not articulate the definition of “compulsory measures of a medical nature”. As a result, each scientific school treats this concept differently and it leads to a number of negative consequences. Characteristics of legal relations arising from the application of coercive measures of a medical nature in the national scientific legal and medical literature is also very diverse. The authors formulate their vision of the definition and characteristics of such legal relationships. It is shown that a person suffering from severe mental pathology excluding strong-willed and conscious behavior can not be held responsible, but has rights that are protected by authorized bodies.

Key words: theory of law, legal relations, compulsory psychiatric treatment, criminal law.

Глава пятнадцатая отечественного уголовного закона не раскрывает дефиницию «принудительные меры медицинского характера» (далее – принудительная терапия).¹ Сравнительный анализ трудов в области юриспруденции и медицины показывает, что общепринятого, единого определения не существует. Каждая научная школа трактует это понятие по-своему. В этих определениях с различной степенью точности и полноты вскрыты наиболее значимые признаки этих мер. В единичных трудах весьма скромно раскрывается правовая природа принудительной терапии [1, с. 48-51; 2, с. 107-109; 4, с. 53-61]. Это может приводить к ряду негативных правовых последствий, что нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 года N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера». Нередко сглаживается различие между принудительным и недобровольным лечением у врача-психиатра, между принудительной и обязательной госпитализацией. Отметим в историко-научном плане, что определение принудительной терапии отсутствовало и во всех предшествующих российских уголовных законах [9, с. 665-670]. В советской психиатрии принудительные меры медицинского характера рассматривались как «меры социальной защиты» [11, с. 19].

Полагаем, что принудительная терапия – это мера государственного принуждения, которая может назначаться, изменяться, продлеваться и прекращаться по определению суда в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние (далее – деяние) в состоянии невменяемости, а также лиц, у которых после совершения ими преступления или в период отбывания наказания за преступление впервые развилось или обострилось хроническое психическое расстройство, являющееся неизлечимым; временное психическое расстройство, что предопределяет невозможность назначения либо исполнения наказания, а также назначаемая приговором суда лицам, признанным виновными в совершении преступления во вменяемом состоянии, но страдающим психической патологией, которая не исключает состояние вменяемости, но оказывает влияние на волевой и осознанный выбор линии поведения в момент (во время) совершения преступления. Содержанием принудительных мер медицинского характера, направленных на профилактику повторного совершения общественно опасных действий, является не только лечение, но и целый ряд режимных мероприятий, ограниченных, определяемых степенью общественной опасности лица, признанного невменяемым.

Принудительная терапия заключается в динамическом наблюдении и лечении, которое направлено на возможное восстановление, укрепление психического здоровья, а также профилактику ауто- или гетероагрессивного поведения, способного вызвать совершение нового деяния, то есть причинения вреда себе или окружающим, иного существенного вреда, а также на повышение качества их жизни и адаптации в обществе [12, с. 1109-1115]. Принудительная терапия дает возможность защитить законные интересы и права лица с тяжелой психической патологией. В силу п. 3 ч. 1 ст. 51 и ст. 438 УПК РФ в производстве о применении принудительной терапии участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Такие лица признаются нетрудоспособными на весь период стационарного лечения и имеют право на получение пенсии и пособий в соответствии с законодательством об обязательном социальном страховании.

О сложности раскрытия правоотношений, которые возникают в связи с применением принудительной терапии, писали С.Б. Пономарев [8, с. 119-122] и другие правоведы [6, с. 71-75; 7, с. 76-80; 9, с. 33-40]. В.Г. Белоус считает, что нормы, посвященные в уголовном законе принудительной терапии, не могут регулировать уголовные правоотношения, несмотря на то, что находятся в соответствующем кодексе. Автор объясняет свою позицию тем, что задача уголовного закона связана с защитой от криминальных посягательств. Деяние психически больного, лишенного способности осознавать свое поведение и руководить им, не относится к криминальному посягательству, так как это деяние не содержит всех признаков, необходимых для состава преступления [3, с. 26-32]. Но, назначение принудительной терапии субъекту, который признан виновным и при этом страдает психической патологией, которая не исключает

вменяемости, полностью опровергает доводы В.Г. Белоуса. А.О. Дивитаева считает, что деяние, совершенное психически больным в состоянии невменяемости, это – факт, порождающий правовое отношение. Суд, установив этот факт, вправе применить к лицу принудительную терапию. Субъектами правового отношения являются, с одной стороны, государство, а с другой – лицо, которое во время совершения деяния, не обладало способностью осознавать общественную опасность своих действий и (или) ими руководить [5, с. 61-66]. Но исследователь не указывает: каким образом лицо, которое не способно к волевому и осознанному поведению, может нести обязанности, предусмотренные этим правоотношением. Думается, что человек, лишенный волевого и осознанного поведения, не может нести юридические обязанности, но нуждается в охране государством его прав. С.Б. Пономарев также считает позицию А.О. Дивитаевой не вполне точной: «в ходе разрешения такой проблемы, следует исходить из того, что уголовно-правовым регулированием предусмотрена возможность применить принудительное психиатрическое лечение в отношении как полностью невменяемых, так и в отношении тех, кто совершил преступление, пребывая в ограниченной вменяемости». Последнее словосочетание нельзя принять с учетом названия двадцать второй статьи уголовного закона.

Наибольшие проблемы возникают при исследовании характера правоотношений, которые порождаются деяниями невменяемого лица. Применение принудительного психиатрического лечения к таким больным предусмотрено уголовным законом. Отсюда следует, что уголовно-правовые нормы и регулируют правоотношения, связанные с назначением, отменой или изменением принудительного лечения. Правовым фактом, способным породить возникновение таких отношений, является совершение тех деяний, которые указаны в Особенной части уголовного закона. Субъектом в таком правоотношении является, с одной стороны, «лицо, которое совершило общественно опасное деяние в болезненном состоянии невменяемости, а с другой – Российское государство (в лице уполномоченных органов)» [8, с. 119-122]. Рассматриваемые правоотношения объективно возникают во время совершения лицом деяния, запрещенного конкретной нормой Особенной части УК РФ. Моментом окончания указанного правоотношения будет прекращение принудительного лечения на основании постановления суда в случае выздоровления или изменения характера психического расстройства. Следует согласиться с тем, что правоотношения, возникающие в связи с применением принудительной терапии – это вид уголовно-правовых правоотношений, которые возникают как в результате совершения общественно опасного деяния, так и при совершении собственно преступления. Но, особенности таких правоотношений С.Б. Пономарев не раскрывает. По нашему мнению, основаниями для возникновения рассматриваемого правоотношения могут являться следующие обстоятельства:

Первое. Установление юридического факта о совершении деяния, которое предусматривается уголовным законом, но при этом лицо, его совершившее, во время деяния пребывало в состоянии невменяемости, то есть не имело волевого и осознанного поведения вследствие хронической, временной или «пограничной» психической патологии. До восстановления способности больного к волевому и осознанному поведению правоотношение имеет односторонний охранительный характер. Субъектами такого правоотношения являются, с одной стороны, государство (специально уполномоченные органы), с другой – лицо, страдающее психическим расстройством, совершившее общественно опасное деяние. Содержание правоотношений – субъективные права и юридические обязанности этих субъектов. Государство может назначить лицу принудительную терапию, но, обязано выбрать только тот режим исполнения, который соответствует актуальному психическому статусу больного, опасности ауто- или гетероагрессии с его стороны. Больной человек имеет право на тот вид принуждения, который соответствует его актуальному психическому статусу, но, такой пациент не может иметь и исполнять обязанности, поэтому правовые отношения носят односторонний охранительный характер.

Второе. Установление юридического факта о совершении преступления вменяемым субъектом, то есть обладавшим способностью к волевому и осознанному поведению, но не в полной мере, вследствие «пограничной» психической патологии, слабоумия, состояния ре-

миссии хронической психической патологии. В таком случае правоотношение имеет уголовно-правовой характер и его содержание полное, и связано с уголовной ответственностью и исполнением наказания. Государство вправе назначить лицу амбулаторную принудительную терапию, соединенную с исполнением наказания, но обязано направить осужденного в то исправительное учреждение, где существует возможность оказания психиатрической помощи. Лицо, совершившее преступление, обязано подвергнуться наказанию и соединенной с ним принудительной терапией, но имеет право на пребывание в том исправительном учреждении, где возможно получить психиатрическую помощь амбулаторно.

Третье. Установление юридического факта о совершении преступления вменяемым субъектом, у которого после его совершения возникла острая психическая патология (либо обострение хронической психической патологии), которая определяет невозможность назначения или исполнения наказания. На этапе принудительной терапии с целью восстановления способности лица к волевому и осознанному поведению правоотношение имеет односторонний охранительный характер. После достижения целей принудительной терапии, восстановления способности лица к волевому и осознанному поведению, правоотношение принимает обычный уголовно-правовой характер, а лицо может подлежать уголовной ответственности и способно отбывать наказание.

Меры, предусмотренные главой пятнадцатой отечественного уголовного закона, относятся к иным мерам уголовно-правового характера, предусмотренным статьей второй УК РФ.

Примечание

¹Термин «принудительная терапия» является наиболее приемлемым, поскольку предполагает уход и лечение.

Библиографические ссылки

1. Агеева М.Н. О видах принудительных мер медицинского характера // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 3-4. С. 48-51.
2. Белоус В.Г. Критический анализ публикаций, посвященных проблеме невменяемости // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6. С. 107-109.
3. Белоус В.Г., Голодов П.В. Актуальные проблемы юридической психологии // Вестник международного Института управления. 2015. № 1-2. С. 26-32.
4. Бычкова А.М. Региональная динамика состояния общественно-опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 53-61.
5. Дивитаева А.О. Научная школа медицинского права «Института управления» // Вестник международного Института управления. 2015. № 3-4. С. 61-66.
6. Козаченко И. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающим вменяемости // Государство и право. 2001. Т. 74. № 5. С. 71-75.
7. Малинин В.Б., Попов В.В. К вопросу о субъекте преступления в уголовном праве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2009. № 7. С. 76-80.
8. Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI-XIX веков // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. Т. 26. № 2. С. 119-122.
9. Спасенников Б.А. Клинико-криминологический анализ расстройств личности у осужденных // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 33-40.
10. Спасенников Б.А., Спасенникова М.Г. Нервно-психическая патология и преступное поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 665-670.

11. Судебная психиатрия : учебник для сред. юрид. школ / под ред. Я.М. Калашника и Д.Р. Лунца. М. : Госюриздат 1958.
12. Spasennikov B.A., Pertly L.F., Kaluzhina M.A. Cerebral Pathology and Criminal Behavior // Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences. 2017, v. 8, no. 3, pp. 1109-1115.

References

1. Ageeva M.N. O vidakh prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera (On the types of compulsory medical measures), *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*, 2014, No. 3-4, pp. 48-51.
2. Belous V.G. Kriticheskii analiz publikatsii, posvyashchennykh probleme nevmenyaemosti (Critical analysis of publications on the problem of insanity), *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki*, 2013, No. 5-6, pp. 107-109.
3. Belous V.G., Golodov P.V. Aktual'nye problemy yuridicheskoi psikhologii (Actual problems of legal psychology), *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya*, 2015, No. 1-2, pp. 26-32.
4. Bychkova A.M. Regional'naya dinamika sostoyaniya obshchestvenno-opasnogo povedeniya lits, ne dostigshikh vozrasta ugovnoyi otvetstvennosti (Regional dynamics of the state of socially dangerous behavior of persons who have not reached the age of criminal responsibility), *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2012, No. 1, pp. 53-61.
5. Divitaeva A.O. Nauchnaya shkola meditsinskogo prava «Instituta upravleniya» (Scientific School of Medical Law "Institute of Management"), *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya*, 2015, No. 3-4, pp. 61-66.
6. Kozachenko I. Voprosy ugovnoyi otvetstvennosti i nakazaniya lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami, ne isklyuchayushchim vmenyaemosti (Questions of criminal responsibility and punishment of persons suffering from mental disorders that do not exclude responsibility), *Gosudarstvo i pravo*, 2001, T. 74, No. 5, pp. 71-75.
7. Malinin V.B., Popov V.V. K voprosu o sub"ekte prestupleniya v ugovnom prave (To the question of the subject of crime in criminal law), *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2009, No. 7, pp. 76-80.
8. Ponomarev S.B. Problema vmenyaemosti v rossiiskom ugovnom prave XVI-XIX vekov (The problem of sanity in the Russian criminal law of the 16th-19th centuries), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2016, T. 26, No. 2, pp. 119-122.
9. Spasennikov B.A. Kliniko-kriminologicheskii analiz rasstroistv lichnosti u osuzhdennykh (Clinical and criminological analysis of personality disorders in convicts), *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, No. 2, pp. 33-40.
10. Spasennikov B.A., Spasennikova M.G. Nervno-psikhicheskaya patologiya i prestupnoe povedenie (Nervous-psychic pathology and criminal behavior), *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2016, T. 10, No. 4, pp. 665-670.
11. Sudebnaya psikhiatriya (Forensic psychiatry), *uchebnik dlya sred. jurid. shkol*, pod red. Ya.M. Kalashnika i D.R. Luntsa. Moscow, Gosyurizdat 1958.
12. Spasennikov B.A., Pertly L.F., Kaluzhina M.A. Cerebral Pathology and Criminal Behavior. *Research Journal of Pharmaceutical, Biological and Chemical Sciences*, 2017, v. 8, no. 3, pp. 1109-1115.

Дата поступления: 19.01.2018

Received: 19.01.2018

УДК 316.346.32

**ОСУЖДЕННЫЕ – БЫВШИЕ
РАБОТНИКИ СУДОВ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
КАК ОСОБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА****ГАЙДАЙ Мария Константиновна***доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия. E-mail: mkgfip@mail.ru***CONVICTS - FORMER COURT AND
LAW ENFORCEMENT OFFICIALS
AS A SPECIAL SOCIAL GROUP****GAIDAI Maria Konstantinovna***Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia. E-mail: mkgfip@mail.ru*

Глобальные изменения в современном обществе, обусловленные укреплением позиций правового государства, сделали актуальными исследования в области пенитенциарной социологии. Исследование личностных характеристик различных категорий осужденных, специфики их взаимоотношений, быта, особенности адаптации к новым реалиям пенитенциария, отклоняющееся поведение осужденных и другие аспекты является важным и практически ориентированным направлением в рамках гуманизации и либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства. Пенитенциарное поведение, особенности социального облика и другие вопросы пенитенциарной социологии, имеющие отношение к такой категории осужденных, как бывшие работники судов и правоохранительных органов, крайне редко рассматриваются в преломлении к данной социальной группе. Актуализация проблем, связанных с данной социальной группой, инициирует направления поиска исправительно-воспитательных мер воздействия на осужденных, а также специальную подготовку сотрудников исправительных учреждений.

Ключевые слова: осужденные, социальная группа, общественная группа, бывшие сотрудники правоохранительных органов.

Global changes in modern society, which took place due to the strengthening of the rule-of-law state, have brought up to date researches in the field of penitentiary sociology. The study of personal characteristics of different categories of convicts, the specifics of their relationships, everyday life, peculiarities of adaptation to new realities of penitentiary, convicts' deviant behavior and other aspects is indeed an important, necessary and practically oriented direction in the framework of humanization and liberalization of criminal and criminal-executive policies of our state. Penitentiary behavior, social characteristics and other issues of penitentiary sociology relevant to such a category of convicts, as former court and law enforcement officials, are rarely considered to be refractive to this social group. At the same time, the actualization of the problems associated with this social group initiates searches for corrective-educational measures of influence on convicts, as well as special training for the staff of correctional institutions.

Key words: convicts, social group, public group, former law enforcement officials.

Исследования в области пенитенциарной социологии в последнее время ведутся достаточно активно. Изучению подлежат взаимоотношения, быт, особенности адаптации к новым реалиям пенитенциария, отклоняющееся поведение осужденных и другие аспекты. Большое внимание всегда уделялось изучению личности лиц, изолированных от общества по приговору суда. Считается, что исследование личностных характеристик различных категорий осужден-

ных является важным, необходимым и практически ориентированным направлением в рамках гуманизации и либерализации уголовной и уголовно-исполнительной политики нашего государства. Анализ личности осужденных к лишению свободы нередко рассматривается в качестве предпосылки для индивидуализации и повышения эффективности воспитательно-исправительного воздействия во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

В то же время наименее изученной остается такая категория осужденных как бывшие работники судов и правоохранительных органов. Пенитенциарное поведение, особенности социального облика и другие вопросы пенитенциарной социологии крайне редко рассматриваются в преломлении к данной социальной группе. В связи с чем, тематика данной статьи видится актуальной и практически ориентированной. Актуализация проблем, связанная с изучением данной социальной группы, инициирует направления поиска исправительно-воспитательных мер воздействия на осужденных, а также специальную подготовку сотрудников соответствующих исправительных учреждений. В основу работы положено исследование, проведенное в исправительной колонии строгого режима, расположенной в Иркутской области, в которой отбывают наказание осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов. Социальная изоляция накладывает на человека серьезный отпечаток. Она изменяет его психическое состояние, образ жизни, влияет на характер взаимоотношений и т.д. «Изоляция от общества и воздействие тюремной субкультуры негативно влияет на психику и личность осужденного, ведет к ослаблению или потере социально полезных связей и осложняет процесс его исправления» [5, с. 48]. Для всех осужденных к лишению свободы характерно постоянное ощущение изоляции от общества, связанное с помещением в исправительное учреждение и с ограничением привычных прав и свобод человека и гражданина. «Реально лишение свободы означает временное исключение личности из макросистемы общества; означает временное исключение человека из нормальных условий воспроизводства общества, из привычной микросреды» [4, с. 76] – отмечают Р.С. Маковик и Н.Р. Бессараб. Все это относится и к рассматриваемой нами особой группе осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов. Кроме того, среди особенностей отличающих осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов как особую социальную группу можно назвать факт т.н. двойной изоляции. Замкнутость пространства, строгая регламентация жизни, тотальная дисциплина относятся к числу характеристик любых лиц, изолированных от общества. Однако данная категория осужденных с одной стороны изолированы от общества, а с другой от иных осужденных. Данное обстоятельство отражено в законе, в частности в ч. 3 ст. 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации отмечается возможность содержания осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов в отдельных исправительных учреждениях.

С фактом изоляции меняется непосредственное социальное окружение: человек лишается возможности выбирать контрагентов для общения (их распределением по отрядам занимается администрация учреждения), вынужден постоянно находиться в среде девиантов, преступников, коим по закону является и сам. Специалисты отмечают, что в условиях изоляции происходит «деформация общения осужденных» [9, с. 60-62], обусловленная наличием криминальной субкультуры. Действительно, общение осужденных в условиях пенитенциария нередко сложно назвать недеформированным, нормальным, соответствующим сущности человеческого взаимодействия. Изменения, происходящие в личности осужденных, меняют и систему их социальных связей и отношений в микросреде пенитенциария. И происходящие сдвиги связаны с существующей там субкультурой. Лица, изолированные от общества и содержащиеся в исправительных учреждениях всегда на виду, у них отсутствует личное пространство, т.н. «закулисье». Постоянный и ограниченный круг общения способствует выработке неформальных связей и отношений, которые ложатся в основу их жизни. Исследование показало, что, несмотря на особенности спецконтингента, даже в учреждениях, где отбывает наказание рассматриваемая категория осужденных, существуют неформальные нормы и правила поведения. Более 70% опрошенных признали существование в исправительном учреждении криминальной суб-

культуры. При этом 21,6% указали, что проявления субкультуры имеют свою специфику, а 28,4% отметили существование лишь отдельных ее элементов, ссылаясь также на особенности лиц, отбывающих уголовное наказание. 24% респондентов просто заявили о ее существовании (как и в любом другом исправительном учреждении). А 26% считают, что пенитенциарной субкультуры в их учреждении не существует (Диаграмма 1).

Диаграмма 1

В то же время, говоря о причинах появления и распространения пенитенциарной субкультуры среди осужденных (диаграмма 2), практически половина опрошенных (50,8%) считают, что сама жизнь в исправительном учреждении диктует определенные правила поведения, которые в дальнейшем становятся элементами субкультуры. 17,3% уверены, что поддержанием и распространением тюремно-лагерной субкультуры занимаются те, кто отбывает наказание повторно. 15,7% видят причину ее распространения в лице тех, кто осужден к длительным срокам лишения свободы. Остальные респонденты отметили, что никогда об этом не задумывались и не знают причин распространения и живучести данного пенитенциарного феномена. Специалисты-исследователи в области криминальной субкультуры отмечают, что в условиях изоляции всегда существовали субкультурные проявления особого рода. «Концентрация криминальной субкультуры в местах лишения свободы не удивительна в силу социальной изоляции, принудительно помещенных туда однополых людей, каждый из которых представляет собой значительную общественную опасность. Тюрьма, острог и каторга традиционно всегда были местом, где процветала особая субкультура» [1, с. 73].

Диаграмма 2

Также стоит отметить, что по признанию осужденных из числа бывших работников судов и правоохранительных органов подавляющее большинство из них (91,9%) знают понятия и традиции, существующие в пенитенциарии. Конечно, причины и отношение к ним они выразили различное. 29,2% знают традиции и обычаи, но считают, что необходимости следовать им нет. 27% опрошенных признались, что знание неформальных норм и традиций уголовного мира связано с их предыдущей профессиональной деятельностью: «Знаю, так как когда-то работал с преступниками». 12,4% осужденных из числа изучаемой нами социальной группы, знают лишь те нормы и правила неформальной субкультуры, которые действуют в рамках исправительного учреждения, углубленно они в них не вникали, и знать не хотят. 11,9% не только знают их, но и считают, что они необходимы для регулирования отношений между осужденными. Полагая, что такие знания им необходимы, так как они находятся в местах лишения свободы. Немногим меньше, 11,4% признались, что знают неформальные нормы и традиции, но свое отношение к ним выразили негативно: «Знаю, но считаю, что не все их можно и нужно придерживаться, так как большинство из них усложняют жизнь в исправительном учреждении». И это действительно так. Даже наличие неофициальных норм уже создает коллизию между ними и правовыми нормами, что, само по себе, является девиантным и негативно отражается на жизни осужденных. Из всех проанкетированных осужденных лишь 8,1% указали, что не знают криминальных норм и правил поведения. Из них 0,5% приходится на тех, кто только что попал в пенитенциарное учреждение и признались, что пока еще не знакомы с такими проявлениями субкультуры, но указали, что их придется освоить, чтобы успешно адаптироваться к условиям отбывания наказания и жизни в пенитенциарии.

Диаграмма 3

Одним из проявлений пенитенциарной субкультуры является, существующее в условиях изоляции неформальное иерархическое деление осужденных. Сам факт наличия неофициальной дифференциации уже является проявлением пенитенциарной девиантности. Несомненно, что в большей степени такое неформальное построение осужденных присуще исправительным учреждениям, в которых отбывают наказание адепты криминальной субкультуры. Попадая в места лишения свободы, каждый осужденный причисляется к одной из категорий, страт, «мастей». Однако анкетирование респондентов из числа бывших работников судов и правоохранительных органов показало, что и в специальном исправительном учреждении, такое деление существует (диаграмма 4). Как иллюстрирует диаграмма, более 60% опрошенных признают существование в их учреждении неофициального деления осужденных. Естественно такое деление негативно отражается на жизнедеятельности осужденных. Подобная градация заключенных характеризуется своей определённой жесткостью. То, что тюрем-

ное сообщество характеризуется глубоко иерархической структурой неформальных категорий, их опорой на персонифицированные отношения, жестким и бескомпромиссным характером норм, регулирующих взаимодействия между представителями различных «каст» является достаточно известным. Однако наличие подобного деления в исправительном учреждении, где отбывают наказание бывшие работники судов и правоохранительных органов, является удивительным и требует изучения, с целью минимизации, т.к. данная категория осужденных остается менее изученной.

Диаграмма 4

Наличие криминальной субкультуры, ее знание, а также существование такого ее проявления как неформальное кастовое деление осужденных в среде исследуемой нами категории осужденных говорит о том, что сложившаяся в пенитенциарии социальная микросреда способна воздействовать на личность, поведение и поступки осужденных.

Изменение прежнего социального статуса для изучаемой группы осужденных связано с его резким понижением. Прежние социальные связи распадаются не только в связи с изоляцией человека, но и в связи с клеймом «зека», которое сохраняется и после отбытия срока лишения свободы. Социальное клеймение нередко ведет к социальной исключенности после освобождения из мест лишения свободы. Данное обстоятельство является наиболее серьезным препятствием в адаптации к новым условиям жизнедеятельности для осужденных из числа бывших сотрудников правоохранительных органов. Как и иные осужденные, бывшие сотрудники правоохранительных органов при попадании в исправительные учреждения испытывают сильнейший психологический стресс. Л.Ю. Перемолотова указывает, что преступление накладывает отпечаток на психику осужденного, который пережил процедуру судопроизводства, а в местах лишения свободы стал испытывать негативное влияние со стороны других осужденных. Под таким воздействием у людей меняются нравственные установки, отношение к окружающему миру, к самому себе, нарушаются былые социальные связи, в том числе семейные и профессиональные контакты, которые носили положительный оттенок. Более того, за годы пребывания в исправительных учреждениях у осужденных могут развиваться психические аномалии и жизненные катастрофы, обусловленные изоляцией от общества [8, с. 78]. Но в отношении изучаемой нами категории осужденных психологическая составляющая носит несколько иной характер, имеет особенности. Стресс, спустя некоторое время, так или иначе, проходит. А представителей данной категории осужденных с самого начала их пребывания в местах лишения свободы преследует сложное психоэмоциональное состояние, которое можно назвать «психологический диссонанс». Сотрудники правоохранительных органов по выполняемым ими функциям стоят на страже закона, призваны защищать права и интересы других лиц. К выполнению подобных функциональных обязанностей их учили и готовили, они отдали подобной деятельности какую-то часть своей жизни. Совершив пре-

ступление, нарушив закон, такой сотрудник переходит на другую сторону, становится противником своих бывших коллег, по сути дела предателем. Это вызывает значительный психологический диссонанс. Начинается анализ того, что он потерял в результате своего противоправного поведения (благополучную жизнь – свою и близких, карьеру, почет, понимание окружающих, безбедное будущее и т.д.) и что приобрел (годы (существование) «за решеткой», позор на себя и близких, материальные, моральные, психические проблемы и т.п.). Здесь же, в какой-то степени влияют морально-этические (хотя и несколько эфемерные, в современных реалиях) понятия как совесть (муки совести) и стыд.

Конечно, сколько людей, столько и судеб. Одни люди легко ранимы, эмоциональны. Другие же их противоположность – психологически устойчивы и крепки. Но эффект «психологического диссонанса», в той или иной степени влияет на всех бывших сотрудников правоохранительных органов осуждённых к лишению свободы. Попадая в закрытое социальное пространство пенитенциарного типа, человеку приходится адаптироваться к новым для него условиям жизни. Исследователи отмечают: «Человек, поступающий в исправительное учреждение в первый раз, переживает второе рождение, сталкиваясь с проблемами адаптации к новым условиям. Ему надо осваивать новые роли, нормы и ценности, реализовывать свои интересы в изменившемся контексте. Формируется иное пространство повседневной жизни, в котором востребованы иные человеческие качества и способности, манифестируются притязания иных ценностей на значимость» [2, с. 98].

Представителей данной социальной группы осужденных характеризуют следующие признаки. Говоря о гендере отметим, что анкетирование проводилось в мужском исправительном учреждении. Кроме того, в связи с тем, что до осуждения представители изучаемой социальной группы осужденных в профессиональном плане были работниками судов, Федеральной службы безопасности России, прокуратуры России, Федеральной службы исполнения наказаний России, Министерства внутренних дел России и других государственных органов, при наборе на работу в которые приоритет остается за мужчинами, то среди них большинство мужчин. О возрасте рассматриваемой нами социальной группы осужденных можно сказать следующее (диаграмма 5).

Диаграмма 5

Среди представителей данной группы осужденных наиболее многочисленными являются осужденные не только трудоспособного возраста, но и зрелого возраста. Так, на возрастной диапазон 41-50 лет приходится 28,4% опрошенных нами осужденных. Лиц в возрасте 31-35 лет среди рассматриваемой категории 24,8%. Еще меньший процент 20,8% приходится на 36-40 лет. Лица более молодого возраста среди осужденных из числа бывших сотрудников правоохранительных органов встречаются реже: на 26-30 лет приходится 14,0%, а тех, кто

моложе 25 лет, а именно от 18 до 25 лет – 4,4%. Кроме того, невелико среди представителей данной социальной группы осужденных лиц 50 лет и старше – 7,6%, что, скорее всего, также обуславливается их бывшей профессиональной деятельностью.

Среди характеристик осужденных стоит обратить внимание на уровень их образования. От образованности человека зависят его ценностные ориентации, поведение, интересы и увлечения, а также круг и манеры общения. В юридической литературе образование рассматривается как антикриминогенный фактор. Образование влияет на социальные взгляды и личностные привычки, носителем которых является каждая личность. Отметим, что среди иных категорий осужденных уровень образования исследователями отмечается как достаточно низкий. Более того, во время последней специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей 2009 г. появилась категория осужденных, вообще не имеющих образования [6, с. 10]. Наше же исследование показало, что среди осужденных из числа бывших работников судов и правоохранительных органов образование есть у всех опрошенных (диаграмма 6).

Диаграмма 6

Так, 30,8% осужденных имели высшее образование, 20,4% – незаконченное высшее, у 30,4% было среднее специальное образование и лишь у 18,4% общее среднее. Лиц, не имеющих образования, выявлено нами не было. В практическом плане, для организации и проведения воспитательных и иных исправительно-трудовых мероприятий интерес представляют данные о том, какое именно образование было (или какое образование они получали) до осуждения. В ходе анкетирования, респонденты – 41,7% отметили, что обладали юридическим образованием, что соответствует их роду деятельности (профессии) до осуждения. Экономическими знаниями владели 21,3% осужденных и столько же – 21,3% обладали дипломами (или обучались) педагога. Техническое образование до осуждения было у 11,8% респондентов, и остальные – 3,9% указали на наличие психологического или медицинского образования. Еще раз отметим, что по уровню образования данная социальная группа осужденных принципиально отличается от иных категорий лиц, изолированных от общества. Данную особенность исследуемой социальной группы следует учитывать в деятельности по работе с осужденными данной категории. С учетом уровня образования возможна организация максимально эффективной индивидуальной работы с осужденными. Как указывают С.А. Кутякин и Г.В. Курбатова: «... формирование негативного отношения осужденного к совершенному им преступлению, выработка позитивных волевых и высоких нравственных качеств, определенное развитие интеллектуальных навыков способствуют выработке у осужденного модели правопослушного поведения даже в складывающейся криминальной ситуации» [3, с. 71].

К характеристикам, отличающим осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов от иных осужденных, следует так же отнести наличие семьи на момент совершения преступления (диаграмма 7). В литературе наличие семьи нередко рассматривается в качестве антикриминогенного фактора, однако, данное обстоятельство неприменимо к изучаемой нами категории осужденных. Являясь одним из институтов общества, а

также малой социальной группой семья непосредственно влияет на поведение, поступки, да и вообще жизнь любого человека. Именно из семьи человек принимает первые нормы и эталоны поведения. В семью же он обращается за психологической защитой или эмоциональной поддержкой. Велика роль семьи в формировании личности, социализации человека. Будучи первичной фазой социализации, семья влияет и на профессиональную сферу человека, на его отношение к профессии. Воспитательный потенциал семьи глобален. Семья оказывает влияние на формирование мировоззрения и потребностей человека, его социальных ориентаций, даже на конфликты и их причины. Исследователи в области социологии семьи отмечают: «это один из фундаментальных институтов общества, придающий ему стабильность и способность восполнять население в каждом следующем поколении. В то же время она выступает малой социальной группой, в которой протекают основные процессы человеческой жизни и которая настолько связана с жизнью каждого индивида, что накладывает отпечаток на все его развитие. Семья – это социальная группа, которую человек легче всего идентифицирует с собой, своими интересами, своим существованием» [7, с. 3].

Диаграмма 7

Приоритетное большинство – 76,8% респондентов из числа бывших работников судов и правоохранительных органов, до осуждения имели семьи. При этом 44,8% опрошенных состояли в официально зарегистрированных отношениях и только 32% жили семьей без оформления отношений в органах ЗАГС. 10,8% отметили, что на момент совершения преступления находились в разводе. Вдовцами были 1,2%. А все остальные – 11,2% – холостые. Более того, в семьях 77,2% осужденных – бывших работников судов и правоохранительных органов были дети (22,8% детей не имели). По данным специальной переписи осужденных 2009 г. среди всех осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, подавляющее большинство, а именно 77,1% не имели семьи [2, с. 9]. Таким образом, еще одной особенностью данной социальной группы осужденных, отличающих ее от иных осужденных, является наличие семьи.

Подводя итог, отметим, что осужденные, содержащиеся в специальных исправительных учреждениях для бывших работников судов и правоохранительных органов, могут рассматриваться как особая социальная группа, отличная от иных категорий лиц, изолированных от общества по приговору суда. Данная группа характеризуется трудоспособным, но в тоже время и зрелым возрастом; связанным с предыдущим родом деятельности специфическим восприятием действительности, которое усугубляется замкнутостью пространства, где проходит их жизнедеятельность, наличием строгой регламентации и дисциплины; наличием хорошего образования, семьи и детей до осуждения; резким изменением, в сторону кардинального понижения своего прежнего социального статуса; приобретением социальных ролей и функций, выполнять которые они обязаны не только в связи с наличием законодательных обязанностей и запретов, но и в связи с существованием в их среде неформальных норм и

требований, идущих вразрез и противоречащих официальным. От изученности характеристик данной социальной группы осужденных зависит ряд практических составляющих механизма реализации исполнения наказания в виде лишения свободы. К их числу относится распределение осужденных по отрядам, организация образовательной деятельности и профессиональной подготовки осужденных, реализация воспитательно-исправительных функций пенитенциарного учреждения, а также в целом функционирование исправительного учреждения.

Библиографические ссылки

1. Антонян М.Ю., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 72-79.
2. Елютина М.Е., Темаев Т.В. Поведенческие особенности пожилых осужденных // Социологические исследования. 2015. №4. С. 95-104.
3. Кутякин С.А., Курбатова Г.В. Комплексный подход к пониманию индивидуальной работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2016. С. 69-73.
4. Маковик Р.С., Бессараб Н.Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве. М. : Издательство «Экзамен», 2007.
5. Михайлов А.Н. Социально-психологические проблемы лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2016. №4. С. 47-51.
6. Лысягин О.Б., Акимов С.К. Осужденные в тюрьмах. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / под ред. д.ю.н., проф. В.И. Селеверстова. Вып. 3. М. : ИД «Юриспруденция», 2011.
7. Осинский И.И., Гылыкова Э.В. Бурятская городская семья на рубеже XX-XXI веков. Социологический анализ. Улан-Удэ : Издательство бурятского госуниверситета, 2003.
8. Перемолотова Л.Ю. Значение особенностей личности осужденного при осуществлении профилактического воздействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. №3 (33). С. 76-81.
9. Сухов А.Н. Пути преодоления деформации общения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61). С. 60-62.

References

1. Antonyan M.Yu., Vereshchagin V.A., Kalmanov G.B. Tyuremnaya subkul'tura i neitralizatsiya ee negativnykh proyavlenii (Prison subculture and neutralization of its negative manifestations), *Gosudarstvo i pravo*, 1996, No. 10, pp. 72-79.
2. Elyutina M.E., Temaev T.V. Povedencheskie osobennosti pozhilykh osuzhdennykh (Behavioral features of elderly convicts), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, No. 4, pp. 95-104.
3. Kutyakin S.A., Kurbatova G.V. Kompleksnyi podkhod k ponimaniyu individual'noi raboty s osuzhdennymi (Comprehensive approach to understanding individual work with convicts), *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2016, pp. 69-73.
4. Makovik R.S., Bessarab N.R. Izolyatsiya lichnosti v rossiiskom prave i zakonodatel'stve (Isolation of personality in Russian law and legislation). M., Izdatel'stvo «Ekzamen», 2007.
5. Mikhailov A.N. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy lits, osvobozhdayushchikhsya iz mest lisheniya svobody (Socio-psychological problems of persons released from places of deprivation of liberty), *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2016, No 4, pp. 47-51.
6. Lysyagin O.B., Akimov S.K. Osuzhdennye v tyur'makh. Po materialam spetsial'noi perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhei, 12-18 noyabrya 2009 g. (Convicted in prisons. Based on the materials of the special convicts and detained persons census, November 12-18, 2009), pod red. d.yu.n., prof. V.I. Seleverstova. Vyp. 3. M., ID «Yurisprudentsiya», 2011.
7. Osinskii I.I., Gylykova E.V. Buryatskaya gorodskaya sem'ya na rubezhe XX-XXI vekov. Sotsiologicheskii analiz (Buryat city family at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. Sociological analysis). Ulan-Ude, Izdatel'stvo buryatskogo gosuniversiteta, 2003.
8. Peremolotova L.Yu. Znachenie osobennostei lichnosti osuzhdennogo pri osushchestvlenii profilakticheskogo vozdviystviya (Significance of personal characteristics of the convict in the implemen-

tation of preventive effects), *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2015, No. 3 (33), pp. 76-81.

9. Sukhov A.N. Puti preodoleniya deformatsii obshcheniya osuzhdennykh (Ways to overcome the deformation of convicts' communication), *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2015, No. 2 (61), pp. 60-62.

Дата поступления: 15.02.2018

Received: 15.02.2018

УДК 343.9

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ТИПИЧНЫЕ
СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО
УСЫНОВЛЕНИЯ**

**SPECIFICITIES OF INSTITUTING
CRIMINAL PROCEEDINGS AND
TYPICAL INVESTIGATIVE
SITUATIONS AT THE INITIAL STAGE
OF INVESTIGATING ILLEGAL
ADOPTION**

АБРАМОВА Светлана Рамильевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики ФГБОУ ВО «Саратов-
ская государственная юридическая акаде-
мия», г. Саратов, Россия.*

E-mail: Abramovasr@yandex.ru

ABRAMOVA Svetlana Ramilievna

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Profes-
sor of the Department of Forensics at the Sara-
tov State Law Academy, Saratov, Russia.*

Email: Abramovasr@yandex.ru

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Уголовно-правовая охрана, защита законных прав и интересов несовершеннолетних при усыновлении должна обеспечиваться нормой, предусмотренной ст. 154 УК РФ. Однако на практике большая часть незаконных действий по усыновлению остается не выявленной, либо правоохранительные органы не имеют возможности привлечь к уголовной ответственности за указанные преступления. Есть ряд причин, по которым преступления, предусмотренные ст. 154 УК РФ, являются латентными, свои особенности выявления признаков преступления и возбуждения уголовных дел о незаконном усыновлении. Необходимо усилить внимание содержанию типовых следственных ситуаций первоначального этапа расследования незаконного усыновления, задачам расследования и алгоритмам их решения.

Arrangement of children left without parental care is one of the priority areas of state activities. Criminal law protection, safeguarding minors' legitimate rights and interests when adopting should be secured by the rule of law provided for by Article 154 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, in practice a large proportion of the illegal actions relating to adoption remain undetected, or law enforcement agencies are unable to prosecute those responsible for these crimes. The paper contains an analysis of the reasons why the crimes provided for by Article 154 of the Criminal Code are latent; the specificities of identifying the indicia of a crime and peculiarities of instituting criminal proceedings for illegal adoption are examined. Particular attention is paid to the contents of typical investigative situations at the initial stage of the investigation of illegal adoption, the objectives of investigation are defined and algorithms for their solution are proposed.

Ключевые слова: незаконное усыновление, несовершеннолетний, доследственная проверка, расследование преступления, латентные преступления, следственные ситуации, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Key words: illegal adoption, minor, pre-investigation check, crime investigation, latent crimes, investigative situations, investigative actions, operative search activities.

Ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передаче их под опеку (попечительство), на воспитание в приемные семьи, если они совершены неоднократно или из корыстных побуждений, предусмотрена ст. 154 УК РФ. Общественная опасность этого преступления заключается в том, что незаконное устройство детей может нарушить право на учет их этнического происхождения, принадлежности к определенной религии и культуре, родного языка, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании, а так же угрожать их жизни, здоровью, нравственному и психическому развитию [2, с. 550]. Несмотря на многочисленные сообщения в средствах массовой информации о нарушениях прав несовершеннолетних при их устройстве в семью, которые вызывают широкий общественных резонанс, незаконное усыновление относится к категории латентных преступлений. Анализ статистических данных ГИАЦ МВД РФ показал, что с 1996 года в среднем в России ежегодно регистрируются 3 преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 154 УК РФ.

Объективные сложности, возникающие при принятии решения о возбуждении уголовного дела по незаконному усыновлению, обусловлены особенностями состава преступления. В процессе осуществления действий по незаконному усыновлению совершается ряд других преступлений, таких как злоупотребление должностными полномочиями, получение и дача взяток в процессе усыновления ребенка, мошенничество, злоупотребление служебным положением, фальсификация документов, купля-продажа, похищение ребенка. Как показал анализ практики, чаще всего при наличии явных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 154 УК РФ, следствие ограничивается предъявлением обвинения по более распространенным и отработанным в плане расследования составам преступлений (ст. 285, 290, 291, 327 УК РФ). Так, получение и дача взятки – распространенный способ передачи вознаграждения за осуществление незаконных действий по усыновлению. Нередко оперативно-розыскные органы задерживают должностных лиц и кандидатов на усыновление в момент передачи и получения взятки за незаконное содействие в усыновлении, но при этом уголовное дело возбуждается только по ст. 290, 291 УК РФ. Анализ судебной практики по усыновлению показал, что действия, содержащие признаки состава незаконного усыновления, рассматриваются судами как основание к отмене усыновления ребенка в рамках гражданского судопроизводства. Уголовные дела за незаконное усыновление не возбуждаются.

Нередко по фактам незаконного усыновления уголовные дела не возбуждаются по объективной причине – в связи с истечением срока давности уголовного преследования по ст. 154 УК РФ (например, в процессе расследования других уголовных дел: по факту купли-продажи ребенка, убийства усыновленного ребенка). Следует отметить, что в практике уголовного преследования по ст. 154 УК РФ отмечались случаи, когда на момент рассмотрения в суде уголовного дела, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 154 УК РФ, истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Следует также сказать о необходимости осуществления проверочных действий, направленных на обнаружение признаков состава незаконного усыновления, в случаях, когда приемные дети погибают от рук усыновителей или признаются потерпевшими по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 111, 112, 115–117 УК РФ в отношении приемных родителей. Так, погибшие от рук иностранных приемных родителей А. Гойко, В. Тулимов, Н. Хорьяков были усыновлены с нарушением российского законодательства об усыновлении [5, с. 36]. По данным

Национального совета США по усыновлению, почти все усыновленные российские дети, погибшие от рук усыновителей, попали в американские семьи благодаря коррупции [3, с. 121].

Указанные обстоятельства способствуют тому, что незаконные действия по усыновлению остаются не выявленными, либо правоохранительные органы не имеют возможности привлечь у уголовной ответственности за указанные действия. Наиболее вероятными поводами для возбуждения уголовного дела по ст. 154 УК РФ служат: непосредственное обнаружение правонарушения органами дознания, следователем, прокурором или судом; заявления и письма граждан; сообщение учреждений, организаций и должностных лиц; задержание лица с поличным в момент получения вознаграждения за незаконные действия по усыновлению. В большинстве случаев возбуждению уголовных дел данной категории предшествует доследственная проверка, направленная на сбор достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для проверки информации о незаконных действиях по усыновлению можно рекомендовать следующие мероприятия: опросы усыновителей, родственников, должностных лиц органов опеки и попечительства, учреждений, в которых находились несовершеннолетние до усыновления, и иных лиц, которые могут располагать интересующей информацией, наведение справок, исследование документов. Если имеется информация о сговоре должностного лица и кандидата на усыновление о передаче взятки, то целесообразно также провести наблюдение за указанными лицами, проконтролировать и записать их переговоры.

Анализ следственной практики по делам о незаконном усыновлении позволил выделить следующие типовые следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования. Наиболее простая следственная ситуация по делам о незаконном усыновлении складывается в случаях задержания преступников с поличным в момент передачи вознаграждения за незаконную деятельность по усыновлению ребенка. Документирование преступной деятельности до передачи предмета взятки осуществляется в рамках оперативно-розыскной деятельности – проводится тактическая операция по задержанию преступников с поличным в момент передачи взятки. Возбуждение уголовного дела целесообразно приурочить к задержанию взяточников с поличным. После задержания преступников складывается следующая следственная ситуация. Лицо, приобретающее право на усыновление незаконным путем, и лицо, оказывающее содействие в незаконном усыновлении, установлены и задержаны с поличным в момент передачи вознаграждения. Способ совершения, мотивы и цели преступления определяются, но на этом этапе могут быть до конца не выясненными и требуют уточнения. Основная задача, которая решается в данной ситуации: создать предпосылки для успешного изобличения преступника. Она решается тактической операцией “Собирание и использование для изобличения всех фактических данных”. Можно рекомендовать следующие средства решения: личные обыски задержанных; допросы задержанных; выемка предмета (имущества), послужившего вознаграждением за незаконное действие по усыновлению; допрос лица, заявившего о незаконных действиях по усыновлению; обыски по месту жительства и работы задержанных; допрос возможных свидетелей из числа родственников, соседей, знакомых, сотрудников детских учреждений, где воспитывался ребенок до усыновления; очные ставки; выемка и осмотр находящихся в производстве и ранее оформленных подозреваемым лицом материалов на усыновление; назначение и производство соответствующих экспертиз.

Иная ситуация по делам о незаконном усыновлении складывается в тех случаях, когда в правоохранительные органы поступает информация о незаконном усыновлении после вступления в законную силу решения суда об усыновлении ребенка. В криминалистической литературе выделяют ситуацию, когда факт незаконного усыновления стал известен сразу после усыновления ребенка, и ситуацию, когда факт незаконного усыновления был обнаружен по истечении длительного периода времени [4, с. 128]. В первом случае информация о незаконном усыновлении может исходить от родителя, ребенка, которого незаконно усыновили, родственников ребенка, сотрудников дома ребенка, где воспитывается несовершеннолетний, органов опеки и попечительства. Вторая ситуация может сложиться, например, когда

факт незаконного усыновления был выявлен в результате общей надзорной проверки прокуратуры или о нем стало известно из заявления одного из родителей ребенка, который в период оформления был в длительном отъезде, в результате чего усыновление осуществлялось без его согласия. Незаконное усыновление может быть выявлено по истечении длительного времени при расследовании факта торговли несовершеннолетним. Во второй ситуации сложнее доказать корыстный мотив преступления. В остальном эти следственные ситуации принципиальных различий не имеют.

Полнота сведений о лицах и способе совершения преступления в этих ситуациях во многом зависит от того, от кого получена информация о преступлении. Если информация исходит от работников органов опеки и попечительства, муниципальных органов образования и тому подобных, способ совершения незаконного усыновления определяется. Лицо, оказывающее содействие в усыновлении, – это специальный субъект преступления: работник муниципальных органов образования (инспектор по защите детства), аппарата администрации района, лечебных и детских учреждений, судьи. Если информация о незаконном усыновлении исходит от родителей усыновленного ребенка, то способ незаконного усыновления чаще всего не известен, информация о лицах, оказывающих содействие в незаконном усыновлении, отсутствует. В этой ситуации правоохранительным органам предстоит решить ряд задач. В первую очередь необходимо установить, кем и какие незаконные действия по усыновлению были совершены (*задача 1*). Для этого осуществляются следующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: выемка материалов об усыновлении ребенка; осмотр этих документов с целью выявления, в чем именно состояло нарушение установленного порядка усыновления; допрос должностного лица, составлявшего документы, в которых выявлены нарушения порядка усыновления; допрос лица, получившего право на усыновление; допрос возможных свидетелей из числа родственников, соседей, знакомых, сотрудников детских учреждений, где воспитывался ребенок до усыновления; назначение и производство соответствующих экспертиз. Необходимо выяснить, какие цели преследовал и какими мотивами руководствовался подозреваемый (*задача 2*), путем осуществления: допроса подозреваемого (обвиняемого) лица; допроса лица, усыновившего ребенка; допроса возможных свидетелей из числа родственников, знакомых, сотрудников учреждения, в котором работает подозреваемый; очных ставок; дачи поручения оперативно-розыскным органам установить, каким образом было вознаграждено подозреваемое (обвиняемое) лицо; выемки имущества, полученного в качестве вознаграждения за незаконные действия по усыновлению. Предстоит собрать необходимую информацию по усыновленному ребенку (*задача 3*) в отношении которого было совершено преступление: есть ли у него родители, родственники, братья, сестры; есть ли у ребенка имущество; какие негативные последствия повлекло незаконное усыновление и т.д. Для этого необходимо: дать соответствующее поручение оперативно-розыскным органам; сделать запросы в соответствующие учреждения и организации (роддома, детские больницы, где наблюдался или лечился ребенок, органы загса, паспортный стол по месту последней прописки ребенка и т.д.); произвести выемку документов; допросить возможных свидетелей. Необходимо выяснить, не совершал ли подозреваемый (обвиняемый) незаконных действий по усыновлению неоднократно (*задача 4*). Следует провести следующие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: выемка находящихся в производстве и ранее оформленных подозреваемым (обвиняемым) лицом материалов на усыновление; допрос сотрудников учреждения, в котором работает подозреваемый (обвиняемый); допрос лиц, усыновивших детей, в материалах, усыновления которых выявлены нарушения; назначение и производство соответствующих экспертиз. Следует собрать информацию о лице, усыновившем несовершеннолетнего (*задача 5*). Особое внимание, в том числе, следует уделять обстоятельствам, препятствующим возможности граждан выступать в качестве усыновителей, опекунов, приемных родителей. Для этого необходимо: дать соответствующее поручение оперативно-розыскным органам; сделать запросы в соответствующие учреждения и организации (боль-

ницы, где наблюдался или лечился усыновитель, органы загса, паспортный стол по месту последней прописки усыновителя и т.д.); произвести выемку соответствующих документов; допросить возможных свидетелей. Следует обозначить необходимость (*задача б*), выяснения, не предшествовало ли осуществлению незаконного усыновления совершение иных преступлений (таких, например, как подмена ребенка, торговля несовершеннолетними, подделка документов, должностные преступления), не совершено ли преступление группой лиц либо организованной группой. Для решения данной задачи следует рекомендовать: дать соответствующее поручение оперативно-розыскным органам; допросить лиц, усыновивших детей, в материалах, по усыновлению которых были выявлены нарушения порядка усыновления; допрос сотрудников учреждения, в котором работает подозреваемый (обвиняемый).

Третья следственная ситуация складывается в случаях поступления в правоохранительные органы информации об ущемлении прав и законных интересов усыновленного ребенка. Например, ребенок используется в качестве прислуги, няни для собственного ребенка; усыновитель незаконно распоряжается, использует по своему усмотрению имущество усыновленного и т.д. Подобного рода информация поступает в правоохранительные органы от сотрудников органов опеки и попечительства, соседей, родственников, социальных педагогов и является основанием для отмены усыновления в судебном порядке. В первую очередь необходимо установить, в чем ущемляются права и законные интересы усыновленного ребенка. Планируются следующие следственные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия: допрос заявителя об обстоятельствах ущемления прав несовершеннолетнего; допрос несовершеннолетнего; допрос возможных свидетелей (родственников, соседей, педагогов и т.д.); допрос сотрудников органов опеки и попечительства, осуществляющих контроль над жизнью детей, переданных на усыновление, под опеку (попечительство), в приемную семью; если имело место незаконное распоряжение имуществом несовершеннолетнего, необходимо произвести выемку соответствующих документов, (например, договора купли-продажи квартиры, которую несовершеннолетний получил по наследству); назначение и производство соответствующих экспертиз. Вторая задача, которую необходимо решить в данной ситуации: установить, не было ли допущено нарушение требований законодательства относительно условий и порядка усыновления; имеются ли обстоятельства, препятствующие гражданам выступать в качестве усыновителей, опекунов, приемных родителей. Задача решается путем выемки и осмотра материалов по усыновлению несовершеннолетнего с целью проверки законности усыновления, назначением и производством соответствующих экспертиз. В случае выявления нарушения законодательства по усыновлению складывается описанная выше вторая следственная ситуация.

Выделенные типичные следственные ситуации по делам о незаконном усыновлении при расследовании конкретных преступлений позволяют правильнее и быстрее сориентироваться в сложившейся обстановке, определить основные направления и задачи расследования, наметить пути их решения.

Библиографические ссылки

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.А. Чекалина, В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). М. : «Юрайт-Издат», 2007.
2. Кузнецова О.В. Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 119-124.
3. Кушпель Е.В. Проблемы и специфика расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998.
4. Петрухина Л. Недетский бизнес: раскрыта банда, торговавшая русскими детьми // Социальное обеспечение. 2006. № 3. С. 36-37.

References

1. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) (Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)), (4-e iz-d., pererab. i dop., pod red. A.A. Chekalina, V.T. Tomina, V.V. Sverchkova). M., «Yurait-Izdat», 2007.
2. Kuznetsova O.V. Problemy usynovleniya rossiiskikh detei inostrannymi grazhdanami (Problems of adoption of Russian children by foreign citizens), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 23 (378), Pravo, Vyp. 44, pp. 119-124.
3. Kushpel' E.V. Problemy i spetsifika rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenii protiv sem'i i nesovershennoletnikh (Problems and specifics of investigation and prevention of crimes against the family and minors), *dis. ... kand. jurid. nauk*. Volgograd, 1998.
4. Petrukhina L. Nedetskii biznes: raskryta banda, trgovavshaya russkimi det'mi (Not a children's business: a gang that traded Russian children has been discovered), *Sotsial'noe obespechenie*, 2006, No. 3, pp. 36-37.

Дата поступления: 17.01.2018

Received: 17.01.2018

УДК 343.72(470)

ОБМАН КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ФИНАНСОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

СЕРДЮК Павел Леонидович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия.

E-mail: pavel.ser@mail.ru

В статье раскрывается сущность обмана, как способа совершения преступлений на примере различных видов мошенничества, а также проводится критический анализ его сравнения в юридической литературе с психическим насилием. Рассматриваются приемы и формы обмана, его наиболее типичные способы, применяемые в сфере имущественных и финансовых преступлений. Отмечается, что наибольшую сложность при квалификации этих преступлений представляет выявление обмана, который всегда преступник старается чем-то прикрыть, замаскировать. В частности, раскрываются особенности молчаливого (пассивного) обмана. Сложность определения и доказывание этого способа в том, что он характеризуется в большей степени субъективными признаками совершаемых преступлений в разных сферах общественной жизни. Основная цель статьи за-

FRAUD AS A MEANS OF COMMITTING PROPERTY AND FINANCIAL CRIMES

SERDYUK Pavel Leonidovich

Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FSGEI HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Ufa, Russia. E-mail: pavel.ser@mail.ru

The article reveals the essence of fraud as a way of committing crimes on the example of different types of fraudulence and provides a critical analysis of its comparison to mental violence in law books. The author discusses techniques and forms of fraud, its most typical methods used in the field of property and financial crimes. It is noted that the greatest difficulty in the classification of these crimes is the detection of fraud, which is always used by the criminal in order to cover and disguise something. In particular, the peculiarities of the silent (passive) deception are revealed. The complexity of determining and proving this method is that it is characterized by largely subjective signs of crimes committed in different spheres of public life. The main goal of the article lies in the analysis of controversial issues concerning qualification of crimes com-

ключается в анализе спорных вопросов, касающихся квалификации преступлений, совершаемых с использованием обмана. Эти вопросы в современной практике борьбы с преступностью в большей степени возникают при совершении банковского кредитования. Поэтому данная статья ориентирована на особенности квалификации мошенничества в данной сфере с использованием примеров из практики.

Ключевые слова: обман, злоупотребление доверием, мошенничество, кредит, психическое насилие, банк, банковское кредитование, обман как способ, насильственный обман, обман кредиторов, незаконное получение кредита, экономические преступления.

mitted with using fraud. These issues in the contemporary practice of combating crimes largely arise during bank lending. For this reason, this article focuses on the peculiarities of qualification of fraud in this area using examples from practice.

Key words: fraud, abuse of trust, fraudulence, credit, mental violence, bank, bank lending, deception as a method, violent fraud, deceit of creditors, illegal obtaining of credit, economic crimes.

Обман наряду с насилием является одним из наиболее распространенных преступных способов в системе экономических отношений. Это касается не только мошенничества в составах ст.ст. 159–159.6 УК РФ, но и целого ряда других видов преступной деятельности. В частности, обман предусмотрен в таких составах УК РФ, как: «Незаконное предпринимательство» (ст.ст. 171–171.2), «Незаконная банковская деятельность» (ст.ст. 172–172.2), «Незаконное образование (создание, организация) юридического лица» (ст.ст. 173.1–173.2), «Легализация (отмывание) банковских денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (ст.ст. 174–174.1), «Незаконное получение кредита» (ст. 176), «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» (ст. 180 УК РФ) и многих других. Практика показывает, что злоупотребление доверием как способ мошенничества почти всегда сочетается с обманом и в чистом виде практически не встречается. По сути, злоупотребить доверием, значит, предать, что существенно увеличивает безнравственность обмана. При мошенничестве обман, как правило, совершается с корыстной целью, с желанием завладеть чужим имуществом или завладеть правом на имущество.

Как способ хищений обман постоянно совершенствуется, в чем и заключается его основная опасность в противозаконном завладении чужим имуществом. Обман может заключаться в умышленном искажении действительного положения дел или в сокрытии правды. Последняя его форма в науке является спорной. Суть в том, что молчаливый обман возникает, когда потерпевший заблуждается, и этим пользуется преступник. Такой обман происходит фактически при отсутствии действий виновного, направленных на изменение действий потерпевшего, когда виновный обязан сообщить потерпевшему о его ошибке, но не сообщает по корыстным мотивам. Например, покупатель видит, что кассир крупно просчитался в его пользу, но умалчивает об этом, забирая сдачу. В научной литературе такой обман именуется «пассивным». Есть даже мнения о том, что никакого обмана здесь нет, и покупатель не причем. Другая позиция, выявленная при опросе практических работников правоохранительных органов, выражается в том, что в подобных случаях скорее происходит кража, т.е. тайное хищение чужого имущества (или денег), поскольку завладение чужим имуществом происходит тайно без признаков обмана со стороны завладевшего этим имуществом или денежными средствами. По нашему мнению, действия покупателя следует признать мошенничеством по тем основаниям, что заметив ошибку кассира, он обязан по существующему закону сообщить ему об этом и отказаться от передаваемых ему лишних денег, но сознательно это не делает, а значит, забирая деньги молча, он обманывает потерпевшего из корыстного интереса. Он как бы дает понять кассиру, что счет произведен верно. Формы обмана во многом зависят и от различия социальной сферы, в которой он совершается, а также от конкретной ситуации и

обстановки. Например, ремонтная бригада умышленно завышает стоимость ремонта, пользуясь некомпетентностью заказчика в вопросах строительства, или пользуясь ситуацией, когда пассажир спешит, таксист вдвое увеличивает плату за проезд и т.п.

В юридической литературе рассматривается вопрос отграничения обмана от психического насилия. Суть в том, что и тот и другой являются способами воздействия на психику потерпевшего информационным путем, заставляя его выполнить действия (или бездействия), удобные виновному. На сложность разграничения этих двух форм воздействия на психику человека обращал внимание еще профессор Н.С. Таганцев, который писал, что "отдельные угрозы, применяемые виновными, в случае, если они фактически не собираются эти угрозы реализовать, подходят ближе к мошенничеству, т.е. похищению чужих вещей путем обмана" [4]. На наш взгляд, с этим мнением нельзя согласиться, так как угроза в любом случае действует на потерпевшего иначе, чем обман. Угроза подавляет волю потерпевшего, если кажется ему реальной (исполнимой), и заставляет его передать имущество угрожающему. Такая угроза может быть не только словесной, но и с применением, например, негодного для выстрела оружия или макетов оружия. Обман же вводит потерпевшего в заблуждение, создавая в нем уверенность в целесообразности или в законной необходимости передачи своего имущества, своих денег лицу, в котором он не видит преступника, и передает это имущество или деньги как должное. Однако в литературе вновь поднимается вопрос о целесообразности признания насильственного обмана при совершении мошенничества в форме противоправного психологического воздействия на потерпевшего. Авторы ссылаются на прецеденты практики Верховного Суда Российской Федерации, в частности на приговор Магаданского областного суда, одобренный Судебной коллегией Верховного Суда РФ 10 апреля 2003 г., которым были осуждены по пп. "а", "б" ч. 3 ст. 159 УК РФ и по ч. 3 ст. 30, пп. "а", "б" ч. 3 ст. 159 УК РФ руководители общественной организации "Афина". Виновные разработали систему вовлечения в организацию граждан и вводили их в заблуждение, убеждая отдать организации свои денежные средства на условиях последующего увеличения этих средств. При этом умышленно умалчивалось о том, что часть участников не только не получит обещанный доход, но и потеряют вложенные средства, т.е. фактически рассматривалась достаточно распространенная в 90-е годы «пирамида» [1].

Насильственный характер такого рода обмана авторы обосновывают тем, что психологическое воздействие существенно ограничивает свободу воли потерпевшего либо даже лишает его свободы воли. Эффективность внушения обеспечивается преднамеренным созданием гипнотизирующей обстановки при проведении презентаций и семинаров с использованием громкой ритмичной музыки, специально составленных на основе методов нейролингвистического программирования фраз и предложений, оказывающих внушающее воздействие. Авторы считают, что в подобных случаях организаторам "может и не потребоваться применять обман", хотя отмечают, что на первоначальных семинарах мошенники раскрывают не все условия своей деятельности по обогащению членов организации, умалчивают о некоторых существенных деталях. Однако, по мнению авторов, узнав о кабальных условиях уже после заключения договора "потерпевшие, находящиеся под внушающим воздействием виновных, не могут противостоять этому воздействию в силу объективных закономерностей человеческой психики и поведения. Они соглашались на условия организаторов, в свою очередь, вовлекая в организацию новых потерпевших". Авторы на этом основании предлагают внести в ст. 159 УК квалифицирующий признак "совершение мошенничества с применением психического насилия в форме противоправного психологического воздействия" [1, с. 37] [2] [3].

Подобный способ воздействия на психику лица сегодня используется достаточно широко с использованием сети Интернет при организации усовершенствованных «пирамид». Новоявленные психологи посягают даже на жизнь человека, используя, в том числе, элементы обмана. По информации МВД РФ в 2016 г. в России покончило жизнь самоубийством 720 подростков, в чем, по имеющимся данным, определенная доля участия распространившейся в сети Интернет специальной психологической программы по доведению несовершеннолетних до суицида. Однако эти действия нельзя, на наш взгляд, отнести к обману, поскольку здесь

налицо психическое насилие, направленное на слабую психику детей. Практика борьбы с мошенничеством свидетельствует, что наибольшую сложность при квалификации этих преступлений представляет именно доказывание (выявление) обмана, который всегда преступник старается чем-то прикрыть, замаскировать. Сложность определения этого способа в том, что он характеризуется в большей степени субъективными признаками, то есть, предполагает прямой умысел и определенную цель.

Наиболее разнообразны способы обмана при осуществлении банковского кредитования. Здесь основным способом является использование ложных (поддельных) документов заведомо в целях не возвращения полученного кредита. Как показывает практика, этот способ обмана отмечается тем, что влечет ошибки при квалификации преступлений из-за сложности разграничения ст.ст. 159.1 и 327 УК РФ. Суть в том, что подделка документов самим преступником в данном случае, хотя и является приготовлением к преступлению, но состав ст. 159.1 УК РФ ее не охватывает. Причина квалификации по совокупности указанных составов в том, что названные преступления посягают на разные объекты – собственность и порядок управления. Состав этой статьи охватывает лишь использование мошенником заведомо ложного документа, подготовленного другим лицом, что на практике иногда не учитывается. Следующим достаточно распространенным способом обмана при получении лицом заведомо невозвратного кредита является представление в банк ложных сведений о своем имущественном и экономическом положении в целях создания мнимого обеспечения возврата кредита. В результате халатности со стороны кредитора, заключающейся в ненадлежащей проверке представленных данных, заемщик получает кредит, который присваивает. И вновь возникает сложность определения умысла на присвоение кредита в момент его получения. Практика решения вопроса о возбуждении уголовного дела по таким материалам показывает, что в подавляющем большинстве, происходит отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления (если при этом не усматривается причинение крупного ущерба, как обязательный признак ст. 176 УК РФ). Анализ этих материалов свидетельствует, что в ряде случаев отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 159.1 УК РФ происходит необоснованно, поскольку усматриваются явные признаки мошенничества (например, лицо заведомо не имеет средств, которыми якобы собиралось погасить кредит, либо скрывалось после получения кредита обманным путем и т.п.).

Создание фиктивного коммерческого предприятия, прекращающего свое существование после получения кредита, также является довольно распространенным способом обмана кредитора. Этот способ завладения банковскими деньгами мошенническим путем появился в девяностые годы прошлого столетия. Например, в г. Хабаровске в те годы аналогичным способом были похищены крупные суммы денежных средств из 11 банков гражданами из Северного Кавказа. Ни одно из этих преступлений не было раскрыто. Однако этот способ существует и сегодня как один из наиболее эффективных в системе обмана российских банков. Руководители таких предприятий после получения кредита, как правило, скрываются.

Примером может служить факт привлечения обманным путем жителя г. Уфы К. Борзенкова в 2011 г. к созданию фирмы на его имя организованной группой из трех лиц. После получения кредита на имя Борзенкова в сумме 2 млн. руб. главарь группы обманом заставил Борзенкова перевести эти деньги в банк другого города по фиктивному договору с предприятием якобы на закупку оборудования для фирмы. Там деньги были обналичены, и преступная группа с деньгами скрылась, оставив Борзенкова ответственным перед банком.

Известны факты использования в целях получения крупного кредита без намерения его возвращать, реквизиты чужих организаций и предприятий. При этом, как правило, преступные группы вступают в контакт с руководителями и, используя различные средства (обман, шантаж, подкуп и т.п.), получают доступ к печати и документам этих организаций. Используя их реквизиты, преступные группы совершают мошеннические действия по присвоению денежных средств, в том числе банковских кредитов.

В ряде случаев мошенничество осуществляется и более простым путем. Граждане и руководители организаций, попав обманным путем в зависимость к преступным группам,

вынуждены под их давлением получать кредиты в банках и передавать их мошенникам, оставаясь перед проблемой самостоятельного возврата долгов. В 2010 г. уголовная ответственность за лжепредпринимательство утратила силу на основе Федерального закона, поскольку это деяние выступает в качестве элемента состава в других преступлениях, в том числе в составе мошенничества, и не требует самостоятельной правовой оценки.

Банкротство субъектов хозяйствования, с намерением не возвращать полученный кредит, также выступает одним из способов обмана в сфере банковского кредитования. Зарубежный и отечественный опыт показывает, что заранее запланированное банкротство стало одной из форм обогащения, используемых представителями организованной преступности. Эти лица проникают в легальный бизнес, занимают руководящие посты в фирме и доводят ее до банкротства. В России умышленное приведение к банкротству в основном осуществляется путем перевода денежных средств на счета других предприятий, где они в дальнейшем снимаются и похищаются. Обман в форме гарантийного письма от состоятельной фирмы также осуществляется способом использования чужих бланков и печатей, полученных незаконным путем. В других случаях просто осуществляется подделка бланков и печатей. Но наиболее безнравственный способ обмана, когда гарантийное письмо получается преступником на основе доверия со стороны гаранта. Присваивая кредит, мошенники перекладывают его на плечи гарантов. Наиболее часто банковские мошенники при представлении в банк залога используют уже заложенное имущество или чужое имущество либо увеличивают стоимость имущества. В качестве примера приведем следующие материалы уголовного дела: М., являясь учредителем и директором фиктивного общества с ограниченной ответственностью, в октябре 2012 года с целью безвозмездного завладения деньгами банка "Промтрансбанк" в форме кредита в сумме 300 тыс. руб. договорился со своей знакомой частным предпринимателем Т., имеющей в банке хорошую репутацию, оформить кредит на нее. Для этого М. изготовил подложные документы в виде договоров поставки технического оборудования и накладных от ООО "Конте" для частного предприятия Т. Эти документы были представлены в банк для оформления кредита на Т., которая предъявила банку в качестве залога имущество своей фирмы на сумму 703 тыс. руб. После получения денег М. скрылся. (М. был задержан и привлечен к уголовной ответственности по ч.3 ст. 159 УК РФ. Ст. 159.1 в это время еще не была введена в УК РФ) [5].

Сегодня не случайно в УК РФ введена специальная статья об ответственности за мошенничество в сфере страхования, где обман и злоупотребление доверием имеют специфику. Иногда в сфере страхования кредита заемщиком изготавливается фиктивное страховое свидетельство, создавая тем самым видимость страхования кредита, и после его получения скрывается. Однако здесь есть и другая сторона. Добросовестный заемщик может обратиться в фиктивную страховую компанию, которую после оплаты страхового взноса найти не удастся.

Представленные здесь способы обмана в сфере банковского кредитования этим перечнем далеко не исчерпываются. Исследование показывает, что банковское кредитование, как одна из основных функций этих финансовых учреждений находится под постоянным риском. Тем не менее, в погоне за прибылью, банки часто идут на упрощение условий выдачи кредитов, увеличивая «кредитные риски».

Библиографические ссылки

1. Колосова В., Поднебесный А. Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества // Уголовное право. 2007. № 3. С. 35-38.
2. Поднебесный А.Н. Совершение мошенничества с применением психического насилия в форме противоправного психического в форме противоправного психического воздействия // Гуманитарные науки: тезисы докладов. Н. Новгород, 2005.
3. Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004.
4. Таганцев Н.С. Устав о наказаниях. СПб., 1879.
5. Уголовное дело № 5041065 Кировского РУВД г. Уфы.

References

1. Kolosova V., Podnebesnyj A. Psihicheskoe nasilie v forme protivopravnogo psihologicheskogo vozdejstviya kak sposob soversheniya moshennichestva (Psychic violence in the form of illegal psychological influence as a means of committing fraud), *Ugolovnoe pravo*, 2007, No 3, pp. 35-38.
2. Podnebesnyj A.N. Sovershenie moshennichestva s primeneniem psihicheskogo nasiliya v forme protivopravnogo psihicheskogo vozdejstviya (The commission of fraud with the use of mental violence in the form of unlawful mental abuse), *Gumanitarnye nauki: tezisy dokladov*. N. Novgorod, 2005.
3. Grebenkin F.B. Ugolovno-pravovoe znachenie psihicheskogo nasiliya v prestupleniyah protiv sobstvennosti (Criminal law value of mental violence in crimes against property), *Avtoref. dis. kand. jurid. nauk*, M., 2004.
4. Tagancev N.S. Ustav o nakazaniyah (Charter of Punishment). SPb., 1879.
5. Ugolovnoe delo (Criminal case) № 5041065 Kirovskogo RUVD g. Ufy.

Дата поступления: 20.10.2017

Received: 20.10.2017

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.102

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ ПРАВ
И СВОБОД ЛИЧНОСТИ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

ПЕРЕМОЛОТОВА Лилианна Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, докторант, факультет подготовки научно-педагогических кадров, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Россия.
E-mail: lady.peremolotova@yandex.ru

**SOME ASPECTS OF ENSURING AND
PROTECTING INDIVIDUAL RIGHTS
AND FREEDOMS WHILE CARRYING
OUT OPERATIVE SEARCH
ACTIVITIES IN PENITENTIARY
INSTITUTIONS**

PEREMOLOTOVA Lilianna Yurievna
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Postdoctoral Student of the Faculty of Academic Staff Training of the Federal Government Educational Institution of Higher Education "Academy of Law and Management of the FPS", Ryazan, the Russia.
E-mail: lady.peremolotova@yandex.ru

Смысл и значение Конституции в любой стране состоит в том, что ее нормы и принципы представляют собой базу для построения взаимоотношений каждого ее гражданина, обладающего определенными правами и свободами, и государства, которое должно признавать и защищать конституционные права и свободы. При этом необходимо поддерживать их баланс и равнозначность, не допуская перекоса в сторону одной из защищаемых цен-

On the basis of the Constitution, its principles and norms are the relations of man as the bearer of rights and freedoms, on the one hand, and State on the other. The maintenance of the balance and proportionality to protect constitutional values, goals and interests is the most important task in the implementation of the Constitution: unacceptable diminution of one value by another, and accordingly, the question is actualized about maintaining this balance in

ностей. Проблема сохранения такого баланса для нашей страны стала в последнее время чрезвычайно актуальной, особенно при проведении оперативно-розыскной деятельности. Хотя последняя призвана стоять на защите конституционно признанных прав личности, она допускает в определенных случаях их ограничение. Следовательно, непосредственное осуществление и правовое регулирование этой деятельности имеет четко выраженный конституционно-правовой аспект. Усиливающееся давление криминальной составляющей на общественную безопасность, в том числе права личности, подразумевает повышение ответственности исполнительной власти и ее силовых структур за состояние и дальнейший рост уровня преступности, а значит, необходимость активизации их реагирования на данные посягательства. Однако при этом никто не упраздняет обязанность данных органов осуществлять правоохранительную деятельность в четких границах правового поля, не выходя за пределы установленных законодательно полномочий и не нарушая предписанного законом порядка. Изложенное актуально и в отношении субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: личность, осужденный, права и свободы, оперативно-розыскная деятельность, правовое поле, пенитенциарные учреждения.

our country, especially while carrying out operative search activities. Although operative search activity focused on protecting the constitutionally recognized individual rights it allows their restriction sometimes in order to protect the constitutional rights of the individual, and therefore the implementation of such activities and its legal regulation has the constitutional law aspect. Although the intensity of the criminal impact on individual rights and public safety assumes greater responsibility for the condition and dynamics of crime and activity response of the Executive and its law enforcement agencies for criminal assault, it does not absolve of the responsibility to act within the legal framework, within certain authorities, on the grounds and in the manner prescribed by law. It is true in respect of entities engaged in operative search activity in the penal system.

Key words: person, convict, rights and freedoms, operative search activity, legal field, penitentiary institutions.

Основной Закон нашей страны – Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) охраняет и защищает высшую ценность для каждого ее гражданина – права и свободы, одновременно гарантируя защиту другим ценностям и принципам, относящимся к государству в целом (верховенство права, равенство и справедливость всех граждан, разделение властей и др.). Этот документ составляет основную базу, на которой строятся взаимоотношения каждого ее гражданина, обладающего определенными правами и свободами, и государства, которое должно признавать и защищать конституционные права и свободы. Защищаемые Конституцией РФ ценности составляют определенную систему, выстроенную по иерархическому принципу, но это не значит, что можно принижать значимость одной из ее составляющих за счет другой. Необходимо поддерживать их баланс и равнозначность, не допуская перекоса в сторону одной из защищаемых ценностей [1, с. 85–88].

Принципы конституционности пронизывают все институты государства, включая оперативно-розыскную деятельность (ОРД), поэтому ее проведение вне рамок Основного Закона невозможно, а непосредственное осуществление и правовое регулирование имеет четко обозначенный конституционно-правовой смысл. Последняя призвана стоять на защите конституционно закрепленных прав личности, однако она допускает в конкретных условиях их

ограничение. В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) разъясняются причины и цели ограничения некоторых прав граждан в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности: это защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1). Условиями данного ограничения выступают: состояние преступности, характер и степень опасности криминальных деяний, негласное противодействие правоохранительным органам, которые ведут борьбу с преступностью, и в результате неэффективное или невозможное решение задач предупреждения и раскрытия преступлений другими средствами и способами [4, с. 1].

Усиливающееся давление криминальной составляющей на общественную безопасность, в том числе права личности, подразумевает повышение ответственности исполнительной власти и ее силовых структур за состояние и дальнейший рост уровня преступности, а значит, необходимость активизации их реагирования на данные посягательства. Однако при этом никто не упраздняет обязанность данных органов осуществлять правоохранительную деятельность в четких границах правового поля, не выходя за пределы установленных законодательно полномочий и не нарушая предписанного законом порядка. Как и многие исследователи, считаем, что все перечисленное актуально и в отношении субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в учреждениях уголовно-исполнительной системы [2, с. 16–18]. На наш взгляд, соблюдать законность в области ОРД особенно важно, ибо характер ее особенный, обусловленный обстановкой негласности, необходимостью ограничения граждан в их правах и неочевидностью этого для ее объектов, затруднениями в оценке наличия и степени ограничения субъективных прав, а значит, неясности оснований для их защиты. Стоит учесть, что ограничение прав имеет конкретную направленность в отношении определенных лиц, следовательно, никакие показатели вроде уровня преступности не могут стать обоснованием допустимости либо оправданием ограничения конституционных прав отдельной личности.

В связи с этим, применение в деятельности уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскных средств и методов должно быть обоснованным, отличаться необходимым и конкретным характером, а главное – соответствовать принципам права и строгому соблюдению законности. Если учесть, что в каждом демократическом правовом государстве роль Конституции, утверждающей основы государственного строя, правовой статус его граждан, гарантирующей развитие личности, общества и государства, общественную, экономическую, государственную и личную безопасность, то стоит признать, что оценивать конституционность ОРД можно только одним способом. Он состоит в следующем: нужно не только формальным образом сопоставлять правоприменительные действия с имеющимися правовыми нормами, но и проводить оценку данных норм в системе правового регулирования и на основе связанных с ними конституционных положений. При несоблюдении данных рекомендаций возможным результатом может стать множественность мнений в отношении равноценных действий и регламентирующих их положений закона как соответствующих или не соответствующих Конституции РФ. Закон об ОРД, утверждая принципы реализации данной деятельности и ее заключительную цель – обеспечение прав и свобод каждого члена общества, в ст. 5 одновременно дает гарантии их защиты с помощью четкого правового механизма. Указанная статья также определяет защищаемые конституционно права, соблюдение которых требуется обеспечивать во время проведения оперативно-розыскных мероприятий: неприкосновенность частной жизни гражданина и его жилища, личная и семейная тайна, в том числе корреспонденции. В общем, статья конкретизирует права человека, провозглашенные в ст. 23–25 Конституции РФ, и, значит, предписывает их соблюдать касательно объектов оперативно-розыскной деятельности. Вследствие этого мы согласны с мнением Е. В. Пугачева, указывающего, что, например, в ходе прослушивания разговоров по телефону непреднамеренно нарушаются конституционные права лиц, не принимавших абсолютно никакого участия в преступной деятельности [3, с. 23–26].

Следует признать: конституционные права человека и гражданина могут быть нарушены оперативно-розыскными мероприятиями, для проведения которых не требуется санкции

суда (наведение справок, опрос, наблюдение, оперативное внедрение), ведь эта деятельность предполагает сбор различных сведений, касающихся образа жизни человека, его поведения в повседневной обстановке, о привычках и отрицательных наклонностях, контактах, а ведь почти все это входит в область частной жизни. Нередко результатом таких действий становятся жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение их конституционных прав в ходе оперативно-розыскной деятельности. После рассмотрения этих жалоб принимаются решения, которые подтверждают конституционность положений Закона об ОРД и одновременно показывают ошибки его применения [5, с. 41–47]. Учитывая изложенное, можно констатировать: возникла неотложная необходимость в надежных гарантиях для защиты граждан от немотивированного, не имеющего под собой никаких оснований ограничения прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Законодателем вполне справедливо приведен исчерпывающий перечень тех прав, нарушение чревато обращением в суд, порядок которого закреплен в ст. 5 Закона об ОРД, а также в вышестоящий орган, прокуратуру либо в суд. Следовательно, неоспоримой обязанностью субъектов оперативно-розыскной деятельности можно назвать гарантированную реализацию названных и других конституционных прав, однако стоит помнить: эта обязанность распространяется не только на объекты, в отношении которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, но и на всех остальных лиц. На ограничения различных прав и свобод граждан нашей страны не раз обращал внимание и Конституционный Суд РФ, считая, что такие ограничения могут иметь лишь одно оправдание: если они произведены в целях достижения полезного для социума результата и обусловлены имеющимся публичным интересом (они перечислены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Ничем нельзя оправдать фальсифицирование в процессе правового регулирования непосредственной сути какого-либо права (свободы), находящегося под конституционной защитой, какая бы то ни было цель, даже служащая рационализации деятельности государственных органов, не должна стать основанием для ограничения прав и свобод. Главное при введении указанных ограничений – их соответствие принципам справедливости, а также содержащимся в Основном Законе целям, охраняемым интересам и характеру совершенного деяния. Закон должен стать их основанием, они – быть направлены на поддержание интересов общества и не превышать установленных для них пределов. Их задача – не дать свершиться злоупотреблению правом, поэтому данные меры обязаны быть объективно необходимыми и соответствовать конституционно признаваемым целям их применения.

Законодательством предусмотрена возможность ограничить права и свободы одного человека для защиты жизни, здоровья, собственности, прав и свобод иных лиц, поддержания безопасности общества и государства в соответствии с положениями Конституции РФ. Из содержания Закона об ОРД следует, что с учетом целей, задач, основания и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, включая связанные с ограничениями конституционных прав граждан, под противоправным деянием следует понимать исключительно уголовно наказуемое деяние, то есть преступление. Закон об ОРД называет следующие основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий: если органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, стали известны сведения не только о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, но и о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации; лицах, без вести пропавших, и об обнаружении непознанных трупов (п. 2 и 4 ч. 1 ст. 7). Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в пределах своих полномочий вправе собирать данные, требующиеся для принятия некоторых решений, перечисленных в ч. 2 ст. 7 [4].

Таким образом, обратим внимание на следующее: закон, регламентирующий такую специфическую деятельность, как оперативно-розыскная, должен быть изложен ясным и четким языком, чтобы исключить малейшее непонимание или возможность двоякого толкования в ходе его применения должностными лицами органов – субъектов оперативно-розыскной

деятельности. Закон об ОРД, на наш взгляд, нельзя назвать безупречным, и сомнения в отдельных его положениях периодически возникают, так как он понятен, прежде всего, специальным субъектам. Не определены гарантии от произвольного вторжения в частную жизнь объекта данной деятельности и (или) ограничения публичными органами его конституционных прав. Вследствие этого требуются некоторые пояснения и уточнения в отношении ограничиваемых прав личности.

Тесная взаимосвязь объективных и субъективных критериев качества закона очевидна, а значит, законодательные постулаты должны быть одинаково воспринимаемы и понятны и лицам, действующим от имени закона, и простым гражданам. Последние должны понимать, на каком основании и в каких условиях возможно ограничение их прав, причем совершение преступления и его подготовка не исчерпывают перечень причин, в связи с которыми могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, затрагивающие их права и свободы. Законодательные нормы в отношении ограничивающих конституционные права личности действий сотрудников правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы должны быть способными дать оценку их поведению и определять его как законное либо противоправное, чтобы у каждого человека был шанс оспорить несправедливые действия в закрепленном порядке и защитить свои права. Значит, следует оценивать как основания и условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 7, 8 Закона об ОРД), так и соответствие содержания оперативно-розыскных мероприятий законодательству. Закон об ОРД содержание указанной деятельности подробно не раскрывает, предоставив это ведомственным нормативным правовым актам. Но этот факт нельзя рассматривать как свидетельство неопределенности Закона по приведенным выше основаниям, ведь при обжаловании действий органов, ведущих оперативно-розыскную деятельность, оценка им может быть дана с привлечением положений именно ведомственных нормативных правовых актов. Оценить соответствие проведенных мероприятий требованиям данных актов могут как вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, так и прокуратура или суд.

Стоит отметить одну важную деталь: обращаясь с жалобой на нарушение своих прав и свобод, гражданин не обязан это доказывать и приводить какие-то факты в подтверждение своей жалобы. В соответствии с ч. 3 ст. 5 Закона об ОРД проверять законность и обоснованность подобных обращений должны органы, проводящие оперативно-розыскную деятельность, так как в данном Законе уже заложено понятие возможности ограничения прав граждан в определенных условиях ввиду специфики рассматриваемой деятельности.

На наш взгляд, для справедливой оценки поведения субъектов оперативно-розыскных мероприятий необходимо установить границы допустимости их действий, исключив при этом момент провокационности со стороны заинтересованных лиц и нарушения требований законности в ходе оперативно-розыскной деятельности. Положения Закона об ОРД должны применяться равнозначно всеми органами, выступающими в качестве субъектов данной деятельности, поэтому в указанном документе целесообразно закрепить по отдельности содержание всех оперативно-розыскных мероприятий и раскрыть используемые в нем наиболее важные понятия. При этом надо учесть недопустимость противоправного поведения субъектов оперативно-розыскной деятельности, какой бы практически полезной целью оно ни оправдывалось бы. В противном случае налицо противоречие заложенным в Конституции РФ принципам и целям правового государства, и такие отступления от буквы закона должны быть исключены. Высказанные нами суждения лишь обозначили имеющуюся проблему, а чтобы ее решить, нужно тщательно взвесить возможные результаты, обосновать в теоретическом плане и законодательно закрепить.

Библиографические ссылки

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1996. С. 85–88.

2. Налбандян Р.Г., Спасенников Б.А. Принуждение при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями ФСИН России // *Оперативник (сыщик)*. 2016. № 2 (47). С. 16–18.

3. Пугачев Е.В. О соотношении результатов ПТП и контроля и записи телефонных и иных переговоров в процессе доказывания по уголовным делам // *Оперативник (сыщик)*. 2005. № 4. С. 23–26.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 22 августа 2004 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1995. № 33. Ст. 3349; 2004. № 35. Ст. 3607.

5. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность и права и свободы человека и гражданина // *Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учеб. для вузов*. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2008. С. 41–47.

References

1. Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (The commentary to the Constitution of the Russian Federation), Pod red. L. A. Okun'kova. 2-e izd., dop. i pererab. M., 1996. Pp. 85–88.

2. Nalbandyan R.G., Spasennikov B.A. Prinuzhdenie pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatii operativnymi podrazdeleniyami FSIN Rossii (The coercion when carrying out operative search actions by operational units of the Federal penitentiary service of Russia), *Operativnik (syshchik)*. 2016. No. 2 (47). Pp. 16–18.

3. Pugachev E.V. O sootnoshenii rezul'tatov PTP i kontrolya i zapisi telefonnykh i inykh peregovorov v protsesse dokazyvaniya po ugovolnym delam (The ratio of the results of monitoring telephone conversations and monitoring and recording telephone and other conversations and in the process of proof in criminal cases), *Operativnik (syshchik)*. 2005. No. 4. Pp. 23–26.

4. Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti : feder. zakon ot 12 avgusta 1995 g. No. 144-FZ (red. ot 22 avgusta 2004 g.) (On operative search activity : The Federal law of 12.08.1995 № 144-FL (as amended on 22.08.2004), *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii*. 1995. No. 33. St. 3349; 2004. No. 35. St. 3607.

5. Shumilov A. Yu. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i prava i svobody cheloveka i grazhdanina (Operative search activity and rights and freedoms of man and citizen), *Kurs osnov operativno-rozysknoi deyatel'nosti, ucheb. dlya vuzov*. 3-e izd., dop. i pererab. M., 2008. Pp. 41–47.

Дата поступления: 22.01.2018

Received: 22.01.2018

УДК 343.98

**ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ
В РЕЗУЛЬТАТЕ УМЫШЛЕННОГО
УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ
ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА,
СОВЕРШЕННОГО ПУТЕМ ПОДЖОГА**

ФАЙЗУЛЛИНА Алина Анисовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lilialan@rambler.ru*

**PECULIARITIES OF MAKING
MATERIAL TRACES AS A RESULT OF
INTENTIONAL DESTRUCTION OR
DAMAGE TO PROPERTY OF
ANOTHER, COMMITTED BY ARSON**

FAYZULLINA Alina Anisovna,

Candidate of Science (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: lilialan@rambler.ru

Сведения об особенностях механизма следообразования являются необходимым элементом криминалистической характеристики умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога, так как содержат наиболее ценную информацию об обстоятельствах совершения преступлений. Анализ действий преступника, потерпевшего и других участников преступного события позволяет следователю определить конкретные предметы, на которые воздействовал преступник, и предположить, какие следы при этом могли остаться на этих предметах. На основе такого анализа выдвигаются версии относительно места нахождения доказательственной информации. Особое значение имеет классификация типичных материальных следов, обнаруживаемых на месте пожара, исследование которых позволяет получить фактические данные о местоположении очага пожара, его причине и продолжительности, об условиях, способствовавших распространению горения, а также о других обстоятельствах, важных для установления истины по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: материальные следы, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, поджог, личность преступника.

The information on the peculiarities of the mechanism of trace formation is an essential element of the forensic characteristics of intentional destruction or damage to property of another committed by arson, since they contain the most valuable information about the circumstances of the crimes in question. The analysis of the offender's, victim's and other participants' actions in the criminal event allows the investigator to identify the specific items that the offender has been exposed to and suggest which traces could remain on these items. On the basis of such an analysis, versions are put forward concerning the location of the evidence. The article focuses on the classification of typical material traces found on the site of a fire, the study of which allows obtaining actual data on the location of the fire, its cause and duration, the conditions that contributed to the spread of combustion, as well as other circumstances important for establishing the truth for a specific criminal case.

Key words: material traces, intentional destruction or damage to property of another, arson, criminal identity.

Пожар представляет собой термическое превращение веществ и материалов, сопровождающееся выделением тепла и продуктов горения. Находящиеся в зоне данного явления конструкции, вещества и материалы получают различные поражения, вызванные факторами

протекающего термохимического процесса. Названные поражения являются следами пожара. На их проявление в конкретных условиях влияют конструктивные особенности объекта пожара, вид и масса горючих материалов и целый ряд других факторов, включая действия людей как с целью способствовать возникновению и развитию пожара, так и направленных на его локализацию и ликвидацию. Следует отметить, что совокупность данных о следах преступления, их особенностях и локализации является важным элементом криминалистической характеристики умышленного уничтожения (повреждения) чужого имущества, совершенного путем поджога. В результате действий преступника в материальной обстановке могут наступить различные изменения, к числу которых можно отнести появление или исчезновение каких-либо предметов, их видоизменение и т.д. В этой связи изучение оставленных злоумышленником следов на месте пожара позволяет установить содержание того или иного эпизода преступной деятельности, а в некоторых случаях – составить картину произошедшего события. Таким образом, следы, вначале выступающие в качестве криминалистических признаков преступления, впоследствии в ходе расследования по уголовному делу, становятся доказательствами, благодаря чему создается возможность успешного раскрытия преступления [1, с. 41].

Как указывается в специальной литературе и что фактически имеет место на практике, в пределы границ места происшествия, где предстоит вести работу по поиску следов поджога, входят три зоны пожара: зона горения – участки местности, сооружения, где происходило выделение тепла и образование продуктов горения и где обычно находится очаг пожара; зона разрушений – окружающее зону горения пространство, части разрушенных сооружений и других объектов; зона периферических изменений – следует непосредственно за зоной разрушения, в ней отсутствуют следы воздействия теплового излучения и продукты горения, однако могут быть обнаружены следы преступных действий поджигателя. В зоне горения, где первоначально возникает пламя, происходит интенсивный процесс образования следов и характерных признаков, присущих только этой зоне: полное выгорание твердых горючих материалов, сквозные прогары, глубокое обугливание, температурные деформации несгораемых конструкций. На механизм следообразования влияет скорость распространения горения: вниз по вертикали скорость распространения наименьшая, по горизонтали – скорость значительно больше, вверх по вертикали – еще больше. При этом форма зоны горения будет иметь вид перевернутого конуса, границы которого в дальнейшем опустятся к полу, что особенно характерно для горения древесины.

В зоне разрушений в качестве носителей типичных материальных следов могут выступать предметы, используемые в качестве орудий поджога, а также предметы окружающей обстановки, сохранившие следы теплового воздействия. В зоне периферических изменений из-за разности температур на участке горения и на расстоянии от него, твердые составляющие элементы дыма, остывая и осаждаясь на поверхностях, образуют копоть. В каждой из обозначенных зон развития пожара в зависимости от степени поражения объекта огнем, остаются следы, указывающие на место, где первоначально возникло горение. При этом в зоне горения происходит образование наибольшего количества материальных следов. Данные следы главным образом расположены в очаге возгорания, и его установление является важнейшим условием для определения причины пожара. Поэтому «необходимо иметь в виду, что при ликвидации пожара в начальной или развитой стадии очаг может быть обнаружен по характерным очертаниям, оставленным зоной горения, тогда как в стадии затухания первоначальное место возникновения загорания установить затруднительно, а иногда невозможно. Поскольку горение развивается преимущественно в восходящем направлении, при поиске очага пожара следует обнаружить самую низшую точку, где имеются следы в виде обгораний, сквозных прогаров и т.п.» [2, с. 71].

Несмотря на разрушающее действие огня, а также неизбежное уничтожение значительной части следов в ходе тушения пожара, на месте происшествия остается множество разнообразных следов:

- бутылки, банки, канистры, другие емкости, в которых могут быть доставлены горючие вещества;

- следы горючих жидкостей и веществ на различных поверхностях;
- остатки документов, которые могут свидетельствовать о сокрытии другого преступления;
- различные механические приборы и приспособления для воспламенения в назначенное время;
- электроприборы и электроустановки, которые могли способствовать возникновению пожара;
- проводка, кабели со следами короткого замыкания или оплавления;
- следы ног и транспортных средств на подступах к месту пожара;
- оброненные преступником предметы [3, с. 754].

Особенности механизма слеодообразования по делам данной категории обуславливаются не только непосредственными действиями поджигателя, но и влиянием факторов, характерных для сопровождающих пожар термохимических процессов. Уничтожая многие источники доказательственной информации о преступлении, пожар оставляет собственные следы на элементах вещной обстановки. В этой связи материальные следы, обнаруживаемые на месте пожара, мы предлагаем классифицировать на две группы в зависимости от причины их возникновения:

1) следы, образовавшиеся при подготовке, совершении и сокрытии поджога и несущие информацию о личности предполагаемого преступника;

2) следы, образовавшиеся до возникновения горения и во время его развития вследствие протекания определенных физических, химических процессов, не связанных с действиями преступника или связанных с ними опосредованно, несущие информацию о расположении очага пожара, механизме возникновения горения, динамике развития пожара.

К первой группе материальных следов следует отнести: следы рук (24,2% изученных уголовных дел); следы обуви (28,4%); следы транспортных средств (21,6%); следы орудий взлома (36%); следы биологического происхождения (9,3%); инструменты и другие технические средства, необходимые для проникновения на предмет поджога (11,4%); следы легковоспламеняющихся и горючих жидкостей (63,2%); канистры, бутылки и другие емкости, использовавшиеся для доставки горючих веществ (56,1%); технические устройства и приспособления для совершения поджога (54,6%); оброненные преступником предметы (27,8%); отрезки электрических проводов, детали электрического оборудования со следами короткого замыкания и оплавления, электрические щиты, выключатели, электрическое оборудование, с которыми связано возникновение пожара (30,5%); тряпки, стружка, вата, ветошь и другие легкогорючие материалы, пропитанные легковоспламеняющейся жидкостью (37,6%); обгоревшие или поврежденные документы, содержащие информацию о предполагаемом мотиве поджога, свидетельствующие о сокрытии другого преступления и т.д. (10,3%); следы выстрела (2,1 %); обгоревшие трупы людей (11,7 %); запаховые следы горючих жидкостей (34,4 %). Следы поджога могут быть также обнаружены на теле или одежде подозреваемого: следы горючей жидкости и подпалин на одежде, волосах на покрове, следы ожогов и других телесных повреждений на теле преступника.

Ко второй группе материальных следов, составляющих вещную обстановку места происшествия, связанного с поджогом, относятся следы, несущие информацию о сопровождающих пожар процессах. Это следы копоти на строительных конструкциях, очаговый конус, следы выгорания и деформации конструкций и предметов и другие следы, исследование которых позволяет получить фактические данные о местоположении очагов пожара, причине пожара и его продолжительности, об условиях, способствующих распространению горения.

Отметим, что для происшествий, связанных с пожарами, несколько иное содержание, чем традиционное в криминалистике, приобретает деление следов на группы локальных и периферических, в зависимости от размещения на следовоспринимающем объекте. К локальным следам на месте пожара относятся признаки очага пожара оплавления металлических электропроводников, характерные обгорания деревянных и деформации металлических кон-

струкций и предметов и др.) и специфические следы (например, локальное отложение сажи, следы химических интенсификаторов горения). К группе периферических следов на местах происшествий, связанных с пожарами, могут быть отнесены расположенные вне очага пожара следы горения и термического воздействия, которые в силу своей неоднородности указывают на местоположение очага пожара и направление распространения горения. Вне зоны пожара могут быть обнаружены различные периферические следы, несущие информацию о нарушениях обстановки, вызванных действиями ликвидации пожара; повреждения запирающих устройств; предметы, удаленные с горевшего объекта при тушении или использованные для проникновения на него; следы, оставленные причастными к происшествию лицами на путях подхода к месту пожара и последующего отхода, в местах нахождения сообщников; брошенные или утерянные орудия преступления, личные вещи преступников и т.д. [4, с. 51].

Таким образом, учитывая то обстоятельство, что раскрытие и расследование поджогов с целью уничтожения или повреждения чужого имущества представляет значительную сложность, существует необходимость тщательного анализа следовой картины места пожара с целью установления причинно-следственной связи между действиями определенных лиц и возникновением пожара. Изучение материальных следов, предметов и веществ, составляющих вещную обстановку места происшествия, позволяет следователю получить ценную информацию о преступных действиях, связанных с возникновением криминального пожара и характеризующих подготовку, способ совершения и сокрытия преступления, о личности предполагаемого поджигателя, о сопровождающих пожар процессах и других обстоятельствах происшедшего события.

Библиографические ссылки

1. Богущая М.Ю. Методика расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
2. Бычков В.В. Расследование умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенных путем поджога : учеб. пособие. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2007.
3. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов. 5-е изд., пер. и доп. / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М. : Юрайт, 2015.
4. Зернов С.И., Колмаков А.И., Маковкин Н.В., Попов И.А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов. М. : ЭКЦ МВД России, 1998.

References

1. Boguckaja M.Ju. Metodika rassledovaniya umyshlennogo unichtozhenija ili povrezhdenija chuzhogo imushhestva, sovershennogo putem podzhoga (Methodology of investigation of intentional destruction or damage to another's property committed by arson), *dis. ... kand. jurid. nauk.* SPb., 2005.
2. Bychkov V.V. Rassledovanie umyshlennyh unichtozhenija ili povrezhdenija chuzhogo imushhestva, sovershennyh putem podzhoga (Investigation of intentional destruction or damage to another's property committed by arson), *ucheb. posobie.* Cheljabinsk : Cheljabinskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2007.
3. Kriminalistika. Polnyj kurs: uchebnik dlja vuzov (Forensic science. Full course: a textbook for universities). 5-e izd., per. i dop., pod obshh. red. A.G. Filippova. M. : Jurajt, 2015.
4. Zernov S.I., Kolmakov A.I., Makovkin N.V., Popov I.A. Primenenie tehniko-kriminalisticheskikh sredstv i metodov pri raskrytii i rassledovanii podzhogov (The use of technical and forensic tools and methods in the disclosure and investigation of arson). M. : JeKC MVD Rossii, 1998.

УДК 340

**О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО
МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ
КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»****АЛЕКСАНИН Александр Сергеевич**

*оперуполномоченный по особо важным делам
2 отдела оперативно-розыскной части (соб-
ственной безопасности) ГУ МВД России по
Санкт-Петербургу и Ленинградской обла-
сти, адъюнкт кафедры оперативно-
розыскной деятельности органов внутренних
дел Санкт-Петербургского университета
МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: aleksqpd@gmail.com*

**ON THE CONCEPT AND CONTENT OF
THE OPERATIVE SEARCH ACTIVITY
“OBTAINING COMPUTER
INFORMATION”****ALEKSANIN Alexander Sergeevich**

*Major Case Investigator of the Second De-
partment of the Operations and Search Divi-
sion(Inherent Security) of the Russian MIA
General Administration for the city of St. Pe-
tersburg and the Leningrad Region, Adjunct of
the Department of Operative Search Activities
of Internal Affairs Bodies of the St. Petersburg
University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, St. Petersburg, Russia.
E-mail: aleksqpd@gmail.com*

Дальнейшее развитие российского законода-
тельства, имеющее отношение к оперативно-
розыскным мероприятиям, характеризуется
появлением понятия «получение компьютер-
ной информации», что привело к включению
данного вида мероприятий в перечень опера-
тивно-розыскных мероприятий. Это связано с
тем, что перечень оперативно-розыскных ме-
роприятий в России является исчерпываю-
щим, и проводить мероприятия, не указанные
в перечне, запрещено. Исследование проблем,
связанных с такой ситуацией, позволяет гово-
рить о необходимости закрепления понятия
«оперативно-розыскные мероприятия» в За-
коне об ОРД, о целесообразности дополнения
данного закона статьей 5¹ под наименованием:
«Основные оперативно-розыскные понятия» и
включения в эту статью понятия «получение
компьютерной информации».

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука,
оперативно-розыскные мероприятия, получение
компьютерной информации, Закон об ОРД.

Further development of the Russian legislation
related to operative search activities is charac-
terized by the appearance of the concept of
“obtaining computer information” and that has
led to including this type of activities in the list
of operative search activities. This is due to the
fact that in Russia the list of operative search
activities is comprehensive, and it is prohibited
to carry out activities that are not indicated in
the list. The study of the problems associated
with this situation allows us to talk about the
need to consolidate the concept of “operative
search activities” in the Law on OSA, the ad-
visability of supplementing this law with Arti-
cle 5 under the title: “Basic Operative Search
Concepts” and including the concept “Obtain-
ing computer information” in this article.

Key words: operative search science, operative
search activities, obtaining computer infor-
mation, Law on OSA.

Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» впер-
вые появилось в российском праве с принятием Федерального закона «О внесении изменений
в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты
Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терро-
ризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 года [2]. Этим законом в
Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] были внесены дополнения,

связанные с включением в перечень оперативно-розыскных мероприятий получения компьютерной информации.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий в России является исчерпывающим. То есть, проводить мероприятия, не указанные в перечне запрещено. Надо сказать, что не во всех государствах на уровне закона существует такой перечень. Где-то перечень определен ведомственным закрытым нормативно-правовым актом, а где-то его и вовсе не существует. Оперативные подразделения проводят все необходимые действия, какие сочтут, при условии получения разрешения суда (если ограничивают права человека [17]), санкции руководителя (директора, министра), иных ограничительных условий, гарантирующих законность и отсутствие вседозволенности. У нас законодатель пошел путем регламентации всех разрешенных оперативно-розыскных мероприятий. То есть: разрешены только такие и все. Другие запрещены. Но как нередко бывает в России, начатое не было завершено до конца. Так, если в законе обозначаются конкретные оперативно-розыскные мероприятия, то в законе должны быть приведены как минимум их понятия. Понятий конкретных оперативно-розыскных мероприятий в Законе не содержится. И лишь благодаря усилиям таких известных ученых как В.П. Сальников, С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, А.Ю. Шумилов, С.В. Степашин, В.Ю. Голубовский, А.В. Шахматов и небольшому числу других специалистов в конце 1990-х - начале 2000 годов удалось избежать правового вакуума и беззакония. Они предложили понятия, которыми стали руководствоваться практически все оперативные работники, прокуроры, следователи, а главное – судьи [9]. Благодаря трудам этих ученых судьи стали лучше понимать законодательную часть оперативно-розыскной деятельности и что за ней стоит, появилось доверие к результатам оперативно-розыскных мероприятий и законности их получения. Часть идей названных ученых были отражены в ведомственных нормативно-правовых актах, посвященных конкретным оперативно-розыскным мероприятиям. Было внесено много поправок и в Закон об ОРД [4; 5; 6; 8; 11; 12; 14; 15; 19; 20; 21; 23]. Тем не менее, понятий оперативно-розыскных мероприятий Закон об ОРД до сих пор не содержит. Поэтому ведущие специалисты оперативно-розыскной науки вновь будут формировать мнение судей, прокуроров, оперативных сотрудников и их начальников. С другой стороны, может быть это и не плохо, поскольку федеральные законы, к сожалению, не всегда пишутся профессионалами. В результате ученым и практикам приходится прилагать много усилий, чтобы исправить ошибки законодателя. Ярким печальным примером наших слов является УПК РФ.

На новое оперативно-розыскное мероприятие первыми как всегда обратили внимание ведущие специалисты: С.И. Захарцев, В.П. Сальников, Ю.Ю. Игнащенко и А.Ю. Шумилов. Сразу после появления этого мероприятия в законе, А.Ю. Шумилов в последнем номере журнала «Оперативник (сыщик)» посвятил получению компьютерной информации научную статью. А вскоре вышла первая научная книга, где исследовалось данное мероприятие: ей стала монография под редакцией С.И. Захарцева «Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность», которую он написал в соавторстве с В.П. Сальниковым, Ю.Ю. Игнащенковым и В.А. Вихровым. Названные ученые ранее неоднократно писали о том, что сейчас наблюдается значительный технический прогресс в области способов связи и общения людей между собой. Этот прогресс, во-первых, всячески разнообразит связь людей между собой. А во-вторых, несомненно, заставит оперативные подразделения менять, расчленять, формулировать на базе известных новые оперативно-розыскные мероприятия, что контролировать вновь появившиеся способы общения и связи. В этой связи С.И. Захарцев и его соавторы объективно предположили, что в части развития наиболее перспективным является снятие информации с технических каналов связи. Более того, предложили и стояли у истоков необходимости разделять названное оперативно-розыскное мероприятие на несколько – в зависимости от вида связи [10; 16]. И вот процесс разделения мероприятий начался уже на законодательном уровне. Как писали С.И. Захарцев, В.А. Вихров, В.П. Сальников и Ю.Ю. Игнащенко, несмотря на то, что это мероприятие официально появилось недавно, оно

уже достаточно давно известно оперативным подразделениям как составляющая других мероприятий, в первую очередь, снятия информации с технических каналов связи [18].

Действительно, наработано много положительных примеров получения компьютерной информации. Например, в компьютерах нередко содержатся сведения, доказывающие преступный характер конкретных лиц. Или можно найти фотографии, доказывающие знакомство и близость с тем или иным человеком. Получение компьютерной информации, конечно же, активно применяется и для раскрытия компьютерных преступлений, получивших в настоящее время большое распространение. Так, для поимки «хакера» оперативным сотрудникам пришлось вступить с ним в электронную переписку. Когда «хакер» был «вычислен» и задержан, сохранившаяся у него на компьютере электронная переписка послужила доказательством противоправных действий. Говоря объективно, сейчас практически все взрослое население пользуется компьютерами. И уже давно, органы, осуществляющие ОРД, в строгом соответствии с законом проводят по компьютерам необходимые оперативно-розыскные мероприятия. Сейчас это мероприятие выделено в самостоятельное. Ранее, оно было частью либо снятия информации с технических каналов связи, либо прослушивания телефонных переговоров (если телефонный разговор шел через компьютер), либо контроля почтовых отправлений и иных сообщений (если речь шла о переписке). В этой связи сейчас появляется определенная научно-практическая проблема правильного наименования проводимого мероприятия: если телефонные переговоры идут через компьютер, то оперативная работа по ним будет называться получение компьютерной информации или прослушиванием телефонных переговоров? То же касается и перехвата почтовых отправлений.

Практическое значение правильного наименования очень велико. Ведь у названных мероприятий разное правовое регулирование. Так, например, в отличие от указанных оперативно-розыскных мероприятий прослушивание телефонных переговоров может проводиться только по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям. Поэтому точность понятия исследуемого мероприятия особенно важны. А.Ю. Шумилов сразу обратил внимание на то, что даже его название не совсем точно. Из данного названия совершенно выпала одна из главных составляющих получения компьютерной информации – ее поиск в компьютерах и компьютерных сетях. Поэтому вполне логичными представляются и другие названия, в частности: «оперативные поиск и получение компьютерной информации», «оперативно-розыскное получение компьютерной информации», «сыскное добывание компьютерной информации», «оперативный компьютерный поиск» [22, с. 34-35].

Мы согласны с уважаемым ученым. Но с другой стороны, для нашего законодателя не характерно вообще говорить о поисковой работе. Так, перед прослушиванием телефонных переговоров вначале надо поисковым путем установить конкретный интересующий номер. Перед контролем почты провести поисковые мероприятия по контролю именно нужных адресатов или нужной информации. Перед снятием информации тоже ведется поисковая работа, но о ней не принято говорить в законе. Поэтому нам кажется, что и получение компьютерной информации нужно именовать в соответствии с формированием сложившихся законодательных традиций правового регулирования оперативно-розыскной деятельности. Поэтому мы не против имеющегося названия. Однако то, о чем справедливо написал А.Ю. Шумилов должно быть в определении этого мероприятия.

В части понятия «получение компьютерной информации» четкое и понятное определение традиционно предложили С.И. Захарцев, В.П. Сальников, Ю.Ю. Игнащенко и В.А. Вихров. По их мнению, получение компьютерной информации – это оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в добывании из компьютеров и компьютерных сетей оперативно-значимой информации. Вместе с тем, нам представляется важным и правильным указать в определении то, о чем писал А.Ю. Шумилов. А именно: написать, что мероприятие заключается не только в добывании, но и обнаружении интересующей информации. В связи с этим нам представляется наиболее точным такое определение данного понятия: получение компьютерной информации – это оперативно-розыскное мероприятие, кото-

рое заключается в обнаружении и добывании из компьютеров и компьютерных сетей оперативно-значимой информации.

В части разграничения схожих оперативно-розыскных мероприятий между собой нам представляется, что поступать нужно исходя из названия и действий. Если речь идет о перехвате телефонных переговоров, то это прослушивание телефонных переговоров, если о перехвате информации с каналов связи или почты, то, соответственно, речь идет о снятии информации с каналов связи и контроле почтовых отправлений. Получение компьютерной информации – это именно обнаружение в компьютере, который ничего не передает, интересующей информации и ее добывание, а также добывание информации из компьютерных сетей, не задействованных в данный момент в ее передаче. Если же происходит передача информации, то речь должна вестись о других оперативно-розыскных мероприятиях, связанных с контролем этих действий (прослушиванием, снятием информации, чтением переписки).

Хочется еще раз вернуться к вопросу о том, что понятий конкретных оперативно-розыскных мероприятий Закон об ОРД не содержит. Такие понятия имеются в ведомственных нормативных актах, имеющих ограничительные грифы. Однако, что естественно, данные понятия не совпадают. К примеру, органы ФСБ России не будут знакомить органы внутренних дел с приказами и инструкциями по проведению наблюдения, обследования жилых помещений, получению компьютерной информации и т.д., в которых даны определения конкретных мероприятий. Отсюда в каждом органе, осуществляющем ОРД, имеется собственное понимание сущности оперативно-розыскных мероприятий. Однако ситуация, при которой отсутствует единое понимание мероприятий, ведет к различной практике их проведения, что подчас губительно отражается и на результатах работы, и на соблюдении прав человека. Такое положение дел негативно сказывается и на качестве научных исследований. В связи с этим, мы присоединяемся к предложению о дополнении Закона об ОРД статьей 5¹, в которой содержались бы основные оперативно-розыскные понятия, в том числе понятия оперативно-розыскных мероприятий (соответственно и получения компьютерной информации) [10; 13; 16; 18]. Как точно отметили В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров, установление правового содержания оперативно-розыскных мероприятий, детальная регламентация их организации и порядка проведения фактически «отданы на откуп» заинтересованным министерствам и ведомствам. Но в их нормативных правовых актах эти вопросы могут трактоваться (и трактуются) неоднозначно. Разумеется, что применение тех или иных оперативно-розыскных мероприятий разными органами, осуществляющими ОРД, может иметь свою специфику. Она-то и должна отражаться в этих актах. Вместе с тем, каждое мероприятие, независимо от того, каким органом оно выполняется, обладает определенными свойствами, носящими общий характер. Следует учитывать и то, что правомерность оперативно-розыскных мероприятий и их результаты оцениваются следователями, прокурорами, судьями, адвокатами (защитниками). Отсутствие же законодательного определения сущности отдельных видов оперативно-розыскных мероприятий значительно затрудняет решение данного вопроса и нередко приводит к тому, что те или иные оперативно-розыскные мероприятия, проведенные оперативными работниками, названными лицами признаются незаконными. Сказанное предопределяет необходимость принятия законодательных мер, обеспечивающих единообразие нормативного правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий различными органами, осуществляющими ОРД, и однозначное понимание правовой сущности этих мероприятий всеми лицами, которые так или иначе связаны с проведением, оценкой таких оперативно-розыскных мероприятий, использованием их результатов (оперативный работник, следователь, прокурор и т.д.) [3, стр. 13]. Следует отметить, что в законодательстве ряда государств, например, Республики Беларусь, понятия оперативно-розыскных мероприятий имеются.

Считаем необходимым закрепить понятия оперативно-розыскных мероприятий в Законе об ОРД. Для этого представляется целесообразным дополнить Закон об ОРД статьей 5¹ под наименованием: «Основные оперативно-розыскные понятия». В эту статью включить и сформулированное нами понятие получения компьютерной информации.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.
3. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности. М., 2003.
4. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А. В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности / под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2005.
5. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2004.
6. Голубовский В.Ю. Оперативно-розыскная деятельность. М., 2001.
7. Голубовский В.Ю. Теоретические и правовые аспекты информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности: Монография / под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
8. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2005.
9. Захарцев С.И. Надо ли судье знать оперативно-розыскную деятельность // Российский судья. 2004. № 1. С. 13-14.
10. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2011.
11. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом / под редакцией В.П. Сальникова. СПб., 2003.
12. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения и прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 3. С. 135-141.
13. Захарцев С.И., Медведев В.Н. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / под общей редакцией В.П. Сальникова. СПб., 2004.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2015. № 12 С. 11-15.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5-9.
16. Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке. М., 2015.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 127-138.
18. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / под ред. С.И. Захарцева. М., 2017.
19. Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. М., 2001.
20. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2005.
21. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004.

22. Шумилов А.Ю. Получение компьютерной информации как новое оперативно-розыскное мероприятие: первые шаги научного познания // Оперативник (сыщик). 2016. № 4 (49). С. 35-38.
23. Шумилов А.Ю. Проблемы законодательного регулирования в оперативно-розыскной деятельности: десять лет спустя. М., 2008.

References

1. Federal'nyi zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» (Federal Law of August 12, 1995 No144-FZ “On Operational-Investigative Activity”), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 1995. No. 33. St. 3349.
2. Federal'nyi zakon ot 6 iyulya 2016 g. № 374-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O protivodeistvii terrorizmu" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeistviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti» (Federal Law of July 6, 2016 No. 374-FZ “On Amendments to the Federal Law on Counteracting Terrorism” and certain legislative acts of the Russian Federation with regard to the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety”), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*. 2016. No. 28. St. 4558.
3. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoi deyatel'nosti (On the legislative regulation of operational-search activity), М., 2003.
4. Bukharov N.N., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I., Fedorov A.V., Shakhmatov A. V. Proslushivanie telefonnykh peregovorov v operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Listening of telephone conversations in operative-search activity), pod red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2005.
5. Vinnichenko N.A., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve (Legal regulation of the use of the results of operational-search activity in criminal proceedings), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2004.
6. Golubovskii V.Yu. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' (Operative-search activity). М., 2001.
7. Golubovskii V.Yu. Teoreticheskie i pravovye aspekty informatsionnogo obespecheniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Theoretical and legal aspects of information support of operational-search activity), Monografiya, pod red. V.P. Sal'nikova. SPb., Sankt-Peterburgskii un-t MVD Rossii, 2000.
8. Evstratikov B.M., Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknye mero-priyatiya na kanalakh svyazi (pravovoi analiz) (Operative-search activities on communication channels (legal analysis)), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2005.
9. Zakhartsev S.I. Nado li sud'e znat' operativno-rozysknuyu deyatel'nost' (Is it necessary for the judge to know operational-search activities), *Rossiiskii sud'ya*, 2004, No. 1, pp. 13-14.
10. Zakhartsev S.I. Nauka operativno-rozysknoi deyatel'nosti: filosofskii, teoretiko-pravovoi i prikladnoi aspekty (The science of operational-search activity: philosophical, theoretical-legal and applied aspects). SPb., 2011.
11. Zakhartsev S.I. Operativno-rozysknye meropriyatiya v Rossii i za rubezhom (Operative-search activities in Russia and abroad), pod redaktsiei V.P. Sal'nikova. SPb., 2003.
12. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu. K voprosu o dopustimosti provedeniya i proslushi-vaniya telefonnykh peregovorov po prestupleniyam nebol'shoi i srednei tyazhesti (On the issue of the admissibility of conducting and listening to telephone conversations in investigations of crimes of small and medium gravity), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2006, No. 3, pp. 135-141.
13. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N. Snyatie informatsii s tekhnicheskikh kanalov svyazi: pravovye voprosy (Withdrawal of information from technical communication channels: legal issues), pod obshchei redaktsiei V.P. Sal'nikova. SPb., 2004.
14. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya ekonomika i operativno-rozysknaya politika (Operational-search economy and operational-search policy), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*. 2015, No. 12, pp. 11-15.
15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto est' komprekhendnaya teoriya prava? (What is comprehensive epistemology of law?), *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 3, pp. 5-9.

16. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke (Operational-search activities in the XXI century). M., 2015.
17. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P., Kiryushkina N.O. Konstitutsionnye prava cheloveka: vozmozhny li ogranicheniya (Constitutional rights of man: are limitations possible), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitu-tsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsional'nosti*, Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obshch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. SPb., Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2017, pp. 127-138.
18. Zakhartsev S.I., Vikhrov V.A., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i voennaya bezopasnost' (Operational-search activity and military security), pod red. S.I. Zakhartseva. M., 2017.
19. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' (Operative-search activities), pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, A.Yu. Shumilova. M., 2001.
20. Shakhmatov A.V. Agenturnaya rabota v operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Agency work in operational-search activities), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., 2005.
21. Shumilov A.Yu. Operativno-rozysknaya entsiklopediya (Operational-search encyclopedia). M., 2004.
22. Shumilov A.Yu. Poluchenie komp'yuternoi informatsii kak novoe operativno-rozysknoe meropriyatie: pervye shagi nauchnogo poznaniya (Obtaining computer information as new operational-search activities: the first steps of scientific knowledge), *Operativnik (syshchik)*, 2016, No. 4 (49), pp. 35-38.
23. Shumilov A.Yu. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya v operativno-rozysknoi deyatel'nosti: desyat' let spustya (Problems of legislative regulation in operational-search activities: ten years later). M., 2008.

Дата поступления: 16.01.2018

Received: 16.01.2018

УДК 340

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

БЫКОВА Энже Фаузелевна

аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», генеральный директор ООО Аудиторская Консалтинговая Фирма "КОНТУР ГАРАНТ АУДИТ", начальник отдела внутреннего аудита ФГБОУ ВО УГНТУ, г. Уфа, Россия.

E-mail: contur-garant@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE SIGNIFICANCE OF FORENSIC AUDIT

BYKOVA Enzhe Fauzelevna

Postgraduate Student of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Director General of the Audit Consulting Firm "KONTUR GUARANTOR AUDIT", Head of the Internal Audit Department of the FSBEI HE "Ufa State Petroleum Technological University", Ufa, Russia. E-mail: contur-garant@yandex.ru

Судебно-бухгалтерская экспертиза занимает доминирующее положение в составе судебно-экономических экспертиз. На основании заключения судебно-бухгалтерской экспертизы формируется доказательственная база по противоправным экономическим действиям, затрагивающим систему бухгалтерского учета. Для полноценного развития института судеб-

Forensic audit occupies a dominant position in the composition of forensic economic examinations. Body of evidence is being formed for unlawful economic actions affecting the accounting system based on the conclusion of forensic audit. For the full-scale development of the institution of forensic economic expertise, it is required to develop instructions on the proce-

но-экономической экспертизы требуется разработка инструкции о порядке назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовным делам в сфере экономики как элемента методического обеспечения организационного процесса экспертных действий.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, судебно-бухгалтерская экспертиза, судебная экспертиза, экономическая экспертиза, бухгалтерская экспертиза.

duration for the appointment and production of forensic audit in criminal cases in the sphere of economics as an element of methodological support of the organizational process of expert activities.

Key words: forensic economic examination, forensic audit, forensic examination, economic examination, accounting examination.

В современных условиях в связи развитием финансово-экономической сферы возрастает объем споров по экономическим вопросам между хозяйствующими субъектами. Причем имеет место увеличение не только количества, но и разнообразия спорных вопросов, рассматриваемых в судебном порядке. Этот процесс тесно взаимосвязан с анализом информации о хозяйственных операциях, отраженной в документах учета и отчетности. Такая информация может быть получена при проведении судебно-экономической экспертизы. Судебно-экономические экспертизы являются одними из наиболее распространенных в гражданском судопроизводстве, хотя их производство организовано пока только в некоторых государственных судебно-экспертных учреждениях. Доминирующее положение в составе судебно-экономических экспертиз занимает судебно-бухгалтерская экспертиза, на основании заключения которой формируется доказательственная база по противоправным экономическим действиям, затрагивающим систему бухгалтерского учета.

В зависимости от назначения и производства экспертизы делятся на судебные и несудебные. Судебная экспертиза обладает свойствами, описанными процессуальным законодательством, и представляет собой особый анализ, осуществляемый судебными органами. Данная экспертиза не может существовать вне процессуальной формы, так как заключение эксперта следует расценивать в качестве судебного доказательства. Экспертиза назначается для доказывания фактов, индивидуальных для различных родов и видов судебной экспертизы. Случаи, при которых один и тот же факт доказывается с помощью разнообразных процессуальных средств, может являться исключением.

В 1962 г. А.Р. Шляхов [1] предложил классификацию судебных экспертиз по комплексному критерию с выделением 9 классов: криминалистические; медицинские и психологические; инженерно-транспортные; инженерно-технологические; технические; бухгалтерские и финансово-экономические; сельскохозяйственные; экологические; биологические. В дальнейшем Ю.Г. Корухов [2] данную классификацию дополнил новым классом судебных экспертиз – искусствоведческими, а бухгалтерская и финансово-экономическая экспертизы им были заменены на экономическую. Т.С. Волчецкая [3] предложила дополнить такую классификацию еще почвоведческой экспертизой и экспертизой пищевых продуктов. На данный момент классификация судебных экспертиз состоит из 12 классов и является общепринятой. Выявление родовых признаков является сутью экспертизы как исследования, а термин «судебная» выступает свойством экспертизы, обуславливающим правовую форму. При изучении экономического класса экспертиз возникают проблемы их дифференциации. В 1987 г. в СССР в период экономической реформы были выделены такие роды судебной экономической экспертизы, как:

- бухгалтерские;
- финансово-кредитные;
- экономики труда;
- планово-экономические;

- финансово-экономические;
- экономико-статистические [4, с. 76].

В условиях трансформации экономической системы отдельные роды экономической экспертизы (экономика труда, планово-экономическая и экономико-статистическая) в современных условиях потеряли свою актуальность. Анализ источников научного и учебно-методического характера по проблеме дифференцированного подхода к экономическому классу экспертиз обосновывает необходимость научных исследований в данном направлении. При назначении экономической экспертизы возникают определенные затруднения в выборе ее рода – финансово-экономической, бухгалтерской, налоговой и др. Такие вопросы не могут решаться с помощью упрощенного подхода к классификации экспертиз экономического класса. Выделяют следующие рода судебных экспертиз экономического класса:

- бухгалтерские;
- финансово-аналитические;
- налоговые [5].

В условиях развития в России финансово-кредитной системы, увеличения количества экономических правонарушений и преступлений необходимо принимать во внимание финансово-кредитные экспертизы. Градация судебных экономических экспертиз по четырем родам принята в экспертной практике органов внутренних дел и выглядит следующим образом:

- бухгалтерские экспертизы;
- финансово-аналитические экспертизы;
- налоговые экспертизы;
- финансово-кредитные экспертизы [6].

В коммерческих структурах, занятых в сфере финансового контроля, также используется подобная классификация. Ими исследуются вопросы бухгалтерского учета и данных бухгалтерской (финансовой) отчетности деятельности организаций, при решении которых появляется возможность выявить различные правонарушения и злоупотребления. При необходимости объективного мнения экспертов о правильности и точности отражения в учете тех или иных фактов хозяйственной жизни инициаторами исследований могут являться экономические субъекты, которым предстоит решить следующие задачи: проверка правильности организации бухгалтерского учета; оценка законности отражения в бухгалтерском учете заключенных и совершенных экономическим субъектом сделок гражданско-правового характера; определение порядка принятия к учету, начисления амортизации и списания основных средств; проверка своевременности и правильности проведения инвентаризации и т.д. Нами предлагается разделение класса экономических экспертиз на основе потребностей судебной практики по следующим родам:

- судебно-бухгалтерская;
- судебная финансово-аналитическая;
- судебно-налоговая;
- судебная финансово-кредитная.

Необходимо отметить, что бухгалтерская экспертиза занимает важное место, так как экспертные исследования, проводимые в рамках других родов экономических экспертиз, базируются чаще всего на бухгалтерских данных, полученных в процессе ревизий, проверок или экспертиз. Поэтому считаем возможным ассоциировать бухгалтерскую экспертизу с понятием «судебно-бухгалтерская экспертиза». Дифференциация экономических экспертиз не может быть закреплена в законодательном порядке в связи с ее постоянной трансформацией из-за изменения нормативной базы, структуры противоправных действий экономической направленности и т.д. Поэтому проблема группировки судебно-экономических экспертиз требует внимания со стороны ученых и практиков, тем самым позволяя разрабатывать наиболее актуальные направления развития экспертных экономических исследований. В современ-

ных условиях существуют две нерешенные проблемы в организации и проведении судебно-бухгалтерских экспертиз.

Первая проблема связана с увеличением количества таких экспертиз, назначаемых в органах внутренних дел по уголовным делам экономической направленности. Так, по данным МВД России, «в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 3,7% возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 111,2 тыс. преступлений данной категории, их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 4,7%; материальный ущерб – 271,49 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 62,6%» [7]. В связи с тем, что официальная статистика о количестве назначаемых судебно-бухгалтерских экспертиз в органах внутренних дел отсутствует, воспользуемся официальными данными МВД России о состоянии преступности в 2016 г. и рассчитаем примерное количество назначенных судебно-бухгалтерских экспертиз. Если из 111,2 тыс. выявленных экономических преступлений 62,6% составляют тяжкие и особо тяжкие, мы можем с уверенностью говорить о том, что в 2016 г. было назначено и проведено как минимум 70 тыс. экспертиз экономического характера. Доля судебно-бухгалтерских экспертиз в общем количестве судебно-экономических по разным оценкам составляет около 80 % и может приближаться к 50–60 тыс. [7]. Применительно к субъектам Российской Федерации количество судебно-бухгалтерских экспертиз, приходящееся на территориальные экспертно-криминалистические подразделения за 2016 г., колеблется в пределах 700. Это довольно значительное количество судебно-бухгалтерских экспертиз, если проводить дальнейшие расчеты на одного эксперта-бухгалтера.

Вторая проблема связана с усложнением экспертных бухгалтерских процедур и необходимостью совершенствования и трансформации методов проведения судебно-бухгалтерской экспертизы в ответ на модификацию приемов неправомерных экономических действий. Обе обозначенные нами проблемы предполагают повышенное внимание ученых и практиков к вопросам эффективной организации экспертных бухгалтерских работ. В настоящее время по фактам совершенных экономических преступлений (в первую очередь по тяжким и особо тяжким) назначаются и экспертизы, в состав которых обязательно включаются эксперты-бухгалтеры. Все это требует особого подхода к организации и планированию совместных экспертных действий в целях получения максимального достоверного результата и выдачи адекватного экспертного заключения по итогам проведенных исследований. Проблемы организации судебно-бухгалтерской экспертизы в современной научной и методической литературе остаются малоизученными, несмотря на то, что усложнение процесса производства экспертных действий требует более тщательного и взвешенного подхода к организационным аспектам судебно-бухгалтерской экспертизы. Вместе с тем, с одной стороны, вопросы планирования судебно-бухгалтерской экспертизы в той или иной степени регламентируются ведомственными инструкциями, а с другой – существует ряд нерешенных и малоисследованных вопросов, которые требуют тщательного изучения с научной и специальной точки зрения.

С учетом имеющихся теоретических разработок в области организации экспертных бухгалтерских работ, а также ориентируясь на потребности практики, мы посчитали возможным сформулировать авторское определение программы судебно-бухгалтерской экспертизы: это формализованная и документально оформленная совокупность приемов и методов судебно-бухгалтерской экспертизы, включающая перечень экспертных процедур, исполнителей и сроки по каждому направлению экспертной деятельности [8]. Программа судебно-бухгалтерской экспертизы является документом, составляемым в развитие общего плана экспертизы, и представляет собой детальный перечень экспертных процедур, необходимых для практической реализации плана.

Таким образом, нами обоснована необходимость формирования единого научного подхода к организационному процессу судебно-бухгалтерской экспертизы. В связи с этим

была аргументирована необходимость проведения аналитической работы в области формирования единого научного подхода при организации экспертных судебно-бухгалтерских работ, определены обстоятельства, которые следует учитывать при разработке программы проведения судебно-бухгалтерской экспертизы. Результаты проведенных исследований могут быть использованы в практической деятельности следственного аппарата и экспертных подразделений органов внутренних дел. На наш взгляд, для полноценного развития института судебно-экономической экспертизы требуется разработка Инструкции о порядке назначения и производства судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовным делам в сфере экономики как элемента методического обеспечения организационного процесса экспертных действий.

Библиографические ссылки

1. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М. : РФЦСЭ, „Наука”, 2016. С. 41-43.
2. Корухов Ю.Г. Проблема комплексности в судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы : сборник. М. : БСЭ РФЦСЭ при Минюсте России, 2009. № 3 (15). С. 10-17.
3. Волчецкая Т.С. Тактические аспекты судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза на Дальнем Востоке / под науч. ред. Ю.Г. Плесовских. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2013. Вып. 3. С. 30-36.
4. Алехина С.В., Рябова Л.В. Судебно-экономическая экспертиза : учеб.-метод. пособие. Ставрополь : СевКавГТУ, 2010.
5. Быстрыakov Е.Н. Сатинов А.Ю. Проблемы назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с легализацией преступных доходов // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики. Саратов : Изд-во СаратовУ, 2009. Вып. 3. С. 313-316.
6. Голикова В.В. О научной и методической обоснованности при производстве судебной налоговой экспертизы // Актуальные проблемы российского права. М. : Изд-во МГЮА, 2010. № 4 (17). С. 217-224.
7. Закаревич В.Е. Судебно-бухгалтерская экспертиза на практике. Ч. 4 URL: <http://www.buhgalteria.ru/article/n85251>.
8. Питеров А.А. Предмет, задачи и объекты судебной экономико-стоимостной экспертизы // Судебная экспертиза. Саратов : Изд-во СЮИ МВД России, 2015. № 1 (21). С. 108-119.

References

1. Shlyakhov A.R. Trudy po sudebnoi ekspertize (Works on forensic examination). M., RFTsSE, „Nauka”, 2016, pp. 41-43.
2. Korukhov Yu.G. Problema kompleksnosti v sudebnoi ekspertize (The problem of complexity in forensic examination), *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy : sbornik*. M., BSE RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2009, No. 3 (15), pp. 10-17.
3. Volchetskaya T.S. Takticheskie aspekty sudebnoi ekspertizy (Tactical aspects of forensic expertise), *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza na Dal'nem Vostoke*, pod nauch. red. Yu.G. Plesovskikh. Khabarovsk, RITs KhGAEP, 2013, vyp. 3, pp. 30-36.
4. Alekhina S.V., Ryabova L.V. Sudebno-ekonomicheskaya ekspertiza (Judicial-economic examination), *ucheb.-metod. posobie*. Stavropol', SevKavGTU, 2010.
5. Bystryakov E.N. Satinov A.Yu. Problemy naznacheniya sudebnykh ekspertiz pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s legalizatsiei prestupnykh dokhodov (Problems of appointment of forensic expertise in the investigation of crimes associated with the legalization of criminal proceeds), *Aktual'nye problemy sovremennoi yuridicheskoi nauki i praktiki*. Saratov, Izd-vo SaratU, 2009, vyp. 3, pp. 313-316.
6. Golikova V.V. O nauchnoi i metodicheskoi obosnovannosti pri proizvodstve sudebnoi nalogovoi ekspertizy (On scientific and methodological validity in the process of judicial forensic examination), *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. M., Izd-vo MGYuA, 2010, No. 4 (17), pp. 217-224.

7. Zakarechkin V.E. Sudebno-bukhgalterskaya ekspertiza na praktike. Ch. 4 (Forensic accounting in practice. Part 4). URL: <http://www.buhgalteria.ru/article/n85251>.
8. Piterov A.A. Predmet, zadachi i ob"ekty sudebnoi ekonomiko-stoimostnoi ekspertizy (A subject, tasks and objects of judicial economic-cost and expert examination), *Sudebnaya ekspertiza*. Saratov, Izd-vo SYuI MVD Rossii, 2015, No. 1 (21), pp. 108-119.

Дата поступления: 12.12.2017

Received: 12.12.2017

УДК 343.9

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ,
СОВЕРШЕННЫХ МЕДИЦИНСКИМИ
РАБОТНИКАМИ ВСЛЕДСТВИЕ
НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ
СВОИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ**

СЕМЕНОВА Олеся Юрьевна

*аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: simonova-o@mail.ru*

**THE METHOD OF COMMITTING A
CRIME AS AN ELEMENT OF FORENSIC
CHARACTERISTICS OF CRIMES
AGAINST LIFE AND HEALTH
COMMITTED BY MEDICAL WORKERS
IN CONSEQUENCE OF MEDICAL
MISCONDUCT**

SEMENOVA Olesya Yurevna

*Postgraduate Student of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: simonova-o@mail.ru*

Медицинские работники в процессе осуществления своей профессиональной деятельности все чаще совершают преступления против жизни и здоровья, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Данные преступления представляют повышенную общественную опасность и требуют серьезного подхода со стороны следователя, а также правоохранительных органов в целом. При расследовании данных преступлений перед следователем возникает ряд трудностей, одна из которых заключается в построении следственных версий на первоначальном этапе расследования. Один из вариантов разрешения данной проблемы, автор видит в тщательном изучении элементов криминалистической характеристики преступлений, а именно в знании типичных способов совершения преступлений против жизни и здоровья, совершенных вследствие ненадлежащего исполнения своих обязанностей. Подробная классификация способов совершения преступлений данной категории, составленная на основе теоретического и эмпири-

Medical workers in the process of carrying out their professional activities more often commit crimes against life and health committed as a result of medical misconduct. These crimes represent an increased social danger and in this connection they require a serious approach on the part of the investigator, as well as law enforcement agencies in general. When investigating these crimes, the investigator faces a number of difficulties, one of which is making investigative versions at the initial stage of investigation. The author thinks that one of the ways to solve this problem is studying in details the elements of forensic characteristics of crimes, namely knowing typical ways of committing crimes against life and health committed as a result of professional misconduct. A detailed classification of the methods of committing crimes of this category, compiled on the basis of theoretical and empirical material, will help the investigator in choosing the most

ческого материала, поможет следователю в выборе наиболее подходящей версии произошедшего, в установлении причинно-следственных связей между действиями медицинского работника и наступившими последствиями.

Ключевые слова: медицинский работник, медицинская помощь, жизнь, здоровье, расследование преступлений, криминалистическая характеристика, способ преступления.

appropriate version of what happened, in establishing the cause-effect relationships between the medical worker's actions and the ensuing consequences.

Key words: medical worker, medical care, life, health, crime investigation, forensic characteristics, method of a crime.

Криминалистическая характеристика преступлений – один из элементов частной криминалистической методики, представляющий собой «взаимосвязанную совокупность индивидуальных особенностей определенной категории преступлений, характеризующих обстановку, способ и механизм совершения и сокрытия преступления, личность преступника и потерпевшего, которые имеют значение для выявления, расследования и раскрытия преступления» [2, с. 19–20]. Знание криминалистической характеристики имеет важное значение для организации расследования преступления, а именно при построении следственных версий на первоначальном этапе расследования, когда в большинстве случаев существует дефицит исходной информации, в том числе при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками. За счёт устойчивых корреляционных связей между её отдельными элементами она позволяет выдвинуть обоснованные версии относительно неустановленных обстоятельств. Н.П. Яблоков пишет об этом так: «Зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указывать на существование другого, ещё не установленного элемента и определить направление и средства его поиска» [4, с. 12]. В данной работе на основе анализа теоретического и эмпирического материала мною исследован один из элементов криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей – способ совершения преступлений данной категории.

Способ преступления, являясь одним из важных элементов криминалистической характеристики, был и остается объектом исследования многих криминалистов. Более удачными, на мой взгляд, являются определения Л.Л. Каневского и Р.С. Белкина.

Л.Л. Каневский определил способ совершения преступления как «комплекс психофизических и профессиональных навыков и умений, которые преступник с учетом объекта преступного посягательства, обстановки, времени и места использует для подготовки, совершения и сокрытия преступлений» [2, с. 22]. По мнению Р.С. Белкина под способом совершения преступления следует понимать «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущими быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий и условий, места и времени, и объединенных общим преступным замыслом» [1, с. 220]. На основании вышеизложенного, определим способ совершения медицинскими работниками преступлений против жизни и здоровья вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей как «систему поведения медицинского работника до, в момент и после совершения преступления против жизни и здоровья в связи с ненадлежащим использованием им своих профессиональных обязанностей с учетом психофизиологических свойств личности медработника, а также обстановки совершения преступления». Применительно к преступлениям медицинских работников против жизни и здоровья в литературе предложены следующие классификации способа совершения данных преступлений.

Л.В. Сухарникова, рассматривая в рамках диссертационного исследования особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности (по мнению автора, к исследуемой группе преступлений следует отнести преступления, предусмотренные ст. 109 ч. 2, ст. 118 ч. 2, ст. 122 ч. 4, ст. 123 ч. 3, ст. 124, ст. 220 ч. 2,3, ст. 235, ст. 236, ст. 237 ч. 2, ст. 238 ч. 2, 3, ст. 248, ст. 285 ч. 3, ст. 286 ч. 3 п. «в», ст. 293 ч. 2,3 Уголовного Кодекса Российской Федерации), считает необходимым разделить способы совершения вышеуказанных преступлений на две группы: неоказание помощи и ненадлежащее оказание медицинской помощи. Ненадлежащее оказание, в свою очередь, она подразделяет на следующие виды: запоздалое; недостаточное; неправильное; в результате негативного психологического отношения [5, с. 75].

Профессор судебной медицины В.Л. Попов в зависимости от субъективного фактора приводит следующие возможные способы совершения профессиональных медицинских преступлений: недостаточное обследование и невыполнение специальных диагностических исследований; небрежный уход и наблюдение за детьми; несвоевременная госпитализация или преждевременная выписка; недостаточная подготовка и небрежное выполнение хирургических операций и других лечебных мероприятий; недостаточная организация лечебного процесса; несоблюдение и нарушение различных медицинских инструкций, правил; небрежное применения лекарственных веществ; небрежное ведение истории болезни и другой медицинской документации; невежество [3, с. 73–74].

Невозможно не согласиться с предложенными вариантами классификаций, однако изучение материалов уголовных дел по ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124 УК РФ, а также обвинительных приговоров судов, позволяет конкретизировать вышеизложенные способы с учетом всех особенностей рассматриваемых составов и предложить следующую классификацию способов совершения преступлений против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей:

1. Неоказание медицинской помощи. Неоказание помощи выражается в бездействии либо в частичном бездействии. Обязанность действовать вытекает из предписаний статьи 38 Федерального Закона № 323 от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где сказано, что первичная и скорая медицинская помощь оказывается гражданам в случаях неотложных состояний лечебно-профилактическими учреждениями, независимо от территориальной, ведомственной подчиненности и форм собственности.

2. Ненадлежащее оказание медицинской помощи:

- 1) неполное проведение диагностических мероприятий;
- 2) неполное проведение лечебных мероприятий;
- 3) несвоевременная диагностика;
- 4) несвоевременное назначение лечения;
- 5) неверно поставленный диагноз;
- 6) неверно проведенное лечение;
- 7) проведение лечения, не соответствующего основному заболеванию, что усугубляет тяжесть состояния пациента;
- 8) невыполнение экстренных неотложных мероприятий;
- 9) несвоевременное оперативное вмешательство.

3. Использование методов, не входящих в профессиональную компетенцию медицинского работника. «Длительная по времени фиксация пациента в стационаре, находящегося в делириозном состоянии, обусловленном алкогольной интоксикацией породила двусторонний “посттравматический плексит” у пациента. Указанная патология согласно заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы имеет непосредственную причинно-следственную связь с данной длительной по времени фиксацией пациента» [6].

4. Причинение телесных повреждений пациенту в ходе проведения диагностических, лечебных мероприятий, оперативных вмешательств (дефект оказания медицинской помощи).

«В ходе проведения операции хирург повредил нижнюю надчревную артерию справа, тем самым причинил пациенту телесные повреждения, являющиеся дефектом оказания медицинской помощи» [7].

5. Нарушение медицинским персоналом должностных инструкций, правил и обязанностей:
 1. Нарушение правил стерилизации и дезинфекции медицинского инструментария;
 2. Нарушение принципов барьерной защиты при контакте с ВИЧ-инфицированными пациентами;
 3. Нарушение правил забора, хранения и использования донорской крови и ее компонентов;
 4. Повторное использование одноразового инструментария;
 5. Самовольная замена средним медицинским персоналом лекарственных препаратов.

«В нарушение основной функции медицинской сестры – выполнение врачебных назначений, обязанности точно и четко выполнять все указания врачей и порученные ей медицинские манипуляции, Г. самостоятельно произвела замену лекарственного препарата, применение которого привело к анафилактическому шоку у пациента М., состоящему, согласно заключению экспертизы, в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти потерпевшей. Осуществляя инъекцию препарата, не назначенного врачом, Г. не выяснила у пациентки вопрос о наличии противопоказаний – аллергических реакций на анальгин содержащие лекарственные препараты» [8];

6. Введение лекарственного препарата из ампулы со стершейся маркировкой. «М. хранила лекарства, в том числе ампулы для инъекций в зальном помещении в аптечке, находящейся в тумбочке. Обнаружив ампулу в ящике прихожей, в котором хранились иные предметы хозяйственного назначения, М. не убедилась в наличии маркировки на ней и, самостоятельно определив (при недостаточном освещении), что это “Вода для инъекций”, передала ее родителям ребенка. Суд приходит к выводу о том, что смерть малолетнего Г. наступила в результате неосторожных действий М., передавшей вместо ампулы с водой для инъекций ошибочно ампулу без маркировки, содержавшую “Карбофос”» [9].

Анализ материалов уголовных дел позволяет установить, что в большинстве случаев имеет место сразу несколько способов совершения преступления. Чаще всего неверное лечение возникает в результате неверно поставленного диагноза, что в свою очередь порождает невыполнение экстренных неотложных мероприятий и др. Изучение способов совершения преступлений медицинских работников, их разновидности необходимы для установления причинно-следственных связей, понимания механизма совершения преступлений, что имеет огромное значение для эффективного расследования данных преступлений.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М. : Юристъ, 1997.
2. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1991.
3. Попов В.Л. Правовые основы медицинской деятельности. СПб, 1997.
4. Яблоков Н.П. Криминалистика. Третье издание, переработанное и дополненное. Глава 3. М. : ЮРИСТЪ, 2007.
5. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности : дис. ... канд. юрид.наук. СПб, 2006.
6. Приговор от 2 февраля 2011 г. Усть-Ишимского районного суда Омской области. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TGqmg3ZxO8WX/>.
7. Врач осуждён за причинение смерти по неосторожности своему пациенту // <http://www.oblsud.penza.ru/> :ежедн. интернет-изд. 2016. 02 сент. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/p/1249/>.

8. Приговор от 30 июня 2010 г. Индустриального районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/82Cхv3IB2I5N/>.
9. Приговор от 3 октября 2011 г. Иглинского районного суда Республики Башкортостан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ToXUnpcGnrNu/>.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki (The Course of Forensics), V 3-kh tomakh. T. 3, M., Yurist', 1997.
2. Kanevskiy L.L. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya i profilaktiki prestupleniy nesovershennoletnih (Criminological Problems in the Investigation and Prevention of Juvenile Crime), Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1991.
3. Popov V.L. Pravovyye osnovyy meditsinskoy deyatel'nosti (Legal Fundamentals of Medical Activities), SPb., 1997.
4. Yablokov N.P. Kriminalistika (Forensics), Trete izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Glava 3, M., YuRISTЪ, 2007.
5. Suharnikova L.V. Osobennosti rassledovaniya neostorozhnogo prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu grazhdan meditsinskimi rabotnikami v protsesse professional'noy deyatel'nosti (Features of Investigation of Careless Harm to the Life and Health of Citizens and Medical Staff in the Process of Professional Activities), *diss...k.yu.n.* SPb., 2006.
6. Prigovor ot 2 fevralya 2011 g. Ust-Ishimskogo rayonnogo suda Omskoy oblasti (The verdict of February 2, 2011, the Ust-Ishim District Court of the Omsk Region). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TGqmg3ZxO8WX/>
7. Vrach osuzhdyon za prichinenie smerti po neostorozhnosti svoemu patsiyentu (The doctor is convicted of causing death by negligence to his patient). URL: <http://www.oblsud.penza.ru/:ezhedn.internet-izd.2016.02.sent>. URL: <http://www.oblsud.penza.ru/item/p/1249/>.
8. Prigovor ot 30 iyunya 2010 g. Industrialnogo rayonnogo suda g. Izhevskaya (Udmurtskaya Respublika) (The verdict of 30 June 2010 of the Industrial District Court of Izhevsk (Udmurt Republic)). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/82Cхv3IB2I5N/>.
9. Prigovor ot 3 oktyabrya 2011 g. Iglinskogo rayonnogo suda Respubliki Bashkortostan (The verdict of October 3, 2011, the Iglinsky District Court of the Republic of Bashkortostan). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ToXUnpcGnrNu/>.

Дата поступления: 15.05.2017

Received: 15.05.2017

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 340

НЕНАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ БЮДЖЕТОВ
БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ:
ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

ГУЛЯЕВ Игорь Аркадьевич

*аспирант кафедры финансового, банковского
и таможенного права ФГБОУВО «Саратов-
ская государственная юридическая акаде-
мия», г. Саратов, Россия.*

E-mail: y_gulyaev@mail.ru

NON-TAX BUDGET REVENUES OF THE
BUDGET SYSTEM:
TERMINOLOGY ISSUES

GULYAEV Igor Arkadievich

*Postgraduate Student of the Department of Fi-
nancial, Banking and Customs Law, Saratov
State Law Academy, Saratov, Russia.*

E-mail: y_gulyaev@mail.ru

Анализ различных точек зрения на дефиницию «неналоговые доходы», позволяет говорить о том, что дискуссии по отграничению неналоговых доходов и налоговых доходов среди ученых-юристов возникают, прежде всего, из-за отсутствия в действующем законодательстве легально закрепленного определения неналоговых доходов бюджетной системы. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ по данному вопросу, в котором говорится, что неналоговые платежи имеют определенную специфику, обусловленную их объектом. Данное учеными определение неналоговых доходов не отражает сущности всех неналоговых доходов, в том числе формируемых за счет природоресурсных платежей, поскольку последние не относятся к перечислениям. Среди них есть и обязательные платежи, которые носят строго фискальный характер, при этом установлены не только законодательными актами, но и подзаконными актами, то есть обязательные платежи. Перечисления же могут носить и добровольный характер. Кроме того, доходами могут считаться не поступающие, а поступившие денежные средства.

Ключевые слова: законодательство, неналоговые доходы, платежи, бюджеты, бюджетная система, природные ресурсы, государственная собственность, возмездные платежи, финансовые ресурсы.

The author analyzes scientists' different points of view on the definition "non-tax revenues"; the author concludes that discussions among legal scholars on delimitation of non-tax revenues and tax revenues arise primarily because there is no legally fixed definition of non-tax revenues in the current legislation system. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue are also revealed, which states that non-tax payments have certain specificity, primarily due to their object. The author believes that the definition of non-tax revenues given by scientists does not reflect the nature of all non-tax revenues, including those generated through environmental resource payments, since the latter do not apply to transfers. Among them, there are compulsory payments, which are strictly fiscal in nature, at the same time they are established not only by legislative acts, but also by subordinated laws, so they are obligatory payments. Enumerations can also be voluntary. In addition, revenues are not incoming, but forthcoming money.

Key words: legislation, non-tax revenues, payments, budgets, budget system, natural resources, state property, requited payments, financial resources.

Отсутствие в законодательстве легально закрепленного определения неналоговых доходов бюджетов бюджетной системы [1, с. 30] и критерия отграничения налоговых и ненало-

говых доходов не только порождают дискуссии среди ученых-юристов [1], но и неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ [15].

Обобщив правовые позиции Конституционного Суда РФ, можно сделать следующие выводы: неналоговые платежи имеют определенную специфику, обусловленную их объектом (перевозка тяжеловесных грузов; проведение технического осмотра транспортных средств), кроме того, неналоговые платежи в отличие от налоговых не отвечают признаку индивидуальной безвозмездности, поскольку именно их плательщики получают соответствующие блага (возможность использовать федеральные автомобильные дороги; право на вылов водных биологических ресурсов; подтверждение прохождения государственного технического осмотра транспортного средства). Возникновение обязанности уплаты неналогового платежа основано на несвойственной налоговому платежу свободе выбора (перевозчик вправе, но не обязан осуществлять перевозку тяжеловесных грузов по федеральным автомобильным дорогам; покупатель вправе, но не обязан заключать сделку купли-продажи прав на вылов водных биологических ресурсов). Обязанность уплаты неналогового платежа обусловлена дополнительными затратами публичной власти, возникающими в связи с получением плательщиком соответствующего блага (перевозка тяжеловесных грузов приводит к преждевременному износу дорожного полотна, что требует его восстановления; работы по проверке технического состояния транспортных средств, влекут соответствующие затраты). Такие дополнительные затраты публичной власти должны возмещаться не за счет налогоплательщиков, а за счет лиц, получающих соответствующие блага. Последствием неуплаты неналогового платежа является не принудительное изъятие соответствующих денежных средств в виде налоговой недоимки, а отказ в предоставлении соответствующего блага (отказ в выдаче разрешения на перевозку тяжеловесных грузов, что влечет невозможность перевозки; отказ в предоставлении прав на вылов водных биологических ресурсов, что влечет невозможность вылова; отказ в выдаче талона о прохождении государственного технического осмотра транспортного средства, что влечет невозможность его эксплуатации) [16].

В свою очередь, Ю.А. Крохина указывает, что для неналоговых доходов характерна большая целевая направленность расходования поступивших средств, чем для налоговых платежей, что закреплено в правовых актах по порядку исчисления и взимания каждого платежа [17, с. 393]. В.Н. Додонов определяет неналоговые доходы как денежные средства, поступающие в распоряжение государства через взимание неналоговых платежей [18, с. 74]. Думается, данное определение сформулировано достаточно пространно, что не позволяет выделить признаки неналоговых доходов и, соответственно, обозначить, какие виды платежей относятся к ним.

С.Я. Боженков в свою очередь предлагал понимать под неналоговыми доходами федерального бюджета установленные государством, обоснованные, целевые, возмездные платежи, которые включают в себя доходы: от реализации права государственной собственности Российской Федерации, от деятельности федеральных органов государственной власти и находящихся в их ведении федеральных бюджетных учреждений, а также от применения мер юридической ответственности, в том числе деликатного характера [19, с. 8]. Эта позиция представляется нам не бесспорной, поскольку такой вид неналоговых доходов, как плата за негативное воздействие на окружающую среду, не может считаться доходом от реализации права собственности государства. Данные платежи являются следствием негативного воздействия на окружающую природную среду, при этом они позволяют в определенной мере обеспечить конституционное право граждан на благоприятную окружающую среду. Государство, устанавливая такие иды платежей, отчасти обеспечивает данное его право.

В соответствии с точкой зрения В.А. Карасевой, неналоговые доходы представляют собой добровольные и обязательные, возмездные и безвозмездные платежи, имеющие эквивалентный характер, не включенные в систему налогов и сборов, поступающие в собствен-

ность государства (муниципального образования) посредством аккумуляции их в централизованном государственном (местном) бюджетном фонде [20].

Х.В. Пешкова считает, что неналоговые доходы – это финансовые ресурсы, получаемые бюджетом соответствующего уровня бюджетной системы РФ посредством взимания неналоговых платежей и обращаемые в собственность и распоряжение государства (муниципального образования) с целью создания финансовой базы, которая служит функционированию государственных (муниципальных) органов власти и обеспечивает выполнение их задач по осуществлению государственно-правового строительства [21, с. 92]. Думаем, что и это определение справедливо только отчасти, поскольку, как было отмечено выше, платежи за использование природных ресурсов (плата за негативное воздействие на окружающую среду) не всегда имеют своей целью создание финансовой базы соответствующих публично-правовых образований.

На едином портале бюджетной системы содержится следующее определение неналоговых доходов: это поступающие в бюджет денежные средства на безвозвратной и безвозмездной основе в виде дотаций, субсидий, субвенций из других бюджетов бюджетной системы РФ, а также перечисления от физических и юридических лиц, международных организаций и правительств иностранных государств [22]. Представляется, что данное определение также не отражает сущности всех неналоговых доходов, в том числе формируемых за счет природоресурсных платежей, поскольку последние не относятся к перечислениям. Среди них есть и обязательные платежи, которые носят строго фискальный характер, при этом установлены не только законодательными актами, но и подзаконными актами, то есть обязательные платежи. Перечисления же могут носить и добровольный характер. Кроме того, как уже подчеркивалось, доходами могут считаться не поступающие, а поступившие денежные средства. Полагаем, что можно согласиться по данной дефиниции с А.Р. Батяевой о том, что неналоговые доходы государственного бюджета представляют собой добровольные и обязательные платежи, поступающие в собственность государства посредством их аккумуляции в государственном централизованном фонде на возмездной и (или) безвозмездной основе, имеющие эквивалентный характер [23, с. 30.].

Подводя итог рассмотрению определений неналоговых доходов и анализу неналоговых доходов бюджетов, можно сделать вывод о том, что неналоговые доходы чрезвычайно разнообразны по своей сущности. Подтверждением данной мысли, как кажется, служит распределение неналоговых доходов по разным статьям бюджетной классификации в отличие налоговых доходов, имеющих единую классификацию операций сектора государственного управления. Таким образом, неналоговые доходы бюджета, формируемые за счет природоресурсных платежей, можно определить как поступившие в бюджет денежные средства в виде ресурсных и экологических платежей эквивалентного и штрафного характера, имеющие своей целью обеспечение охраны окружающей природной среды, создание условий для рационального природопользования и благоприятных условий для жизни и деятельности, как настоящего, так и будущих поколений. В заключение следует отметить, что аккумулируемые в доходах бюджета неналоговые платежи, должны не только нести фискальную нагрузку, то есть обеспечивать публично-правовые образования достаточными финансовыми ресурсами, но и должным образом обеспечивать благоприятные условия для жизни и деятельности всего общества посредством их целевого расходования.

Библиографические ссылки

1. Батяева А.Р. Неналоговые доходы государственного бюджета в Российской Федерации. М., 2008.
2. Сергеев А.А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 40-45.

3. Ялбулганов А.А. Неналоговые доходы в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Финансовое право. 2007. № 5.
4. Ялбулганов А.А. К вопросу о преобразовании системы налогов и сборов в РФ // Финансовое право. 2011. № 7. С. 29-36.
5. Волков В.В. Правовая сущность лицензионных сборов // Юридический мир. 2009. № 5. С. 74-78.
6. Верстова М.Е. К вопросу о понятии таможенных платежей как источника доходов бюджета // Внешнеторговое право. 2007. № 2. С. 8-11.
7. Бакаева О.Ю. Правовое регулирование деятельности таможенных органов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005.
8. Винницкий Д.В. Налоги и сборы. Понятие. Юридические признаки. Генезис. М., 2004.
9. Долгова А.Ю. Понятие парафискалитета в контексте общеевропейской концепции института неналоговых платежей // Финансовое право. 2012. № 12. С. 6-9.
10. Семенча О.Ю. К вопросу о правовой природе природоресурсных платежей // Финансовое право. 2007. № 4. С. 18-23.
11. Авдеенкова М.П. Формирование института фискального сбора в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2007. № 2.
12. Тедеев А.А., Парыгина В.А. Спорные вопросы сущности и понятия налогового правоотношения // Адвокат. 2006. № 8.
13. Демин А.В. Сбор как разновидность налоговых доходов (проблемы правовой идентификации). Доступ из СПС «КонсультантПлюс.
14. Артемов Н.М., Ячменев Г.Г. Правовое регулирование неналоговых доходов бюджетов. М., 2008.
15. Постановление КС РФ от 17 июля 1998 г. № 22-П // СЗ РФ. 1998. № 30, ст. 3800. Определение КС РФ от 6 июля 2001 г. № 151-О // Вестник КС РФ. 2002. № 2; Определение КС РФ от 14 мая 2002 г. № 88-О // СЗ РФ. 2002. № 23, Ст. 2249.
16. Сергеев А.А. Разграничение налоговых и неналоговых платежей: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.02.2017).
17. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник. 3 изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
18. Додонов В. Н., Крылова М, А., Шестаков А. В. Финансовое и банковское право. Словарь-справочник / под. ред. д.ю.н. О. Н. Горбуновой. М. : ИНФРА-М, 1997.
19. Боженок С.Я. Правовое регулирование неналоговых доходов государственных и местных бюджетов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
20. Карасев В.А. Финансово-правовое регулирование неналоговых доходов государственного бюджета Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 63-64.
21. Пешкова Х. В. Неналоговые доходы бюджета // Правовой режим законности. Воронеж, 2003. № 4.
22. URL:http://budget.gov.ru/budget/income_types?budgetLevel=0&budgetType=-3&curDate=01.11.2013&incomeType=1 (дата обращения: 14.12.2017).
23. Батяева А.Р. Неналоговые доходы государственного бюджета в Российской Федерации. М., 2008.

References

1. Batyaeva A.R. Nenalogovye dokhody gosudarstvennogo byudzheta v Rossiiskoi Federatsii (Non-tax revenues of the state budget in the Russian Federation). М., 2008.

2. Sergeev A.A. Razgranichenie nalogovykh i nenalogovykh platezhei: konstitutsionno-pravovoi aspect (Delimitation of tax and non-tax payments: constitutional and legal aspect), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2006, No. 1, pp. 40-45.
3. Yalbulganov A.A. Nenalogovye dokhody v Rossiiskoi Federatsii: voprosy pravovogo (Non-tax revenues in the Russian Federation: issues of legal regulation), *Finansovoe pravo*, 2007, No. 5.
4. Yalbulganov A.A. K voprosu o preobrazovanii sistemy nalogov i sborov v RF (To the question of reforming the system of taxes and fees in the Russian Federation), *Finansovoe pravo*, 2011, No. 7, pp. 29-36.
5. Volkov V.V. Pravovaya sushchnost' litsenzionnykh sborov (The legal essence of licensing fees), *Yuridicheskii mir*, 2009, No. 5, pp. 74-78.
6. Verstova M.E. K voprosu o ponyatii tamozhennykh platezhei kak istochnika dokhodov byudzheta (On the issue of the concept of customs payments as a source of budget revenues), *Vneshnetorgovoe pravo*, 2007, No. 2, pp. 8-11.
7. Bakaeva O.Yu. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti tamozhennykh organov v Rossiiskoi Federatsii (Legal regulation of the activities of customs authorities in the Russian Federation), *dis. ... d-ra yurid. nauk*, Saratov, 2005.
8. Vinnitskii D.V. Nalogi i sbory. Ponyatie. Yuridicheskie priznaki. Genezis (Taxes and fees. Concept. Legal signs. Genesis). M., 2004.
9. Dolgova A.Yu. Ponyatie parafiskaliteta v kontekste obshcheevropeiskoi kontseptsii instituta nenalogovykh platezhei (The concept of parafiscality in the context of the European concept of the institute of non-tax payments), *Finansovoe pravo*, 2012, No. 12, pp. 6-9.
10. Semencha O.Yu. K voprosu o pravovoi prirode prirodoresursnykh platezhei (On the question of the legal nature of nature-resource payments), *Finansovoe pravo*, 2007, No. 4, pp. 18-23.
11. Avdeenkova M.P. Formirovanie instituta fiskal'nogo sbora v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii (Formation of the Institute of Fiscal Collection in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation), *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2007, No. 2.
12. Tedeev A.A., Parygina V.A. Spornye voprosy sushchnosti i ponyatiya nalogovogo pravo-otnosheniya (Controversial issues of the essence and concept of tax law-relations), *Advokat*, 2006, No. 8.
13. Demin A.V. Sbor kak raznovidnost' nalogovykh dokhodov (problemy pravovoi identifikatsii) (Collection as a type of tax revenue (problems of legal identification)). Dostup iz SPS «Konsul'tant-Plyus».
14. Artemov N.M., Yachmenev G.G. Pravovoe regulirovanie nenalogovykh dokhodov byudzheta (Legal regulation of non-tax revenues of budgets). M., 2008.
15. Postanovlenie KS RF ot 17 iyulya 1998 g. No. 22-P. *SZ RF*, 1998, No. 30, St. 3800. Opredelenie KS RF ot 6 iyulya 2001 g. No. 151-O (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 1998 No. 22-P), *Vestnik KS RF*, 2002, No. 2; Opredelenie KS RF ot 14 maya 2002 g. No. 88-O (Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 6, 2001 No. 151-O), *SZ RF*, 2002, No. 23, St. 2249.
16. Sergeev A.A. Razgranichenie nalogovykh i nenalogovykh platezhei: konstitutsionno-pravovoi aspect (Delimitation of tax and non-tax payments: constitutional and legal aspect), *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2006, No. 1. SPS «Konsul'tant-Plyus» (accessed date: 13.02.2017).
17. Krokhina Yu.A. Finansovoe pravo Rossii: uchebnik (Financial law of Russia: textbook). 3e izd., pererab. i dop. M., Norma, 2008.
18. Dodonov V. N., Krylova M. A., Shestakov A. V. Finansovoe i bankovskoe pravo. Slovar'-spravochnik (Financial and Banking Law. Dictionary-reference), pod. red. d.yu.n. O. N. Gorbunovoi. M., INFRA-M, 1997.
19. Bozhenok S.Ya. Pravovoe regulirovanie nenalogovykh dokhodov gosudarstvennykh i mestnykh byudzheta (Legal regulation of non-tax revenues of state and local budgets), *avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk*. M., 2004.

20. Karasev V.A. Finansovo-pravovoe regulirovanie nenalogovykh dokhodov gosudarstven-nogo byudzheta Rossiiskoi Federatsii (Financial and legal regulation of non-tax revenues of the state budget of the Russian Federation), *dis. ... kand. yurid. nauk.* M., 2004, pp. 63–64.
21. Peshkova X. V. Nenalogovye dokhody byudzheta. Pravovoi rezhim zakonnosti (Non-tax revenues of the budget). Voronezh, 2003, No. 4.
22. URL:http://budget.gov.ru/budget/income_types?budgetLevel=0&budgetType=-3&curDate=01.11.2013&incomeType=1 (accessed date: 14.12.2017).
23. Batyaeva A.R. Nenalogovye dokhody gosudarstvennogo byudzheta v Rossiiskoi Federatsii (Non-tax revenues of the state budget in the Russian Federation). M., 2008.

Дата поступления: 20.02.2018

Received: 20.02.2018

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.6

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ХОТЬКО Ольга Александровна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
E-mail: olyahotko@yandex.ru*

LEGAL NATURE OF ENVIRONMENTAL SAFETY OF TRANSPORT ACTIVITY

KHOTKO Olga Alexandrovna

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.
E-mail: olyahotko@yandex.ru*

Исследование правовой природы экологической безопасности становится особо актуальной в связи с осуществлением транспортной деятельности. Влияние транспорта на окружающую среду, риски и угрозы воздействия транспортного комплекса на экологическую безопасность с каждым днем становятся более очевидными. Все это говорит о необходимости анализа законодательных положений в части обеспечения экологической безопасности на транспорте, изучения степени урегулированности рассматриваемых проблем, сравнительно-правового исследования вопросов. Правовое регулирование правоотношений по обеспечению экологической безопасности при функционировании объектов транспорта нуждается в развитии специальных эколого-правовых норм, направленных на охрану окружающей среды, природных ресурсов и населения от неблагоприятного воздействия транспортной деятельности.

In modern conditions, the study of legal nature of environmental safety becomes particularly relevant in connection with carrying out transport activities. The impact of transport activities on the environmental status, risks and threats of the impact of transport complex on environmental safety are becoming more evident day by day. All this speaks about the need to analyze legislative provisions in terms of ensuring environmental safety in transport, studying the degree of solving the problems under consideration, and comparative legal studies of these issues. Legal regulation of legal relations to ensure environmental safety when using transport facilities needs the development of special environmental and legal norms aimed at protecting the environment, natural resources and the population from the adverse impact of transport activities.

Ключевые слова: экологическая безопасность, охрана окружающей среды, транспортная деятельность, источники вредного воздействия, экологические риски, угрозы, влияние транспорта, состояние окружающей среды, экологическое законодательство, транспортное законодательство.

Key words: environmental safety, environmental protection, transport activity, public health hazard, environmental risks, threats, transport impact, environmental status, environmental legislation, transport law.

Состояние окружающей среды тесно связано с обеспечением безопасности государства, одним из важнейших элементов которой является экологическая безопасность. Экологическая безопасность в контексте транспортной деятельности нуждается в детальном правовом регулировании. Осуществление государственной транспортной политики предусматривает реализацию закрепленных в Конституции Республики Беларусь прав граждан на свободное передвижение, обеспечение единого экономического пространства и перемещение товаров [1]. Однако загрязнение окружающей среды в настоящее время осуществляется все более интенсивнее, чем возможно естественное самовосстановление окружающей среды, в связи с чем, проблемы обеспечения экологической безопасности при функционировании транспорта приобретают особое значение. Недостаточное развитие правового научного знания и законодательного обеспечения отрицательно сказывается на экологической безопасности, поэтому немыслимо развитие экологического законодательства без исследования этих двух отраслей – экологического права и права в транспортной сфере. Актуальность темы исследования определяется ее научно-теоретическим и научно-практическим аспектами. Необходимо глубокое изучение и разработка вопросов, связанных с правовыми проблемами экологического обеспечения транспортной деятельности.

Важно учитывать, что в Республике Беларусь юридические исследования в сфере воздействия транспортного комплекса на окружающую среду не проводились, а они в свою очередь должны носить комплексный, междисциплинарный характер в силу неоднородности отношений (эколого-правовые и транспортные). Вместе с тем, казалось бы, проблемы в данной области – это вопросы технического характера, относящиеся к решению специалистов в области машиностроения, технической эксплуатации транспортных средств, организации транспортных перевозок, дорожного движения, дорожного строительства и транспортного градостроительства, но именно они в настоящее время требуют в первую очередь правового обеспечения. Лишь обеспечив на законодательном уровне соответствующее регулирование, возможно изменение ситуации в сторону улучшения и сохранения окружающей среды.

Правовые проблемы охраны окружающей среды при эксплуатации автотранспорта и городского пассажирского транспорта нашли отражение в работах российских исследователей [2; 3]. Проблемам правового регулирования земельных отношений в сфере транспортной деятельности посвящены отдельные исследования, в частности проанализированы особенности правового режима земель, связанных с функционированием различных видов транспорта (автомобильного, железнодорожного) [4; 5; 6]. Однако тенденции, связанные с оказанием транспортных услуг, использованием транспорта оказывают влияние на экологическую безопасность, причем влияние проявляется сугубо негативное воздействие транспорта на окружающую среду и здоровье человека, требующее научного осмысления и законодательного разрешения. Назрела необходимость развития законодательства, способствующего преодолению негативных тенденций на транспорте и направленного на повышение уровня экологической безопасности в данной сфере.

Основное содержание деятельности по обеспечению экологической безопасности составляет предотвращение негативного воздействия осуществляемых видов транспортной деятельности для интересов человека, общества и государства на состояние окружающей среды. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах транспортной деятельности»

транспортная деятельность – совокупность организационных и технологических операций по перемещению грузов, пассажиров и багажа автомобильным, воздушным, железнодорожным, морским, внутренним водным, городским электрическим транспортом, метро и иным транспортом, а также транспортно-экспедиционная деятельность, другие связанные с перевозкой транспортные работы и услуги, выполняемые (оказываемые) на договорной основе или иных законных основаниях [7]. Для окружающей среды представляет угрозу состояние транспортных средств и оборудования, устаревшая транспортная техника, утилизация транспорта и оборудования. В результате транспортной деятельности: во-первых, загрязняется атмосферный воздух, воды, земли, подвергается изменению химический состав почв и микрофлоры, образуются производственные отходы, в том числе радиоактивные и токсичные; во-вторых, потребляются природные ресурсы для производственных нужд (атмосферный воздух и воды), отчуждаются для строительства автомобильных и железных дорог, аэропортов, трубопроводов, речных портов и иных объектов транспортной инфраструктуры (земли); в-третьих, происходят неблагоприятные процессы в окружающей среде (заболачивание местности, водная эрозия, деградация почв, разрушение объектов растительного мира, уменьшение сельскохозяйственных культур и т.д.); в-четвертых, создается высокий уровень шума и вибрации; в-пятых, возможна гибель людей и животных. В ситуации, когда природная среда при воздействии транспорта не способна к самовосстановлению, что в настоящее время уже очевидно, необходим ряд мероприятий, подлежащий к обязательному исполнению.

Прошедший 2017 год в Российской Федерации был объявлен Годом экологии. Проводилась значительная работа в данном направлении, в том числе и в сфере обеспечения экологических требований в транспортной деятельности. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. установлена необходимость снижения удельных уровней воздействия на окружающую среду по отраслям в 3-7 раз к 2020 г. [8]. По оценкам Министерства природных ресурсов России, на всех видах транспорта (кроме железнодорожного) приведенный показатель недостижим при сохранении существующей динамики загрязнения окружающей среды [9, с. 62].

На необходимость установления баланса между экономической и социальной пользой транспорта и отрицательными последствиями его эксплуатации для общества и окружающей среды с учетом как международных обязательств Республики Беларусь, так и реальной социально-экономической обстановки обращено в Стратегии по снижению вредного воздействия транспорта на атмосферный воздух Республики Беларусь на период до 2020 года [10]. В документе обозначено, что Стратегия является основой для разработки целевых программ в области транспорта и смежных с транспортом отраслях экономики, в части, касающейся обеспечения экологической безопасности. В п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь дано определение экологической безопасности как состояние «защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера» [11]. В качестве внутренних источников угроз национальной безопасности в экологической сфере согласно документу выделяют среди других недостаточное развитие правовых и экономических механизмов обеспечения экологической безопасности. Понятие экологической безопасности также определено в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» как состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [12].

На наш взгляд, при довольно больших рисках возникновения экологической опасности в законодательстве не раскрыты угрозы экологической безопасности. Так, основными угрозами при эксплуатации транспортных средств представляют выбросы в окружающую среду, техногенная перегруженность, аварии, связанные с перевозкой опасных грузов, захлапленность территорий транспортными средствами, отходами, неправильная эксплуатация транс-

портных средств или в целом их использование, приносящее вред. В настоящее время ученые склонны считать, что порог экологического возмущения в глобальном масштабе превышен и человек в своей деятельности близко подошел к пределу хозяйственной емкости биосферы [11]. В связи с этим, полагаем, актуален вопрос экологизации транспортного законодательства, под которой понимается процесс внедрения экологических требований в законодательные и иные нормативные акты, регулирующие деятельность, оказывающую негативное влияние на окружающую среду. Основная цель такой экологизации – закрепление правовых норм и установление определенного порядка осуществления транспортной деятельности, направленного на предотвращение ухудшения окружающей среды.

Следует констатировать, что специальный нормативный правовой акт, регулирующий воздействие транспортного комплекса на окружающую среду и определяющий основные меры по снижению вредного воздействия транспорта в Республике Беларусь не принят. В ст. 44 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» установлены требования в области охраны окружающей среды, предъявляемые к лицам, использующим мобильные источники: «юридические лица и граждане при проектировании, производстве, эксплуатации, ремонте и техническом обслуживании мобильных источников обязаны разрабатывать и осуществлять меры по снижению токсичности, дымности отработанных газов, очистке или обезвреживанию выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, переходу на менее токсичные виды топлива и иные меры, направленные на предотвращение и снижение вредного воздействия на окружающую среду. Производство и (или) эксплуатация мобильных источников, у которых содержание загрязняющих веществ в выбросах и уровни иных вредных физических воздействий на окружающую среду превышают установленные нормативы, запрещаются» [12]. Однако полагаем, такой вариант «заботы» обеспечения экологической безопасности со стороны законодателя требует пересмотра и совершенствования. Необходим более разработанный и логически продуманный подход, каким образом урегулировать постоянно причиняемый вред окружающей среде при эксплуатации транспорта. Достаточно точное определение транспортной безопасности закреплено в модельном законе СНГ «О безопасности на транспорте», в котором говорится о направленности на предотвращении вреда здоровью и (или) жизни людей, ущербу имуществу и окружающей среде [13].

Повышению экологической безопасности при эксплуатации транспортных средств призвана восполнить Государственная программа по развитию и содержанию автомобильных дорог в Республике Беларусь на 2017–2020 годы, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 18 сентября 2017 г. № 699. Большое социальное значение в условиях усиления внимания общества к экологическим факторам обращено в документе на снижение вредного воздействия транспортной сети на окружающую среду. Отмечено, что «обеспечение прогрессивного уровня в сфере экологии и активизация выполнения мер по защите окружающей среды при осуществлении дорожной деятельности достигаются путем комплексной реализации технических и технологических решений, соответствующих современным стандартам и повышенным экологическим требованиям, а также мероприятий по снижению уровня вынужденных неблагоприятных воздействий до минимального либо приемлемого уровня» [14]. Однако остается неясным, о каких повышенных экологических требованиях и мероприятиях идет речь. Как представляется, предстоит работа в направлении совершенствования законодательства.

В Республике Беларусь принят Закон «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках», в соответствии со ст. 5 которого в качестве основных задач государственного регулирования деятельности на автомобильном транспорте определена охрана окружающей среды при выполнении автомобильных перевозок [15]. Но вместе с тем, например, Закон Республики Узбекистан «Об автомобильном транспорте» устанавливает, что автотранспортные средства должны иметь сертификат на их соответствие требованиям безопасности, экологии и другим условиям и нормам [16]. Правовым исследованиям в области недопущения загрязнения земель, минимизации вреда окружающей среде при активном развитии объектов

придорожного сервиса не уделено внимания в юридической литературе. Придорожный сервис имеет определенное значение для развития сети автомобильных дорог в силу таких факторов, как восприятие пользователей автодорог, развитие населенных пунктов, расположенных вдоль автодорог. Основной проблемой неполного регулирования данной деятельности выступает отсутствие продуманной стратегии обеспечения экологической безопасности. Так, в западноевропейских странах объекты придорожного сервиса отличаются не только комфортностью, но и соблюдением экологических требований, т.е. за нарушения норм, загрязнение окружающей среды следуют меры ответственности [17]. Стоит обратить внимание, что принятая в Республике Беларусь 25 мая 2016 г. Концепция разработана с целью качественного уровня сервисного обслуживания пользователей республиканских автодорог и развития транзитного потенциала, при этом цели развития придорожного сервиса согласно данной Концепции не предусматривают сохранение природоресурсного потенциала страны и обеспечение экологической безопасности [18]. Бесспорно, следует принять во внимание Договор о Евразийском экономическом (далее – Договор о ЕАЭС) союзе от 29 мая 2014 года, согласно XXI раздела которого задачами скоординированной транспортной политики является снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека, формирование благоприятного инвестиционного климата, и развивать национальное законодательство в соответствии с указанными положениями [19].

Закон Республики Беларусь «О железнодорожном транспорте» содержит несколько статей, посвященных землям железнодорожного транспорта, охраняемым зонам. Как в белорусском, так и в российском законодательстве имеются лишь нормы об особенностях регулирования земель железнодорожного транспорта. Обеспечение охраны окружающей среды в связи с эксплуатацией железнодорожного транспорта имеет особое значение, так как данный вид транспорта оказывает вредное воздействие на состояние окружающей среды в результате доставки грузов. Кроме того, к источникам загрязнения относятся «дизельные двигатели, используемые в тепловозах, стационарная теплоэнергетика локомотивных и вагонных депо, ремонтных заводов, промывочно-пропарочных станций и др.» [20].

Воздушные кодексы государств-участников СНГ закрепляют лишь положения о форме собственности на воздушные суда, нормы, касающиеся авиационной безопасности. Воздушный кодекс Республики Беларусь устанавливает требования по защите граждан и охране окружающей среды от вредного воздействия полетов воздушных судов [21].

Анализ рассмотренных нормативных актов показывает, что необходима научная разработка четких природоохранных механизмов обеспечения экологической безопасности с включением таких мер, как последовательное урегулирование сокращения воздействия всех транспортных средств на окружающую среду, установление нормативов допустимой антропогенной нагрузки от использования транспорта в отношении природных ресурсов (вод, земель, атмосферный воздух), создание системы стимулирования для производителей и потребителей транспортных услуг, расширив на законодательном уровне перечень мер такого стимулирования в целях недопущения нанесения вреда окружающей среде и обеспечения экологической безопасности. Следовательно, для снижения загрязнения до уровней, соответствующих экологической безопасности важно доработать законы Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», «Об основах транспортной деятельности», закрепив основные угрозы экологической безопасности в рассматриваемой сфере и комплекс мер их недопущению. Необходима разработка развернутых экологических программ, направленных на поддержание приоритета экологической безопасности, устранение угроз безопасности, экологических рисков.

Важнейшим условием обеспечения экологической безопасности в свете активного использования транспорта является формирование устойчивого правосознания всех субъектов транспортной деятельности о сохранении благоприятной окружающей среды, а благодаря этому и вместе с этим осознание необходимости выполнения эколого-правовых норм, опира-

ясь на приоритет задачи обеспечения экологической безопасности над экономическими интересами человека в соответствии с его жизненно необходимыми потребностями.

Таким образом, изменение сложившейся пробельной ситуации в части обеспечения экологической безопасности на законодательном уровне возможно лишь путем комплексной переработки правовых положений, регулирующих экологические требования при осуществлении транспортной деятельности. Искоренить негативные явления, образующиеся в процессе воздействия транспорта на окружающую среду, полностью не представляется возможным. Но необходимо выработать правовые средства для безотлагательного решения всех проблем в эколого-правовой сфере последовательно в несколько этапов.

На первом этапе особое внимание уделить совершенствованию эколого-правовой науки и законодательства, гармонизации правовых актов стран-участниц в рамках функционирующего Договора о ЕАЭС, ориентируясь на опыт стран, опережающих в развитии данных вопросов. Считаем целесообразным разработать Концепцию экологической безопасности транспортной деятельности, в которой предусмотреть основные направления обеспечения безопасности, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и меры по их сохранению. Важно обеспечить законодательную базу, которая способствовала бы дальнейшему развитию экологической безопасности, охране окружающей среды при осуществлении транспортной деятельности, полностью соответствующую мировым стандартам. Комплексную разработку в этом направлении необходимо вести планомерно и безотлагательно. Кроме того, реализация экосистемного подхода, экологизация законодательства, на что обращают внимание ученые [22;23], должна начинать получать свое закрепление в нормативных актах в сфере транспортной деятельности. В частности, на наш взгляд, требуется разработка Закона «Об экологической безопасности автомобильного транспорта», так как не вызывает сомнений его необходимость, поскольку чрезмерно «разросшаяся» автомобилизация в городах создает постоянное накопление вредных веществ в окружающей среде, запыленность и загрязненность воздуха, уничтожение кислорода, что опасно для здоровья человека, компоненты в отработавших газах их двигателей причиняют вред природным ресурсам (для автомобильных дорог изымается значительное количество плодородных земель, эксплуатационными материалами загрязняются поверхностные и грунтовые воды) и в целом все эти факторы влияют на экологическое равновесие, состояние окружающей среды и экологическую безопасность в целом.

На втором этапе потребуются дальнейшее усиление экологической функции государства, развитие экологического правосознания производителей и потребителей транспортных услуг, повышение социальной активности населения, формирование общественного экологического мировоззрения и большее осознание ответственности за сохранение окружающей среды и природных ресурсов. Приоритетными направлениями экологической безопасности в долгосрочной перспективе нам представляется совершенствование природоохранного законодательства и законодательства в области транспортной деятельности, обновление системы экологических требований, регламентирующих природопользование при эксплуатации всех видов транспорта с переходом на международные стандарты как необходимое условие обеспечения экологической безопасности на международном уровне, создание гарантий возмещения вреда от загрязнения окружающей среды, расширение мер экономического стимулирования средствами государственной политики ресурсосбережения и внедрения экологичной техники и технологии, модернизация государственной системы прогнозирования и предупреждения аварийных ситуаций в транспортной деятельности, обеспечение населения качественными природными ресурсами, создание эффективной санитарно-эпидемиологической обстановки, внедрение инновационной системы мониторинга окружающей среды, воздействия факторов транспортной деятельности на здоровье человека.

Библиографические ссылки

1. Усова Е.И. К вопросу совершенствования транспортной политики Республики Беларусь // Правовое обеспечение устойчивого развития : сб. научн. трудов / под общ. ред. И.И. Эсмантович. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. С. 46-51.
2. Зеленов А.В. Правовая охрана окружающей среды при эксплуатации городского пассажирского транспорта : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
3. Ярославцев С.Ф. Совершенствование правового регулирования эколого-автотранс-портных отношений городского поселения : дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2003.
4. Саскевич В.В. Правовой режим земель промышленности, транспорта, связи, энергетики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2008.
5. Гапотченко Т.Н. Особенности правового режима земель автомобильного транспорта и дорожного хозяйства : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2007.
6. Чернобай Е.Ю. Правовой режим земель полосы отвода железных дорог : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
7. Об основах транспортной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. ; утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (в ред. от 10.02.2017) // Консультант Плюс. Россия / ЗАО : «КонсультантПлюс». М., 2018.
9. Галабурда В.Г., Соколов Ю.И., Корольков И.В. Управление транспортной системой : учебник / под ред. В.Г. Галабурды. М. : ФГБОУ «Учебно-методическое управление по обработке информации железнодорожного транспорта», 2016.
10. Стратегия по снижению вредного воздействия транспорта на атмосферный воздух Республики Беларусь на период до 2020 г. : утв. Заместителем Премьер-министра Республики Беларусь 5 ноября 2013 г. №06/137-207, 214-258 // URL: http://www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_2009876790-ru/ (дата обращения: 04.01.2018).
11. Гавриленко В.Г. Юридический словарь / науч. ред. Н.И. Ядевич. Минск : Право и экономика, 2013.
12. Об охране окружающей среды: Закон. : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.12.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
13. О безопасности на транспорте: модельный закон [Электронный ресурс]: постановление пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 31 окт. 2007 г., № 29-9 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2018.
14. Государственная программа по развитию и содержанию автомобильных дорог в Республике Беларусь на 2017–2020 годы: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь 18 сентября 2017 г. № 699 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
15. Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках: Закон Респ. Беларусь, 14 авг. 2014 г., № 278-3 : с изм. и доп. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
16. Егiazаров В.А. Транспортное законодательство государств-участников СНГ. М. : Норма, 2007.
17. Лацкевич Н.В. Придорожный сервис в Республике Беларусь: состояние и направления развития. Гомель : Белорусский торгово-экономический ун-т потреб. кооперации, 2015.
18. Концепция развития придорожного сервиса на республиканских автомобильных дорогах до 2020 года, 25 мая 2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

19. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [подписан в г. Астане, 29.05.2014 г. : в ред. от 08.05.2015 г.] // Консультант Плюс. Россия / ЗАО : «КонсультантПлюс». М., 2018.
20. Комментарий к Уставу железнодорожного транспорта общего пользования / под ред. Е.И. Зарецкой, В.П. Мороза. Мн. : Амалфея, 2004.
21. Воздушный кодекс: Закон Респ. Беларусь, 16 мая 2006 г., № 313-З : с изм. и доп. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.
22. Макарова Т.И., Хотько О.А. Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования // Современное право. 2014. №7. С. 123-131.
23. Бринчук М.М. Экосистемный подход в праве // Экологическое право. 2008. № 1. С. 6-14.

References

1. Usova E.I. K voprosu sovershenstvovaniya transportnoi politiki Respubliki Belarus' (To the question of improving the transport policy of the Republic of Belarus), *Pravovoe obespechenie ustoichivogo razvitiya*, sb. nauchn. trudov, pod obshch. red. I.I. Esmantovich. Gomel', GGU im. F. Skoriny, 2010, pp. 46-51.
2. Zelenov A.V. Pravovaya okhrana okruzhayushchei sredy pri ekspluatatsii gorodskogo passazhirskogo transporta (Legal environmental protection in the operation of urban passenger transport), *dis. ... kand. yurid. nauk.* Saratov, 2002.
3. Yaroslavtsev S.F. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ekologo-avtotransportnykh otnoshenii gorodskogo poseleniya (Perfection of legal regulation of eco-autotransport relations of urban settlements), *dis. ... kand. yurid. nauk.* Surgut, 2003.
4. Saskevich V.V. Pravovoi rezhim zemel' promyshlennosti, transporta, svyazi, energetiki (The legal regime of the lands of industry, transport, communications, energy), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* Minsk, 2008.
5. Gapotchenko T.N. Osobennosti pravovogo rezhima zemel' avtomobil'nogo transporta i dorozhnogo khozyaistva (Features of the legal regime of the lands of road transport and road infrastructure), *dis. ... kand. yurid. nauk.* Khar'kov, 2007.
6. Chernobai E.Yu. Pravovoi rezhim zemel' polosy otvoda zheleznykh dorog (Legal regime of the land strip of allotment of railways), *dis. ... kand. yurid. nauk.* M., 2014.
7. Ob osnovakh transportnoi deyatel'nosti. Zakon Resp. Belarus', 3 noyab. 1992 g., № 1902-XII, v red. Zakona Resp. Belarus' ot 22.12.2011 g. (On the basics of transport activity: Law of the Republic of Belarus, 3 November 1992, No. 1902-XII: as in force Law of the Republic of Belarus on 22 December 2011). *Konsul'tant PlyusBelarus'*. Tekhnologiya 3000. ООО «YurSpektr», Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2018.
8. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g. ; utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (v red. ot 10.02.2017) (The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period until 2020; adopted by the Decree of the Government of the Russian Federation of 17 November 2008 No.1662-r (as amended on 10 February 2017)). *Konsul'tant Plyus.* Rossiya. ZAO. «Konsul'tantPlyus». M., 2018.
10. Galaburda V.G., Sokolov Yu.I., Korol'kov I.V. Upravlenie transportnoi sistemoi (Management of the transport system), *uchebnik, pod red. V.G. Galaburdy.* M., FGBOU «Uchebno-metodicheskoe upravlenie po obrabotke informatsii zheleznodorozhnogo transporta», 2016.
11. Strategiya po snizheniyu vrednogo vozdeistviya transporta na atmosferyni vozdukh Respubliki Belarus' na period do 2020 g., utv. Zamestitelem Prem'er-ministra Respubliki Belarus' 5 noyabrya 2013 g. №06/137-207, 214-258. (Strategy to reduce the harmful impact of transport on the air of the Republic of Belarus for the period up to 2020, passed by Deputy Prime Minister of the Republic of Belarus on November 5, 2013 No. 06 / 137-207, 214-258). URL: http://www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_2009876790-ru/ (accessed date: 04.01.2018).

12. Gavrilenko V.G. *Yuridicheskii slovar'* (The legal dictionary), nauch. red. N.I. Yadevich. Minsk, Pravo i ekonomika, 2013.
13. Ob okhrane okruzhayushchei sredy: Zakon. Zakon Resp. Belarus', 26 noyab. 1992 g., № 1982-XII : v red. Zakona Resp. Belarus' ot 22.12.2011 g. (On Environmental Protection: The Law. The Law of the Republic of. Belarus, 26 November 1992, No. 1982-XII: as in force Law of the Republic of Belarus on 22 December 2011). *Konsul'tant Plyus. Belarus'. Tekhnologiya 3000. OOO «YurSpektr»*, Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2018.
14. O bezopasnosti na transporte: model'nyi zakon , postanovlenie plenarnogo zasedaniya Mezhparyamentskoi Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG, 31 okt. 2007 g., № 29-9 (On Transport Security: Model Law, Resolution of the Plenary Session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, 31 October. 2007, No 29-9). *Konsul'tant Plyus. Rossiya. ZAO «Konsul'tantPlyus»*. M., 2018.
15. Gosudarstvennaya programma po razvitiyu i soderzhaniyu avtomobil'nykh dorog v Respublike Belarus' na 2017–2020 gody: Postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus' 18 sentyabrya 2017 g. № 699. (State program on development and maintenance of highways in the Republic of Belarus for 2017-2020: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus. Belarus 18 September No. 699). *Etalon – Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'*. Minsk, 2018.
16. Ob avtomobil'nom transporte i avtomobil'nykh perevozkakh: Zakon Resp. Belarus', 14 avg. 2014 g., No. 278-Z (On highway transport and transport by road: Law of the Republic of Belarus, 14 August 2014, No. 278-3). *Etalon – Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'*. Minsk, 2018.
17. Egiazarov V.A. *Transportnoe zakonodatel'stvo gosudarstv-uchastnikov SNG* (Transport legislation of the CIS member states). M., Norma, 2007.
18. Latskevich N.V. *Pridorozhnyi servis v Respublike Belarus': sostoyanie i napravleniya razvitiya* (Roadside service in the Republic of Belarus: state and directions of development). Gomel'. Belorusskii torгово-ekonomicheskii un-t potreb. kooperatsii, 2015.
19. Kontseptsiya razvitiya pridorozhnogo servisa na respublikanskikh avtomobil'nykh dorogakh do 2020 goda, 25 maya 2016 g. (). *Konsul'tant Plyus. Belarus'. Tekhnologiya 3000. OOO «YurSpektr»*, Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2018.
20. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze, podpisan v g. Astane, 29.05.2014 g. : v red. ot 08.05.2015 g. (Treaty on the Eurasian Economic Union, signed in the city of Astane, 29 May 2014, as in force from 08 May 2015). *Konsul'tant Plyus. Rossiya. ZAO, «Konsul'tantPlyus»*. M., 2018.
21. Kommentarii k Ustavu zheleznodorozhnogo transporta obshchego pol'zovaniya (Commentary on the Charter of Public Transport Railways), pod red. E.I. Zaretskoi, V.P. Moroza. Mn. Amalfeya, 2004.
22. Vozdushnyi kodeks: Zakon Resp. Belarus', 16 maya 2006 g., № 313-Z, s izm. i dop. (Air Code: Law of the Republic of Belarus, 16 May 2006, No. 313-3, amend. and added). *Etalon – Belarus'. Nats. tsentr pravovoi inform. Resp. Belarus'*. Minsk, 2018.
23. Makarova T.I., Khot'ko O.A. *Ekologizatsiya zemel'nogo zakonodatel'stva: sostoyanie i problemy sovershenstvovaniya* (Ecologization of land legislation: the state and problems of improvement), *Sovremennoe pravo*, 2014, No. 7, pp. 123-131.
24. Brinchuk M.M. *Ekosistemnyi podkhod v prave* (Ecosystem approach in law), *Ekologicheskoe pravo*, 2008, No. 1, pp. 6-14.

Дата поступления: 20.01.2018

Received: 20.01.2018

УДК: 349.6

**ПРИНЦИП ТРАНСПАРЕНТНОСТИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ**

КОРОБКА Лера Евгеньевна

заместитель начальника отдела исполнительного производства Правового управления Департамента городского имущества города Москвы, г. Москва, Россия.

E-mail: lera_korobka@mail.ru

**THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY
IN THE IMPLEMENTATION
OF ENVIRONMENTAL LEGAL
RELATIONS**

KOROBKA Lera Evgenievna

Deputy Head of the Enforcement Division of the Legal Administration of the Moscow City Property Department, Moscow, Russia.

E-mail: lera_korobka@mail.ru

Поиск путей решения глобальных экологических проблем и необходимость закрепления на национальном и международном уровнях способов сохранения окружающей среды обусловили обсуждение принципа транспарентности в экологическом праве. Закрепление принципа транспарентности в экологическом праве – один из способов приблизиться к «плюрализму» экологической информации, способствующий раскрытию необходимых аспектов взаимодействия государства и общества в процессе оборота экологической информации, благодаря информационной достоверности, достаточности, качественности, актуальности, релевантности и транспарентности. Это связано с тем, что только на основе взаимодействия институтов государства и общества можно запустить механизм информационной осведомленности общественности о состоянии окружающей среды, представляющий собой определенный порядок оборота экологически значимой информации. Необходимым условием развития экологических отношений, так как прозрачность информации позволяет решать ряд экологически значимых проблем, является реализация принципа транспарентности.

Ключевые слова: транспарентность, принцип транспарентности, экологическое право, экологическая информация, экологические правоотношения.

The search for new ways to solve global environmental problems and the need to strengthen national and international ways of preserving the environment has caused the discussion of the principle of transparency in environmental law. The consolidation of the principle of transparency in environmental law is one of the ways to approach the "pluralism" of environmental information, contributing to the disclosure of the necessary aspects of interaction between the state and society in the process of circulation of environmental information, due to information validity, sufficiency, quality, relevance, relevance and transparency. This is due to the fact that it is possible to launch the mechanism of public information awareness of the environmental status, which is a certain order of circulation of environmentally relevant information, only through the interaction of different social and state institutions. Therefore, the necessary condition for the development of environmental relations is the implementation of the principle of transparency because the transparency of information allows solving a number of ecologically significant problems.

Key words: transparency, principle of transparency, environmental law, environmental information, environmental legal relations.

Обсуждение принципа транспарентности в экологическом праве существенно связано с попыткой найти новые пути решений глобальных экологических проблем и закреплением на национальном и международном уровнях способов сохранения окружающей среды. По сути

дела, появление новых институтов информационной доступности и утверждение парадигмы взаимодействия природы, общества и государства – это две стороны одного экологического социально-политического процесса, необходимого для создания благоприятной окружающей среды. Закрепление принципа транспарентности в экологическом праве – один из способов приблизиться к «плюрализму» (множественности, т.е. получения и предоставление разного рода информации, необходимой для решения экологических проблем) экологической информации, который посредством информационной достоверности, достаточности, качественности, актуальности, релевантности и транспарентности, раскрывает необходимые аспекты взаимодействия государства и общества в процессе оборота экологической информации. Следует отметить, что взаимодействие в свою очередь обуславливает развитие в достоверности информации и только через призму взаимодействия отдельных институтов государства и общества можно запустить механизм информационной осведомленности общественности о состоянии окружающей среды, представляющий собой определенный порядок оборота экологически значимой информации, и, который естественным образом будет правильно функционировать, если принцип транспарентности будет выступать в качестве фундамента.

По мере обострения экологических проблем, как на национальном, так и на мировом уровне, в процессе осуществления экологического управления субъектами экологических правоотношений должны быть приняты все необходимые меры по повышению уровня транспарентности систем экологической информации и любой иной экологически значимой информации. Важным рычагом в осуществлении взаимодействия государства и общества будет выступать определение субъектами экологических правоотношений типа и объема экологической информации, основных условий ее предоставления и процедур ее получения, а также создание и ведение информационных реестров. Связано это с тем, что как экологическая информация, так и любая иная экологически значимая информация, определяя количественную и качественную сторону экологического состояния страны, занимает особое место между хозяйственной и иной деятельностью, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, где она возникает, деятельностью органов государственной власти, где она фиксируется и анализируется в целях решения экологических проблем, и общественностью, которой данная информация предоставляется.

Говоря о взаимодействии субъектов экологических правоотношений и обмене экологической информацией между ними, важно понимать, что уровень транспарентности, в данном случае, будет демонстрировать способность вести открытый диалог хозяйствующих субъектов, государства и общественности в целом при предоставлении актуальной и объективной информации о деятельности и объектах, которые негативно воздействуют на состояние окружающей среды, о принимаемых экологически важных решениях, а также о состоянии окружающей среды. Исследование принципа транспарентности в контексте реализации экологических правоотношений – это в том числе и попытка осмысления проблем, назревающих при решении вопросов информационной прозрачности о состоянии окружающей среды, вопросов собственности на природные ресурсы, рационального использования природных ресурсов, охраны окружающей среды от негативного воздействия, а также защиты экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц. Взаимосвязь таких общественных отношений как природопользование (рациональное использование природных ресурсов), охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности невозможно без фундаментального связующего звена – информационной прозрачности, которая, в случае ее соблюдения всеми субъектами экологических отношений, позволяет определить не только количественное и качественное состояние окружающей среды, но и построить правильную экологическую и экономическую политику.

Таким образом, потребность в применении принципа транспарентности при реализации экологических правоотношений четко отслеживается исходя из общего анализа особенностей предоставления экологической информации и возникающих при этом сложностей.

Особенно ярко наблюдается значимость принципа транспарентности при осуществлении в рамках экологических правоотношений следующих процессов: при осуществлении хозяйствующим субъектом деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду; при взаимодействии хозяйствующего субъекта с государством, а именно при предоставлении в органы государственной власти данных в виде сводов, деклараций, отчетности.

Безусловно, могут быть выделены и другие процессы, например, при обороте сводной отчетности между органами государственной власти, предоставление экологической информации органами государственной власти заинтересованной общественности, в том числе и на основании различного рода запросов, касающихся реализации экологических прав. Тем не менее, именно в выделенных процессах отсутствие или недостаточность необходимых сведений при обороте экологической информации может приводить к следующему:

1. Если говорить об экологической составляющей, то ухудшению состояния окружающей среды, так как при отсутствии экологической информации, хозяйствующим субъектом не будут проводиться мероприятия необходимые для поддержания состояний окружающей среды;

2. Если говорить об экономической составляющей, то к возникновению у хозяйствующего субъекта риска понести в дальнейшем не только финансовые потери, но и утраты репутации на рынке среди конкурентов, а на государственном уровне, в том числе нарушению требуемого пополнения бюджета, так как не будет поступать планируемая сумма в государственный бюджет и не будет взыскана, неуплаченная в добровольном порядке, плата за негативное воздействие на окружающую среду, плата за природопользование и иные платежи.

3. Если говорить о политической составляющей, то к не реализации в полной мере экологической политики, которая базируется и ведется на основе реально имеющихся статистических данных экологической информации и может быть эффективна, качественна и результативна только благодаря прозрачности поступающих сведений о состоянии окружающей среды.

4. Если говорить об общественной составляющей экологических правоотношений, то отсутствие или недостаточность необходимых сведений сводных отчетностей может приводить и к нарушению признания общественностью приоритетной важности экологических интересов.

При осуществлении хозяйствующим субъектом деятельности, оказывающей негативное воздействие на окружающую среду, следует, во-первых, соблюдать установленные законодательством экологические требования, а во-вторых, руководствоваться определенной комбинацией мер государственного экологического регулирования и использовать добровольные механизмы и стандарты экологической ответственности как существенной составляющей корпоративной социальной ответственности. Предоставление организацией информации об экологических показателях хозяйственной деятельности позволит оценить уровень и риски, с которыми может столкнуться предприятие, а это с одной стороны отражает качество экологического управления, и является фактором формирования репутации и имиджа на рынке [2], с другой – создает для государства возможность в полной мере осуществлять надзор за соблюдением экологических требований, предусмотренных законодательством. Однако при осуществлении хозяйственной деятельности организации не придают значимости данному принципу и не всегда считают необходимым предоставлять экологическую информацию и любую иную информацию, имеющую особое значения для решения экологических вопросов, в органы государственной власти, что в результате приводит к возникновению негативных последствий для организации в виде привлечения к административной ответственности, в том числе к дополнительным экономическим потерям.

Признание принципа транспарентности в экологическом праве это в первую очередь создания доверия хозяйствующего субъекта государству и наоборот. Такое тесное сотрудничество, основанное на доверии, это двигатель развития экологических и экономических отношений, развития хозяйственной деятельности для предприятия и для государства, как на национальном уровне, так и международном. Таким образом, закрепление принципа транспарентности в экологическом праве и пролоббирование его в жизнь государства, а также за-

крепления его как одного из основного принципа, в том числе и взаимодействия государственных структур и организаций, осуществляющих хозяйственную деятельность, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, позволит создать новый вектор взаимоотношений предприятий и государства и пойти по пути «принцип транспарентности – фундамент создания и сохранения прозрачного взаимодействия всех участников экологических правоотношений как в процессе оборота информации, имеющей особое значения для экологического состояния страны, так и в процессе совершения действий, от которых зависит экологическое, экономическое, политическое и общественное развитие и процветания государства».

Следует иметь в виду, что экологическая информация и любая иная информация, которая может иметь особое значения для развития экологических, экономических, политических и общественных отношений, поступающая в органы государственной власти, в дальнейшем влияет на реализацию установленных как государством, так и отдельной крупной организацией, осуществляющей хозяйственную деятельность, экологической политики, в том числе влияет на правильное принятие решений в случае планирования и создания новых производственных идей, позволяющих с одной стороны сохранить благоприятной окружающую среду, и с другой – достичь высокого уровня в экономическом развитии. Оборот экологической информации через призму реализации принципа транспарентности создаст условия, которые бы помогали участникам экологических отношений учесть ранее допущенные ошибки и создать более современное и прогрессивное экологическое управление, поскольку принцип транспарентности в экологическом праве – есть прозрачность информации, есть двигатель развития доверительного взаимодействия всех субъектов экологических отношений, есть «ключ» к сохранению благоприятной окружающей среды. Принцип транспарентности затрагивает правоотношения, возникающие не только в результате осуществления организаций, хозяйственной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, но и деятельности органов государственной власти.

Органы государственной власти являются одними из основных участников экологических правоотношений и, как субъект правоотношений, играют важную роль в разработки и принятии положений природоресурсного и природоохранного законодательство. Кроме того, динамика развития экологических правоотношений зависит от степени оперирования органами государственной власти необходимой информацией не только о состоянии окружающей среды и природных ресурсов, об источниках их загрязнения или иного вредного воздействия на окружающую среду, но и сведениями пограничными с данной сферой отношений, которые в свою очередь могут сыграть важную роль в планировании и реализации экологической политики. Благодаря полученной информации органы государственной власти имеют возможность полноценно и всесторонне исследовать состояние окружающей среды, спрогнозировать проблемы, с которыми может столкнуться государство и предотвратить их возникновения путем разработки и реализации различных экологических программ и мероприятий, тем самым повысить эффективность деятельности органов государственной власти [3, с. 148].

Таким образом, не предоставление достоверной информации приводит к ее искажению и тем самым органы исполнительной власти при реализации экологической функции руководствуется недостоверными данными. При исполнении органами исполнительной власти процесса обмена информацией может возникнуть проблема реализации принципа транспарентности. Как правило, это заключается в нарушении сроков предоставления, недостаточности, недостоверности сведений, что в итоге приводит к неактуальности информации, которая в последующем отражается в отчетах и докладах. Поэтому следует согласиться с высказыванием А.В. Черных, что «в нынешних условиях наивысшего уровня цивилизации достигает то государство, которое будет располагать наиболее качественной информацией, осваивать ее быстрее, в большем объеме и эффективнее использовать для достижения общечеловеческих ценностей» [1, с. 116]. Именно поэтому правильно выстроен-

ная система оборота экологической информации среди органов государственной власти сможет оперативно решать вопросы рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Экологическая информация будет достоверной только в том случае, если каждый участник экологических отношений будет осуществлять свою деятельность на основе принципа транспарентности, а именно: субъекты, осуществляющие хозяйственную деятельность или иную деятельность, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду, соблюдать прозрачность в предоставлении необходимых сведений в органы государственной власти, а органы государственной власти, в свою очередь, соблюдать прозрачность в межведомственном взаимодействии, которое в последующем существенным образом влияет на полноту и достоверность докладов, содержащих экологическую информацию.

Чтобы сохранить благоприятную окружающую среду, необходима слаженная и регламентированная работа по взаимодействию всех субъектов экологических правоотношений. И такое взаимодействие должно сопровождаться стимулом, который для каждого в отдельности субъекта экологических правоотношений будет устанавливаться свой, но в совокупности целью будет экологическая безопасность всей страны. Реализация принципа транспарентности является необходимым условием развития экологических отношений, так как прозрачность информации позволяет решать ряд экологически значимых проблем. Таким образом, приходим к выводу, что принцип транспарентности в экологическом праве – это не только прозрачность оборота экологической информации и иной экологически значимой информации между заинтересованными субъектами экологических отношений, но и прозрачность деятельности всех таких участников.

Библиографические ссылки

1. Черных А.В. Обеспечение безопасности автоматизированных информационных систем // Советское государство и право. 1980. № 6. С. 116-120.
2. Чхутиашвили Л.В. Интегрированная отчетность – новая форма корпоративного отчета // Аудитор. 2016. № 10. С. 36-41.
3. Афанасьева О.В., Богдановская И.Ю., Терещенко Л.К., Данилов С.Ю. Право на доступ к публичной информации как условие развития транспарентности государства : материалы круглого стола XI Международной научно конференции по проблемам развития экономики и общества, Государственный университет – Высшая школа экономики, 2010 г. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 4. С. 148-156. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 21.08.2016).

References

1. Chernykh A.V. Obespechenie bezopasnosti avtomatizirovannykh informatsionnykh system (Providing security of automated information systems), *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1980, No. 6, pp. 116-120.
2. Chkhutiashvili L.V. Integrirovannaya otchetnost' – novaya forma korporativnogo otcheta (Integrated reporting is a new form of corporate reporting), *Auditor*, 2016, No. 10, pp. 36-41.
3. Afanas'eva O.V., Bogdanovskaya I.Yu., Tereshchenko L.K., Danilov S.Yu. Pravo na dostup k publichnoi informatsii kak uslovie razvitiya transparentnosti gosudarstva (The right to access to public information as a condition for developing the state transparency), materialy kruglogo stola XI Mezhdurnoi nauchno konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Gosudarstvennyi universitet – Vysshaya shkola ekonomiki, 2010 g. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2010, No. 4, pp. 148-156. URL: <https://cyberleninka.ru> (accessed date: 21.08.2016).

Дата поступления: 23.01.2018

Received: 23.01.2018

УДК 341:349.6

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ В СТРАНАХ ЕС (ЧАСТЬ 1)****МУХАМЕТГАРЕЕВА****Наталья Михайловна**

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: nmch77@mail.ru*

ЮСУПОВА Зилья Анасовна

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: zilya_iousupova@mail.ru*

**INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF
ENVIRONMENTAL PROTECTION IN
THE EU COUNTRIES (PART 1)****MUKHAMETGAREEVA****Natalia Mikhailovna**

*Candidate of Sciences (Philology), Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: nmch77@mail.ru*

YUSUPOVA Zilya Anasovna

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: zilya_iousupova@mail.ru*

На сегодняшний день, несмотря на увеличение числа национальных правовых мер и международных природоохранных соглашений, ухудшение состояния окружающей среды продолжается, возникают новые экологические проблемы. В этой связи особенно актуальным представляется изучение опыта Европейского союза, который осуществляет реализацию целенаправленной политики охраны окружающей среды в течение последних 45 лет и обладает многолетней практикой нормотворчества и фактического разрешения задач, связанных с охраной окружающей среды. В статье рассмотрены вопросы охраны окружающей среды в странах Европейского союза, проанализированы принимаемые меры и достигнутые результаты по улучшению и сохранению окружающей среды в Европейском союзе.

Ключевые слова: окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая политика ЕС, качество окружающей среды, директивы ЕС.

To date, despite the increase in the number of national legal steps and international environmental agreements, environmental deterioration continues, new environmental problems arise. In this regard, it is particularly relevant to study the experience of the European Union, which has implemented a focused environmental policy for the past 45 years and has many years of rulemaking and actual resolution of environmental issues. The paper discusses the issues of environmental protection in the countries of the European Union, analyzes the measures taken and the results achieved to improve and preserve the environment in the European Union.

Key words: environment, environmental protection, EU environmental policy, environmental quality, EU directives.

Негативные изменения качества жизни населения и большие экономические потери от антропогенного воздействия со всей серьезностью поставили вопрос о необходимости формирования экологической политики. Европейские страны одни из первых осознали зависимость качества жизни от наличия благоприятной для человека среды обитания. В 60-е гг.

прошлого века в отдельных европейских странах начали принимать соответствующие законодательства, определявшие экологические нормативы, а также создавать правительственные организации, занимающиеся проблемами окружающей среды. Первое государственное учреждение по охране окружающей среды министерского уровня было образовано в Швеции в 1969 г., а в середине 70-х гг. в ряде стран ЕС, в состав которого тогда входило 9 государств, были учреждены специализированные природоохранные ведомства [1, с. 121].

Однако оказалось, что в рамках одного государства многие экологические проблемы решить невозможно, поскольку изменение климата, истощение озонового слоя и загрязнение морей не знают государственных границ. Стало ясно, что охрана окружающей среды имеет не только национальный, но и наднациональный аспекты. В Европе при сравнительно небольших размерах государств и густой речной сети сильное влияние на состояние окружающей среды оказывают трансграничные переносы загрязняющих веществ. К концу 80-х гг. прошлого столетия во многих странах основной причиной большей части загрязнений воздуха являлись выбросы в атмосферу, ответственность за которые несли соседние государства. Так, в 1992 г. 96 % серы, попадавшей на территорию Норвегии в виде кислотных осадков, поступало из других стран. В целом же расчёты показывали, что количество серы, азота (в окисленном состоянии) и аммиака, перенесённых из европейских стран на территории их соседей, составило соответственно 68, 86 и 46 %.

Для решения экологических проблем, имеющих транснациональный и глобальный характер, Европейскому сообществу потребовалось создать наднациональные структуры и разработать единую экологическую политику. Она формировалась постепенно. За годы своего существования ЕС создал систематизированную правовую базу, разработал и внедрил новые подходы к охране окружающей среды и улучшению качества жизни. Необходимо заметить, что проблемы окружающей среды не были выделены Римским договором 1957 года, в отдельную сферу общеевропейской интеграции. Частично они регулировались нормативными актами, которые принимали общеевропейские институты в пределах их компетенции, и особенно документами, касавшимися сельскохозяйственной и энергетической политики стран-членов. В Европе активная наднациональная экологическая политика начала проводиться с 1973 г., когда была принята Первая программа экологических действий, что совпало с первой волной расширения ЕЭС. Для реализации программы Совет глав правительств стран-членов ЕЭС принял в 1972 г. решение о расширении компетенции Сообщества, в том числе в области окружающей среды. Была разработана программа, которая фактически предвосхитила некоторые элементы современной концепции устойчивого развития. В частности, в ней содержалось положение о том, что экономическое развитие, процветание и защита окружающей среды – процессы взаимозависимые. Было указано, что «защита окружающей среды относится к основным задачам Сообщества» [2]. Среди наиболее важных целей в программе были обозначены:

- предотвращение, сокращение и ограничение экологического ущерба;
- сохранение экологического равновесия;
- рациональное использование природных ресурсов.

Период 1973-1985 гг. прошёл под знаком становления политики Сообщества в отношении окружающей среды и разработки основных способов её правового регулирования. Тогда ЕЭС присоединилось к ряду важнейших международных конвенций по охране окружающей среды, например к Конвенции об охране дикой флоры и фауны и природных мест обитания в Европе (1979 г.) [3], к Международному соглашению по тропической древесине (1983 г.) [4], к Конвенции о трансграничном переносе загрязнений воздуха на большие расстояния (1979 г.) [5].

В 1986 г. был принят Первый европейский акт, который внёс изменения в Римский договор 1957 г. В нём были определены цели и задачи, принципы и направления политики ЕС, в том числе и в области охраны окружающей среды. Он ознаменовал начало активных политических действий Европейского сообщества и внедрение в его деятельность принципа, соглас-

но которому меры по охране окружающей среды должны присутствовать во всех новых законодательных актах [6].

В дальнейшем в ЕС роль экологической политики была существенно расширена Маастрихтским (1992 г.) [7] и Амстердамским (1997 г.) [8] договорами, которые сделали устойчивое развитие одной из основных целей Союза. Концепция устойчивого развития является также ключевой частью Лиссабонской стратегии, разработанной в 2000 г., и Лиссабонского договора 2007 г. [9], которые положены в основу всей политики ЕС по формированию единого рынка. Мы согласны с утверждением о том, что «к концу XX века пассионарная часть мирового человеческого сообщества осознанно вышла на современную Концепцию устойчивого развития, несколько отличающуюся от концепции, выработанной на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 года. Концепция устойчивого развития с новым содержанием документально была оформлена на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро. В частности, Концепция устойчивого развития была оформлена Декларацией по окружающей среде и развитию и Долгосрочной программой дальнейших действий в глобальном масштабе («Повестка дня на XXI век»). Некоторые государства предприняли определенные шаги по переориентации своей политики в соответствии с новой Концепцией устойчивого развития» [10, с. 5]. В результате проведенной работы удалось осуществить масштабные природоохранные мероприятия, создать правовую базу регулирования и координации экологической деятельности стран-членов, разработать и внедрить новые подходы к защите и улучшению качества окружающей среды.

Объединение усилий в этой сфере стало одним из приоритетных направлений интеграционной деятельности ЕС, который имеет для этого все необходимые полномочия, издаёт многочисленные общеевропейские нормативные акты и осуществляет международное сотрудничество в этой области. В конце 90-х гг. Европейский совет поставил задачу имплементировать экологическую составляющую во все направления политики ЕС, т.е. постепенно превратить его в некий «экологический союз». Сегодня государства-члены ЕС обязаны включать пункты об охране окружающей среды во все свои нормативно-правовые акты. В настоящее время каждый институт ЕС (Европейская комиссия, Европейский парламент, Европейский совет и, конечно, Европейское агентство по окружающей среде – ЕЕА) в той или иной мере занимается экологической проблематикой.

В соответствии со своим статусом ЕЕА и Европейская сеть экологической информации и наблюдений (European environment information and observation network, Eionet) должны обеспечивать членов ЕС, другие страны и их общественность объективной и достоверной информацией, а также осуществлять меры по защите окружающей среды. В деятельности ЕЕА и Eionet принимают активное участие Европейский инвестиционный банк, Комитет регионов и Комитет по экономическим и социальным вопросам. Многочисленные директивы ЕС по охране окружающей среды (в настоящее время их более 90) касаются генеральной политики Союза в области контроля над качеством воды и воздуха, утилизацией отходов, а также сокращением промышленных выбросов, безопасностью биотехнологий, снижением уровня шумов [11,12,13]. Страны-члены ЕС принимают эти директивы к неукоснительному исполнению. Так, 50 % всех экологических законов в Германии и около 80 % – в Великобритании, так или иначе, базируются на директивах Еврокомиссии.

Большое влияние на состояние окружающей среды в европейских странах оказала Директива № 337 об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду, вступившая в силу в июле 1988 г. [14]. Она до сих пор остаётся основным документом, регламентирующим проведение экологической экспертизы в Европейском регионе. Создание необходимой правовой базы и повышение ответственности стран-членов за выполнение соответствующих директив привели к улучшению состояния окружающей среды в государствах Евросоюза.

Библиографические ссылки

1. Кремер Л., Винтер Г. Экологическое право Европейского союза / отв. ред. О.Л. Дубовик. М. : Гордец, 2007.
2. Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment // [Electronic Resource]. URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31973D0126&qid=1510074506525> (дата обращения: 03.11.2017).
4. Директива 79/409/ЕЕС Европейского Совета от 02 апреля 1979 г. о сохранении видов птиц, живущих в дикой природе // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru> (дата обращения: 13.10.2017).
5. Международное соглашение по тропической древесине от 18 ноября 1983 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/wood.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
6. Конвенция ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml (дата обращения: 13.10.2017).
7. Single European Act (Luxembourg, 17 February 1986) // European Union [Electronic Resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11957E> (дата обращения: 21.09.2017).
8. Maastricht Treaty (Maastricht, 7 February 1992) // European Union [Electronic Resource]. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
9. Treaty of Amsterdam (Amsterdam, 1 May 1997) // European Union [Electronic Resource]. URL: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 04.11.2017).
10. Раянов Ф.М. Концепция устойчивого развития и российская государственно-правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12 (60). С. 5-10.
11. Treaty of Lisbon (Lisbon, 13 December 2007) // European Union [Electronic Resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (дата обращения: 21.11.2017).
12. Council Directive 91/689/EEC of 12 December 1991 on hazardous waste // [Electronic Resource]. URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510115600693&uri=CELEX:31991L0689> (дата обращения: 03.11.2017).
13. Директива 94/62/ЕЕС Европейского Совета об упаковке и упаковочных отходах // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru> (дата обращения: 13.10.2017).
14. Директива Совета 1999/31/ЕЕС Европейского Совета от 26 апреля 1999 г. о захоронении отходов на полигонах // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru> (дата обращения: 13.10.2017).
15. Council Directive 85/337/EEC of 27 June 1985 on the assessment of the effects of certain public and private projects on the environment // [Electronic Resource]. URL:<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510091703821&uri=CELEX:31985L0337> (дата обращения: 03.11.2017).

References

1. Kremer L., Vinter G. Jekologicheskoe pravo Evropejskogo sojuza (Environmental law of the European Union), отв. ред. O.L. Dubovik. M. : Gordec, 2007.

2. Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX: 31973D 0126&qid=151074506525](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31973D0126&qid=151074506525) (accessed date: 03.11.2017).
3. Direktiva 79/409/ EEC Evropejskogo Soveta ot 02 aprelja 1979 g. o sohranении vidov ptic, zhivushhih v dikoj prirode (Directive 79/409 / EEC of the European Council of April 2, 1979 on the Conservation of Species of Birds Living in the Wild), Pravo Evropejskogo sojuza. URL: <http://eulaw.ru> (accessed date: 13.10.2017).
4. Mezhdunarodnoe soglasenie po tropicheskoj drevesine ot 18 nojabrja 1983 g. (International Agreement on Tropical Timber dated 18 November 1983), Organizacija Ob'edinennyh Nacij. URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/ wood.pdf](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/wood.pdf) (accessed date: 21.10.2017).
5. Konvencija OON o transgranichnom zagriznenii vozduha na bol'shie rasstojanija ot 13 nojabrja 1979 (United Nations Convention on Long-range Transboundary Air Pollution of 13 November 1979), Organizacija Ob'edinennyh Nacij. URL: [http://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml) (accessed date: 13.10.2017).
6. Single European Act (Luxembourg, 17 February 1986), European Union. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11957E> (accessed date: 21.09.2017).
7. Maastricht Treaty (Maastricht, 7 February 1992), European Union. URL: [https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_ union_en.pdf](https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf) (accessed date: 21.10.2017).
8. Treaty of Amsterdam (Amsterdam, 1 May 1997), European Union. URL: [https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_ union_en.pdf](https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf) (accessed date: 04.11.2017).
9. Treaty of Lisbon (Lisbon, 13 December 2007), European Union. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC> (accessed date: 21.11.2017).
10. Rayanov F.M. Kontseptsija ustoichivogo razvitiya i rossiiskaya gosudarstvenno-pravovaya deistvitel'nost' (The concept of sustainable development and Russian state-legal reality). *Pravo i politika*, 2004, No. 12 (60), pp. 5-10.
11. Council Directive 91/689/EEC of 12 December 1991 on hazardous waste. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510115600693&uri=CELEX: 31991L0689](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510115600693&uri=CELEX:31991L0689) (accessed date: 03. 11.2017).
12. Direktiva 94/62/EEC Evropejskogo Soveta ob upakovke i upakovochnyh othodah (Directive 94/62 / EEC of the European Council on packaging and packaging waste), Pravo Evropejskogo sojuza. URL: <http://eulaw.ru> (accessed date: 13.10.2017).
13. Direktiva Soveta 1999/31/EEC Evropejskogo Soveta ot 26 aprelja 1999 g. o zahoronenii othodov na poligonah (Council Directive 1999/31 / EEC of the European Council of 26 April 1999 on the disposal of waste at landfills), Pravo Evropejskogo sojuza. URL: <http://eulaw.ru> (accessed date: 13.10.2017).
14. Council Directive 85/337/EEC of 27 June 1985 on the assessment of the effects of certain public and private projects on the environment. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510091703821&uri=CELEX:31985L0337> (accessed date: 03.11.2017).

Дата поступления: 30.01.2018

Received: 30.01.2018

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

УДК 341

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

ВАХИТОВА Гузель Валериевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: v.guzel.v@mail.ru*

ШОНИН Николай Егорович

*кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: shonin_nick@mail.ru*

Изобретение и применение современных информационно-коммуникационных технологий является одновременно и угрозой международной безопасности и средством её обеспечения. Проблемы, возникающие в связи с распространением информационных технологий на сферу международных отношений, связаны с развитием нормативно-правовой базы по обеспечению информационной безопасности в России и в мире. Документы ООН указывают на опасность применения информативных технологий в военной сфере. О серьёзности этих угроз свидетельствует то, что только в России было принято четыре нормативно-правовых документа, посвященных специально проблемам информационной безопасности, на уровне ООН принято шесть соответствующих специальных резолюций. Проблемами информационной безопасности занимаются и неправительственные организации, особенно авторитетной из них является ПИР-центр (Россия), который обладает консультативным статусом при ЭКОСОС ООН.

Ключевые слова: законом диалектики, международной безопасности, правоохранительной области, международных отношений, международного права.

**INFORMATION TECHNOLOGY
AND INTERNATIONAL LAW**

VAKHITOVA Guzel Valerievna

*Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: v.guzel.v@mail.ru*

SHONIN Nikolay Egorovich

Candidate of Political Sciences, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: shonin_nick@mail.ru

The invention and application of modern information and communication technologies is both a threat to international security and a means of ensuring it. The paper considers the problems arising in connection with the spread of information technologies to the sphere of international relations, the development of the regulatory and legal framework for ensuring information security in Russia and in the world. The danger of using informative technologies in the military sphere is specially mentioned, as indicated by the UN documents. The severity of these threats is evidenced by the fact that only in Russia four normative and legal documents devoted specifically to the problems of information security were adopted, six corresponding special resolutions were adopted at the UN level. Information security issues are also handled by non-governmental organizations, especially the authoritative one is the PIR Center (Russia), which has consultative status with the UN ECOSOC.

Key words: law of dialectics, international security, law enforcement, international relations, international law.

Информационные технологии так быстро вошли в нашу жизнь, что ими охвачены все её стороны. Без них сбор, обработка, передача и сохранение информации по-прежнему оставались бы очень трудоемким процессом, требующим участия огромного количества работников и занимающим много времени. Но эти же достоинства информационных технологий в соответствии с законом диалектики превратились и в свою противоположность, порождая невиданные ранее проблемы, особенно в области обеспечения национальной и международной безопасности и в правоохранительной области. Распространившись на сферу международных отношений, эти проблемы требуют решения не только в чисто технологическом и техническом плане, но и в области международного права. В доинформационную эпоху, когда информация передавалась на бумажных носителях, дополненных затем фотодокументами и (микро-) фотопленками, передачами по радио и телевидению, контроль за информационными потоками со стороны государства осуществлялся весьма эффективно: печатные источники и отечественные теле-радиопередачи подвергались строгой цензуре, иностранные теле-радиопередачи глушились, а в 1950-60-ые годы даже запрещалось производить и продавать радиоприемники, способные принимать «вражеские голоса».

Иное дело современный мир. Если во второй половине XX века трезвомыслящие политики пришли к выводу о невозможности обеспечить национальную безопасность без обеспечения международной безопасности, то сейчас всеми осознано, что обеспечить международную безопасность без информационной безопасности невозможно. Примечательно, что гарантом безопасности тогда были само существование ядерного оружия, роковая опасность его применения. Что же касается современных информационно-коммуникационных технологий, то их изобретение и применение является одновременно и угрозой международной безопасности и средством её обеспечения. Важнейшими угрозами здесь являются в первую очередь использование информационно-коммуникационных технологий во враждебных целях против информационных инфраструктур других государств в политических, в военных и экономических целях. Особенно чреваты последствиями кибератака на энергетические сети, что парализует и экономику и обороноспособность. В современном мире происходит постепенная «информатизация» вооруженных сил и «интеллектуализация» традиционных вооружений. Информационное оружие становится важным элементом военного потенциала государств. Оно эффективно дополняет традиционные военные средства и в ряде случаев способно заменить их. В таких условиях Россия стала первым государством, которое на международном уровне подняло вопрос о появлении принципиально новых (информационных) угроз национальной и международной безопасности в XXI веке [5].

Вышеназванное отличие информационного оружия от ядерного привело к тому, что с начала XXI века межгосударственные конфликты все более приобретают форму информационных войн, поскольку они могут осуществляться без огромных инвестиций в военную технику и вооружения, а, самое главное, без обязательного объявления войны, тайно и трансгранично. Эта особенность информационного оружия позволяет использовать его достаточно скрытно не только против врагов, но и для контроля за союзниками. Известны скандалы с прослушкой американскими спецслужбами телефонных переговоров руководителей стран-членов НАТО, взламывания сайтов политических деятелей и т.д. Даже использование негосударственных субъектов оказывается здесь более приемлемым, ибо труднее доказать их деятельность для того или иного государства в отличие от так называемых частных военных компаний [8], типа Blackwater, где *сui bono* достаточно хорошо просматривается.

Еще больше подрывают международную стабильность и безопасность преступники-одиночки, так называемые хакеры, и преступные сообщества, получившие доступ к информационно-коммуникативным технологиям и разворачивающие свою деятельность в киберпространстве либо с целью обогащения, либо с политическими целями как международные террористы, потому что их больше и мотивы разнообразнее.

Впрочем, помимо этих опасных для мира хакеров есть и такие, которые работают на пользу мирового сообщества, раскрывая преступные планы правительств и организаций.

От них получает, например, информацию WikiLeaks. Поскольку информационно-коммуникационные технологии дают эффект для национальной экономики и обороны только тогда, когда они реализуются в сетях, то перед каждым государством постоянно стоит задача уберечь их от несанкционированного проникновения. Одной из составных частей решения этой задачи в демократических государствах является создание нормативно-правовой базы. Поскольку наша страна находится в центре информационных атак со стороны стран НАТО, то совершенно логично, что у нас был создан солидный нормативно-правовой блок: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ "О безопасности", Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" (в ред. от 25.12.2012), Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. (Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года. Одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года), Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.), Военная доктрина Российской Федерации (Дата подписания: 25.12.2014.), Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"), постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. N 608 "О сертификации средств защиты информации" (в ред. Постановлений Правительства РФ от 23.04.1996 N 509, от 29.03.1999 N 342, от 17.12.2004 N 808), ПОЛОЖЕНИЕ о Министерстве иностранных дел Российской Федерации (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 19.10.2005 г. N 1218), Указ Президента РФ от 12 марта 1996 г. № 375 "О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации", Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 "О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации", Указ президента РФ от 17 марта 2008 г. N 351 "О мерах по обеспечению информационной безопасности российской федерации при использовании информационно- телекоммуникационных сетей международного информационного обмена", а также нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность федеральных органов государственной власти в сфере внешней политики и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в этой сфере.

Поскольку использование информационно-коммуникационных технологий в информационных войнах означает вмешательство во внутренние дела суверенных государств и подрывает режим доверия в отношениях между государствами, международное сообщество в лице ООН не могло оставить без внимания такую ситуацию. Примечательно, что опасность враждебного использования информационных технологий во вред мировому сообществу была осознана только на рубеже XX–XXI веков, что явно связано с пониманием американским руководством неэффективности экономических методов «холодной войны» против России и переходу к преимущественно информационной войне в духе рекомендаций А. Даллеса.

А ведь в последней трети XX века ситуация выглядела иначе. Подписывались договоры о запрещении распространения ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.), договоры, объявляющие безъядерными зонами огромные пространства (Об Антарктике 1959 г., О запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (договор Тлателолко 1967 г.), О безъядерной зоне в южной части Тихого океана (договор Раратонга 1985 г.), договоры о вооруженных силах в Европе, о сокращении стратегических вооружений и потенциалов и др. Дело, казалось, шло к реальному углублению и расширению сотрудничества во всех областях, в том числе и информационной. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в начале 1970-х годов позволило надеяться на улучшение перспектив более тесного сотрудничества государств в интересах мира и прогресса. На уровне ООН были приняты такие резолюции, как A/RES/2844(XXVI) от 19 декабря 1971 года «Свобода информации, права человека и научно-технический прогресс, ликвидация всех форм религиозной нетерпимости»,

A/RES/31/183 от 21 декабря 1976 года «Создание сети для обмена технической информацией», A/RES/32/178 от 19 декабря 1977 года «Сеть для обмена технической информацией и банк промышленно-технической информации».

Развал СССР породил у его противников надежду на такой же исход борьбы и с постсоветской Россией. Развал экономики и армии, разрушение всей системы обороны, осуществляемое администрацией Б. Ельцина, казалось, гарантировали такой исход. США решили, что форсировать далее этот процесс уже нет необходимости и переключились на другие цели. И просчитались. В итоге информационная война против России приняла уже откровенно оголтелый характер в форме неуправляемого потока информационной лжи. Дальше всех зашла в этом администрация нынешнего президента США Д. Трампа, не остановившаяся даже перед таким грубым нарушением принципов и норм международного права, как захват дипломатических представительств России на своей территории, а ведь Венская конвенция о дипломатических сношениях, от 18 апреля 1961 г. оговаривает право заграничных представительств на «получение всеми законными средствами информации о государстве пребывания». Венская конвенция о консульских сношениях, от 24 апреля 1963 г., ст. 5 п. с) также дает право на «выяснение всеми законными путями условий и событий в торговой, экономической, культурной и научной жизни государства пребывания, сообщение о них правительству представляемого государства и предоставление сведений заинтересованными лицами».

Эта ожесточенная информационная война против России переродилась в войну всех против всех и породила новый аспект напряженности во всем мире. К концу 1990-х годов мировое сообщество вынуждено было признать необходимость борьбы за международную информационную безопасность. Первопроходцем здесь, так же, как и в XIX веке по общим вопросам международной безопасности, стала Россия, когда уже 17 декабря 1991 г. по инициативе Администраций связи 11 государств было создано Региональное содружество в области связи (РСС) с целью широкого сотрудничества и проведения согласованных действий этих государств в области электрической и почтовой связи. В соответствии с Соглашением о координации межгосударственных отношений в области почтовой и электрической связи, подписанным правительствами государств – участников СНГ (Бишкек, 9 декабря 1992 г.) данное содружество было одобрено как межгосударственный координирующий орган. РСС ныне официально признано наблюдателем в Международном союзе электросвязи и Всемирном почтовом союзе – специализированных учреждениях ООН по связи. Высшим органом РСС является Совет глав Администраций связи. Постоянно действующим исполнительным органом РСС является Исполнительный комитет, который находится в Москве [7].

Первым международным документом в этой области стали резолюции ООН A/RES/53/70 от 4 декабря 1998 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», A/RES/54/49 от 1 декабря 1999 г. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», а также A/RES/55/63 от 4 декабря 2000 года и A/RES/56/121 от 19 декабря 2001 г. «Борьба с преступным использованием информационных технологий» и другие общим числом 30 [3]. 8 декабря 2010 г. была принята еще одна резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (65/41). Во всех этих документах отмечается, что распространение и использование информационных технологий и средств затрагивают интересы всего международного сообщества и что широкое международное взаимодействие способствует обеспечению оптимальной эффективности, выражается озабоченность тем, что эти технологии и средства потенциально могут быть использованы в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности, и могут негативно воздействовать на целостность инфраструктуры государств, нарушая их безопасность применительно как к гражданской, так и к военной сферам, считается необходимым предотвратить использование информационных ресурсов или технологий в преступных или террористических целях, а государства-члены призываются и далее содействовать рассмотрению на многостороннем уровне существующих и потенциальных угроз в сфере информационной без-

опасности, а также возможных стратегий по рассмотрению угроз, возникающих в этой сфере, исходя из необходимости сохранить свободный поток информации [3].

Но наиболее основательно, а главное реалистично рассматривается проблема и пути её решения в концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, опубликованной 22 сентября 2011 г. на сайте МИД России, содержащей помимо традиционной преамбулы такие статьи: ст.1. Предмет и цель Конвенции, ст. 2. Термины и определения, ст. 3. Исключения в применении Конвенции, ст. 4. Основные угрозы международному миру и безопасности в информационном пространстве, ст. 5. Основные принципы обеспечения международной информационной безопасности, ст. 6. Основные меры предотвращения военных конфликтов в информационном пространстве, ст. 7. Меры, направленные на разрешение военных конфликтов в информационном пространстве.

Нашла отражение в концепции и такая актуальная проблема, как терроризм. Об этом говорится в гл. 3 «ОСНОВНЫЕ Меры противодействия использованию информационного пространства в террористических целях» и гл. 4 «Основные меры противодействия правонарушениям в информационном пространстве». Но осознание угроз ведь ничего не даст, если не будут приняты меры по их обузданию, а они не будут эффективны, если не возьмется за их решение всем миром, на что и указывает этот российский проект конвенции в главе 5 «Международное сотрудничество в сфере международной информационной безопасности» [4].

Таким образом, резолюции и конвенции ООН показывают, что мировое сообщество не только осознало опасность враждебного использования информационно-коммуникационных технологий отдельными государствами или организациями особенно преступного характера, но и указало на необходимость и возможность создания таких информационных технологий, которые смогут противодействовать опасному для мира использованию существующих информационных технологий, как об этом, например, говорится гл. 5 выше названной конвенции: «...государства-участники должны поддерживать и стимулировать научно-технические разработки в области освоения информационного пространства, а также образовательно-просветительскую деятельность, направленную на формирование глобальной культуры кибербезопасности [4]. Обострение международной обстановки в настоящее время привело к тому, что ООН в августе 2015 года призвала не использовать информационные технологии в военных целях. С учетом такого развития в вузах России было даже создано направление подготовки 090000 "Информационная безопасность", специальность 090104 "Комплексная защита объектов информатизации" для студентов и слушателей факультета повышения квалификации, а также для дополнительной профессионально-образовательной программы "Преподаватель высшей школы". Выпускаются соответствующие учебники, например: Гатчин Ю.А., Сухостат В.В. Теория информационной безопасности и методология защиты информации: учебное пособие.

В заключение следует отметить, что обеспечение информационной безопасности в международном масштабе связано с одной очень большой трудностью, на которую указал консультант ПИР-Центра [6] Адлан Маргоев в беседе с сэром Дэвидом Омандом, профессором Лондонского Королевского колледжа, бывшего в прошлом руководителем Центра правительственной связи, являющегося специальной службой Великобритании, ответственной за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации. Трудность по его мнению заключается в том, что кибератаки в отличие от ограниченной ядерной войны, которую не удастся удержать в этом масштабе и она превратится в полномасштабную с соответствующими последствиями для воюющих государств и мира, поддаются ограничению, не ведут к эскалации и, следовательно, являются очень привлекательным средством в современной информационной войне [6]. Привлекательность кибератак повышается еще и тем, что определить источник практически невозможно, а значит, вероятность ответной атаки низка, так что в будущем вполне возможно, что противостояние США и России примет эту форму.

Библиографические ссылки

1. Атрибуция кибератаки является политическим решением, это не судебный процесс // Ядерный Контроль, выпуск № 4 (486), Май 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://www.pircenter.org/articles/2099-atribuciya-kiberataki-yavlyaetsya-politicheskim-resheniem-eto-ne-sudebnyj-process>.
2. A/RES/55/63 от 4 декабря 2000 года и A/RES/56/121 от 19 декабря 2001 г. «Борьба с преступным использованием информационных технологий». Резолюции Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml>.
3. «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 8 декабря 2010 года [по докладу Первого комитета (A/65/405)] 65/41. Резолюции Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml>.
4. Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666.
5. Крутских Андрей. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm> (дата обращения: 15.06.2017).
6. ПИР-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПИР-Центр>.
7. Региональное содружество в области связи (РСС) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rcc.org.ru>.
8. Частные военные компании [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Частная_военная_компания.
9. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian7.ru/post/7-glavnyx-chastnyx-armij-mira/>.
10. [Электронный ресурс]. URL: <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/chastnye-voennye-kompanii-469/>.

References

1. Atribuciya kiberataki yavlyaetsya politicheskim resheniem, ehto ne sudebnyj process (Attribution of cyberattacks is a political decision, this is not a trial), *Yadernyj Kontrol'*, vypusk No. 4 (486), Maj 2017 URL: <http://www.pircenter.org/articles/2099>
2. A/RES/55/63 ot 4 dekabrya 2000 goda i A/RES/56/121 ot 19 dekabrya 2001 g. «Bor'ba s prestupnym ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij» (Combating the criminal use of information technology), Rezolyucii General'noj Assamblei. URL: <http://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml>
3. «Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti». (Achievements in the field of information and telecommunications in the context of international security), Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej 8 dekabrya 2010 goda [po dokladu Pervogo komiteta (A/65/405)] 65/41, Rezolyucii General'noj Assamblei. URL: <http://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml>
4. Konvencii ob obespechenii mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti, (Convention on International Information Security), Oficial'nyj sajt MID RF. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666
5. Krutskih Andrej. K politiko-pravovym osnovaniyam global'noj informacionnoj bezopasnosti (To the political and legal grounds of the global information security). URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/003.htm>
6. Regional'noe sodruzhestvo v oblasti svyazi (RSS) (Regional Commonwealth in the field of Communications). (RCC) URL: <http://www.rcc.org.ru>

7. Chastnye voennye kompanii (Private military companies). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Chastnaya_voennaya_kompaniya URL: <http://russian7.ru/post/7-glavnyx-chastnyx-armij-mira/>
8. PIR-centr. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/PIR-Centr>
9. URL: <http://politrussia.com/vooruzhennye-sily/chastnye-voennye-kompanii-469/>
11. URL: <http://russian7.ru/post/7-glavnyx-chastnyx-armij-mira/>

Дата поступления: 31.01.2018

Received: 31.01.2018

УДК 341.9

**АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ
ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИИ**

ГУРГУЛИЯ Астанда Апполоновна

*аспирант кафедры гражданского права и
процесса Института права и национальной
безопасности Российской академии народно-
го хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, г. Москва, Россия.
E-mail: gurguliya93@mail.ru*

**THE ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT
OF LEGAL REGULATION OF FOREIGN
INVESTMENTS IN RUSSIA**

GURGULIYA Astanda Appolonovna

*Postgraduate Student of the Chair of Civil Law
and Procedure of the Institute of Law and Na-
tional Security of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Ad-
ministration. Moscow, Russia.
E-mail: gurguliya93@mail.ru*

В условиях неконтролируемого «бегства капитала» и неудачными попытками «деофшоризации» экономики страны стратегической задачей Российской Федерации является поиск оптимальных путей привлечения инвестиций и репатриирование капитала в экономику страны. Однако без надлежащего правового базиса, содержащего правовые гарантии для капитала, этого не удастся достичь. Инвестиционное законодательство Российской Федерации характеризуется бессистемностью, отсутствием единого закона, который устанавливал бы общие правила для различных видов инвестиционной деятельности. Анализ эволюционирования нормативно-правовой базы, регулирующей иностранные инвестиции в Российской Федерации, в особенности приток капитала в дореволюционный, советский и современный периоды, позволит найти ошибки прошлого в целях недопущения их в будущем, а также выбрать курс для эффективного развития инвестиционного законодательства.

Ключевые слова: инвестиции, правовое регулирование, экономика, иностранный капитал, концессионные соглашения.

In the conditions of uncontrolled “capital flight” and unsuccessful attempts of “deoffshorization” of the country’s economy, the strategic task of the Russian Federation at the present stage is to find the best ways to attract investments and repatriate capital to the economy of the country. However, without a proper legal framework containing legal guarantees for the capital, this will not be achieved. The investment legislation of the Russian Federation at the present stage is characterized by an unsystematic character, absence of a single law that would establish general rules for various types of investment activities. The analysis of the evolution of the regulatory framework governing foreign investments in the Russian Federation, in particular the influx of capital into the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, will allow us to find past mistakes in order to prevent them in the future, and also to choose a course for the effective development of investment legislation.

Key words: investments, legal regulation, economy, foreign capital, concession agreements.

Необходимость привлечения инвестиций в национальную экономику представляется очевидной, и объясняется не только потребностями в дополнительных инвестициях, но и мировыми процессами интернационализации и глобализации экономики. Для стран с высоко-развитой рыночной экономикой присуще активное привлечение иностранного капитала, что является нормальным и естественным процессом. В сознании масс на протяжении всей истории развития законодательства об иностранных инвестициях имелся психологический барьер, связанный с вредностью использования иностранного капитала, который сложно сразу отбросить. В подтверждение указанного мнения примечателен тезис Сталина о том, что «не для того мы проливали кровь, чтобы добровольно впрягаться в ярмо мирового капитализма» [1, с. 4]. Подобные призывы «не продавать Россию» до сих пор популярны в определенных кругах. Однако движение в сторону цивилизованного рынка, необходимость вступления в международные экономические организации и другие факторы однозначно требуют более внимательного отношения к данной проблеме.

Иностранные займы и капиталовложения в классическом виде начали поступать в Россию после Крымской войны 1853–1856 гг. и отмены крепостного права в 1861 г. Причиной явились первая научно-техническая революция и индустриализация в стране, наиболее ярким проявлением которых стало крупномасштабное строительство железных дорог [14]. С конца XIX в. преобладающей организационно-правовой формой иностранных инвестиций в России были акционерные общества. Иностранный капитал был представлен самостоятельно, либо приобретал участие в российских компаниях. Зачастую иностранные инвесторы, например, из Англии, скупали мелкие нефтяные фирмы. Что же касается законодательной стороны дела, то в России, как и в других странах, активно идущих по пути развития капитализма, не было специального законодательства об иностранных инвестициях, но было принято, особенно в начале века, торговое банковское, акционерное и иное законодательство, которое обеспечивало соответствующие условия для иностранного капитала.

С приходом к власти советов произошла национализация иностранных концессий, все отрасли промышленности вошли в плановую систему экономики, развитие и, соответственно, финансирование которой осуществлялось за счет государственных ассигнований. В СССР закрепилось крайне негативное отношение к иностранному капиталу. Определенный опыт решения проблем при помощи привлечения иностранного капитала имелся в Советском союзе 20-х годов в условиях НЭПа. В.И. Ленин придавал исключительное значение концессиям и смешанным обществам как разновидности привлечения иностранных инвестиций [1, с. 3]. Правовые основы будущей концессионной политики были первоначально сформулированы еще в 1918 г. в первых государственных актах молодой Советской республики, которые посвящались развитию отношений с капиталистическим миром. В них были определены принципы, которые позднее вошли в Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий 1920 года. Важной особенностью данного документа являлось сформулированные правительственные гарантии, в частности, что вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции, а также о недопустимости одностороннего изменения какими-либо декретами условий концессионного договора.

Созданный при Совнаркоме Главный концессионный комитет (Главконцеском) занимался всеми вопросами, касавшимися концессий. Всего за период с 1922 г. по 1 ноября 1927 г. в Главконцеском поступило 2211 концессионных предложений. По числу поступивших проектов первое место занимала Германия (35,3% всех предложений), следом шли Англия (10,2%), США (9,4%), Франция (7,9%) и др. В числе соискателей концессий были также граждане СССР (5%). Наибольшая доля предложений от немецких предпринимателей во многом объяснялась тем, что Германия в результате Версальского мирного договора, отнявшего у нее колонии, лишилась рынков сбыта своих товаров. Поскольку на рынки развитых стран ее не пускали, Советский Союз являлся для этой страны практически единственной возможностью для реализации промышленной продукции [2]. Концессии сыграли положительную роль, выполнив задачу

восстановления экономики в период разрухи. Они привлекли необходимые для народного хозяйства капиталы. В результате государственная казна получила значительные поступления в виде уплаты налогов, арендной платы, пошлин, сборов, долевых отчислений оборота предприятий. Однако в результате перехода к административно-командной модели экономики произошло полное вытеснение иностранного капитала из экономики России. Фактически возможность допуска иностранных инвестиций на территорию России осуществилась в 1986 г. на основании решения Политбюро ЦК КПСС о возможности создания совместных предприятий. Это решение было связано с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г. №991 и №992 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» [3] и «О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с социалистическими странами» [6, с. 50], которые ознаменовали переход к осуществлению внешнеэкономических реформ.

Этапы правового регулирования иностранных инвестиций в России, начиная с 1987 г. до настоящего времени, с точки зрения развития инвестиционного законодательства можно представить следующим образом. Первый этап (1987–1991 гг.) характеризуется формированием инвестиционного климата, процедуры создания совместных предприятий. Первые нормативные акты о совместных предприятиях были приняты в начале января 1987 г. В их числе Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1987 г. «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления» [4]. Одновременно с Указом 13 января 1987 г. Совет Министров СССР принял два постановления: №48 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран-членов СЭВ» и №49 «О создании на территории СССР совместных предприятий с участием фирм капиталистических и развивающихся стран» [5]. Следующий шаг в области допуска иностранных инвестиций в страну был сделан в Законе о собственности от 6 марта 1990 г., который предусматривал не только создание СП, но впервые в советском законодательстве разрешал создавать предприятия, полностью принадлежащие иностранным инвесторам [7]. Позднее в развитие советского законодательства об иностранных инвестициях был издан Указ Президента СССР от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» [8]. Этот акт не содержал детального регулирования, но давал некоторые направления для развития такого регулирования, что и было осуществлено принятием 10 декабря 1990 г. Верховным Советом СССР Закона «Основы законодательства об инвестиционной деятельности в СССР», юридически закрепивший круг возможных субъектов инвестиционной деятельности и установивший, что основным правовым документом, регулирующим взаимоотношения между субъектами инвестиционной деятельности, является договор (соглашение) [14]. Впервые предусмотревшего, что инвестиции не могут быть безвозмездно национализированы; национализация и другие подобные меры должны осуществляться только на основании законодательных актов с возмещением инвестору в полном объеме убытков. 5 июля 1991 г. были приняты Основы законодательства об иностранных инвестициях в СССР [9]. Последним существенным правовым актом указанного этапа был Указ Президента СССР от 17 августа 1991 г. «Об обеспечении залогом обязательств, возникающих при осуществлении иностранных инвестиций в СССР» [10], который предусматривал, что обязательства, возникающие при осуществлении иностранных инвестиций в СССР, могут обеспечиваться залогом любого имущества (в том числе имущественных прав), за исключением имущества, которое в соответствии с законодательством Союза ССР и республик не может быть отчуждаемо.

Второй этап (1992–2007 гг.) – этап развития инвестиционного законодательства. Он ознаменован созданием, развитием и совершенствованием основополагающих законодательных актов в данной области. Среди таких актов - Законы РСФСР от 26 июня 1991 г. "Об инвестиционной деятельности в РСФСР" [11] и от 4 июля 1991 г. "Об иностранных инвестициях

в РСФСР" [12], который вступил в силу 1 сентября 1991 г. Закон об иностранных инвестициях определил правовые и экономические основы осуществления иностранных инвестиций на территории РСФСР и был направлен на привлечение и эффективное использование в народном хозяйстве иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовой зарубежной техники и технологий, управленческого опыта. В рамках этого акта регулировались вопросы гражданского, валютного, земельного, налогового, даже трудового законодательства, хотя в большинстве случаев это заканчивалось стандартной общей отсылкой к российскому законодательству, регламентирующему те или иные сферы деятельности. Принятие действующего до настоящего времени Федерального закона "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации" было вызвано тем, что акт 1991 г. давно уже не соответствовал практике инвестиционной деятельности и не выполнял задачи привлечения и защиты иностранных инвестиций в новых экономических условиях.

Современный этап, начавшийся в 2008 г. и продолжающийся до настоящего времени, характеризуется принятием Закона N 57-ФЗ [13], принципиально изменившего систему допуска иностранных инвестиций на территорию страны. Закон устанавливает ограничения на участие иностранных инвесторов или групп лиц в уставных капиталах хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также регулирует отношения, связанные с совершением иных сделок, в результате которых иностранные инвесторы или группы лиц устанавливают контроль над хозяйственными обществами. Россия присоединилась к числу стран, где выделение стратегических отраслей на основе приоритетных для экономики страны критериев направленно на предотвращение угрозы суверенитету, технологической зависимости, возможности осуществлять выбор ведущих направлений развития.

За последние десятилетия система международных инвестиционных отношений претерпела значительные изменения, и, несмотря на наличие немалого количества нормативно-правовых актов, направленных на регулирование иностранных инвестиций в Российской Федерации, приток прямых иностранных инвестиций в мире вырос многократно, в то время как доля Российской Федерации в общемировом объеме ввезенных прямых иностранных инвестиций крайне мала. Причиной неблагоприятного инвестиционного климата в России является, в первую очередь, несовершенство инвестиционного законодательства.

Библиографические ссылки

1. Богуславский М.М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М. : Издательство БЭК, 1996.
2. История. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности. Внешэкономбанк». URL: <http://www.veb.ru/ru/about/history> (дата обращения: 15.12.2017).
3. О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями [Электронный ресурс]: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1986 №991 (ред. от 06.05.1989). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
4. О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления: Указ Президиума ВС СССР от 13.01.1987 N 6362-XI // Ведомости ВС СССР. 1987. N 2. Ст. 35.
5. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран – членов СЭВ [Электронный ресурс]: Постановление Совмина СССР от 13.01.1987 N 48. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

6. О мерах по совершенствованию управления экономическим и научно-техническим сотрудничеством с социалистическими странами [Электронный ресурс]: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1986 N 992. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/4483> (дата обращения: 19.02.2018).
7. О собственности в СССР: Закон СССР от 06.03.1990 N 1305-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. N 11. Ст. 164.
8. Об иностранных инвестициях в СССР: Указ Президента СССР от 26.10.1990 N УП-942 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. N 44. Ст. 944.
9. Основы законодательства об иностранных инвестициях в СССР (приняты ВС СССР 05.07.1991 N 2302-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. N 31. Ст. 880.
10. Об обеспечении залогом обязательств, возникающих при осуществлении иностранных инвестиций в СССР: Указ Президента СССР от 17.08.1991 N УП-2400 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. N 34. Ст. 979.
11. Об инвестиционной деятельности в РСФСР: Закон РСФСР от 26.06.1991 N 1488-1 // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2-3.
12. Об иностранных инвестициях в РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 04.07.1991 N 1545-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
13. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федеральный закон от 29.04.2008 N 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 5 мая 2008 г. N 18. ст. 1940.
14. Фархутдинов И.З. Иностранные инвестиции в России и международное право [Электронный ресурс] // Евразийский юридический портал. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=885%3A2011-09-20-07-32-53&catid=117%3A2011-09-20-07-18-21&Itemid=37 (дата обращения: 15.12.2017).

References

1. Boguslavskij M.M. Inostrannye investicii: pravovoe regulirovanie (Foreign investment: legal regulation). M.: Izdatel'stvo BJeK, 1996.
2. Istorija (History), *Oficial'nyj sajt Gosudarstvennoj korporacii «Bank razvitija i vneshnejekonomicheskoy dejatel'nosti. Vneshjekombank»*. URL: <http://www.veb.ru/ru/about/history> (accessed date: 15.12.2017).
3. О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1986 №991 (ред. от 06.05.1989) (On measures to improve the management of foreign economic relations: Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 19.08.1986 No. 991 (redaction from 06.05.1989)). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant pljus».
4. О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления: Указ Президиума ВС СССР от 13.01.1987 No. 6362-XI (On issues related to the establishment on the territory of the USSR and the activities of joint ventures, international associations and organizations with the participation of Soviet and foreign organizations, firms and management bodies: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 13.01.1987 No. 6362-XI), *Vedomosti VS SSSR*. 1987. N 2. St. 35.
5. О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран – членов СЯВ: Постановление Совмина СССР от 13.01.1987 N 48 (On the procedure for the establishment of joint ventures, international associations and organizations of the USSR and other CMEA member countries on the territory of the USSR:

Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 13.01.1987 No. 48). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant pljus».

6. O merah po sovershenstvovaniju upravlenija jekonomicheskim i nauchno-tehnicheskim sotrudnichestvom s socialisticheskimi stranami (On measures to improve the management of economic and scientific and technical cooperation with socialist countries: Resolution of the CPSU Central Committee, Council of Ministers of the USSR of 19.08.1986 N 992). URL: <https://www.lawmix.ru/sssr/4483> (accessed date: 19.02.2018).

7. O sobstvennosti v SSSR: Zakon SSSR ot 06.03.1990 N 1305-1 (On property in the USSR: USSR Law of 06.03.1990 No. 1305-1), *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 1990. N 11. St. 164. 8. Ob inostrannyh investiciyah v SSSR: Ukaz Prezidenta SSSR ot 26.10.1990 N UP-942 (On Foreign Investments in the USSR: Decree of the President of the USSR of 26.10.1990 No. UP-942), *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 1990. N 44. St. 944.

9. Osnovy zakonodatel'stva ob inostrannyh investiciyah v SSSR (prinjaty VS SSSR 05.07.1991 N 2302-1) (Fundamentals of legislation on foreign investment in the USSR (adopted by the SC of the USSR 05.07.1991 No. 2302-1)), *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 1991. No. 31. St. 880.

10. Ob obespechenii zalogom objazatel'stv, vznikajushhih pri osushhestvlenii inostrannyh investicij v SSSR: Ukaz Prezidenta SSSR ot 17.08.1991 N UP-2400 (On securing collateral for obligations arising from the implementation of foreign investment in the USSR: Decree of the President of the USSR of 17.08.1991 No. UP-2400), *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 1991. N 34. St. 979.

11. Ob investicionnoj dejatel'nosti v RSFSR: Zakon RSFSR ot 26.06.1991 N 1488-1 (On investment activity in the RSFSR: Law of the RSFSR of 26.06.1991 No. 1488-1), *Bjulleten' normativnyh aktov*. 1992. No. 2-3.

12. Ob inostrannyh investiciyah v RSFSR: Zakon RSFSR ot 04.07.1991 N 1545-1 (On Foreign Investments in the RSFSR: Law of the RSFSR of 04.07.1991 No. 1545-1). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant pljus».

13. O porjadke osushhestvlenija inostrannyh investicij v hozjajstvennye obshhestva, imejushhie strategicheskoe znachenie dlja obespechenija oborony strany i bezopasnosti gosudarstva: Federal'nyj zakon ot 29.04.2008 N 57-FZ (On the procedure for foreign investment in business entities of strategic importance for ensuring the country's defense and state security: Federal Law No. 57-FZ of April 29, 2008), *Sobranie zakonodatel'stva RF* ot 5 maja 2008 g. N 18. st. 1940.

14. Farhutdinov I.Z. Inostrannye investicii v Rossii i mezhdunarodnoe pravo (Foreign investment in Russia and international law), *Evrazijskij juridicheskij portal*. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php? Option = com_content & view = article & id = 885% 3A2011-09-20-07-32-53 & catid = 117% 3A2011-09-20-07-18-21 & Itemid = 37 (accessed date: December 15, 2017).

Дата поступления: 23.01.2018

Received: 23.01.2018

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niippg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0,5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66597 от 21 июля 2016 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>
Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Редакционно-издательский отдел
Научно-исследовательского института проблем правового государства
450103, г. Уфа, ул. Глухарина 7.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2018

Подписан в печать 14.03.2018 г. Вышел в свет 20.03.2018 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 23,95. Уч. изд. л. 21.51. Тираж 500. Заказ 11.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.